

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА
ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

**КОНТАКТНЫЕ ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ
В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Материалы докладов и сообщений

16–19 ноября 2009 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2010

ББК 81.2
К 64

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Председатель –
проректор РУДН по научной работе
д. филос. н., проф. *Н.С. Кирабаев.*

Зам. председателя:
зав. кафедрой иностранных языков
филологического факультета академик МАН ВШ,
д.ф.н., проф. *Н.Ф. Михеева;*
акад. МАН ВШ, д.ф.н., проф. кафедры иностранных языков
филологического факультета *Н.М. Фирсова*

Члены оргкомитета:
декан филологического факультета
д.ф.н., проф. *А.Г. Коваленко;*
д.ф.н., проф. *Т.В. Ларина;*
к.ф.н., доц. *Ю.Н. Эбзеева;*
к.ф.н., доц. *Н.Б. Ковыришина;*
к.ф.н. *Е.Г. Дмитриева* – ответственный секретарь

**К 64 Контактные языки и диалекты в аспекте
межкультурной коммуникации:** Материалы
докладов и сообщений. 16–19 ноября 2009 г. –
М.: РУДН, 2010. – 266 с.

ISBN 978-5-209-03816-0

© Коллектив авторов, 2010

© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2010

ОРГКОМИТЕТ

ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

«Контактные языки и диалекты в аспекте межкультурной коммуникации»

Председатель –

проректор РУДН по научной работе, д.филол.н., профессор
Н. С. Кирабаев.

Зам. председателя:

зав. кафедрой иностранных языков
филологического факультета акад. МАН ВШ, д.ф.н., проф.
Н. Ф. Михеева;
акад. МАН ВШ, д.ф.н., проф. кафедры иностранных языков
филологического факультета *Н. М. Фирсова*

Члены оргкомитета:

декан филологического факультета, д.ф.н., проф.
А.Г. Коваленко;
д.ф.н., проф. *Т. В. Ларина;*
к.ф.н., доц. *Ю.Н. Эбзеева;*
к.ф.н., доц. *Н. Б. Ковырина*

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Дневное пленарное заседание

Михеева Н.Ф.

(Россия, Москва)

Перспективы развития контактной лингвистики в Российской Федерации

Изучение пиджинов, креольских и других контактных языков (креолистика) является частью теории языковых контактов, традиционно относимой к социалингвистике. Это представляется оправданным, т.к. единственное, что отличает контактные языки от «обычных» – это особые условия их возникновения, т.е. не лингвистические, а социалингвистические параметры. Тем не менее, в строении данных языков прослеживаются определённые закономерности, что даёт возможность говорить и о лингвистических особенностях этого типа языков. Основополагающими для креолистики являются понятия пиджин и креольский язык.

Современные исследования пиджинов, креольских и смешанных языков давно вышли за рамки поверхностных описаний. Креолисты работают в нескольких направлениях: помимо систематического описания структуры таких идиомов, проводятся подробнейшие исследования их внешней истории с

целью проследить этапы их формирования, учесть всевозможные языковые влияния. Проводятся исследования, которые призваны определить вклад каждого из языковых компонентов при формировании конкретного контактного языка.

Большое внимание уделяется также общим вопросам: изучаются условия формирования языков данного типа, причины их возникновения, характер их отношений к языку-лексификатору. Можно констатировать, что исследование пиджинов и креольских языков важно не только само по себе; этот материал имеет чрезвычайный интерес для общего языкознания в целом. Это определяется следующими факторами. Изучение языков, явившихся результатом интенсивного языкового контактирования, помогает раскрыть природу языковых контактов, являющихся одной из важнейших причин языковых изменений. Кроме того, возникновение пиджинов, формирование на их основе креольских языков можно рассматривать как «возникновение нового языка». Исследование их становления может пролить свет на понимание сущности языка, его природы и генезиса.

При этом в фокусе исследований по-прежнему находятся в основном пиджины, креольские и смешанные языки, возникшие на основе западно-европейских языков – прежде всего, английского, французского и португальского.

Пиджины и креольские языки являются не однотипными языковыми образованиями, а идиомами разных типов; процессы их формирования (пиджинизация и креолизация) представляют

собой два совершенно разных процесса, каждый из которых имеет свои закономерности и обусловлен своими причинами.

Пиджинизация – процесс формирования особого типа языков (пиджинов) при ситуативно ограниченных и несистематических контактах двух или нескольких разноязычных народов. При этом язык-пиджин возникает не в результате естественного воздействия языков друг на друга в ходе их развития, а как бы в результате их столкновения, когда один из языков (язык-источник) «разбивается на кусочки». Из такого рода «кусочков» и формируется редуцированный язык-пиджин. Из других языков, участников столкновения, заимствуются лишь отдельные слова. Языком-источником при пиджинизации всегда оказывается язык господствующего этноса.

В теории языковых контактов выделяют, как правило, следующие условия пиджинизации: 1) контакт двух или нескольких групп, не знающих языка друг друга; 2) стандартная контактная ситуация (торговля, обмен, подневольный труд и т.п.); 3) контактирующие стороны социально неравны; 4) ситуация контакта периодически повторяется; 5) пиджин не является родным ни для кого из говорящих; 6) низкая грамотность колонизируемых народов; 7) незаинтересованность носителей языков-источников в том, чтобы местное население овладевало их языком.

Неправильное и неполное усвоение языка-источника носителями местных языков-субстратов (причиной тому – чрезвычайно ограниченные сроки усвоения языка без какого-либо

систематического обучения) и стремление носителей языка-источника (колонизаторов) предельно упростить свою речь при общении с местным населением с целью быть лучше понятыми способствовали возникновению пиджинов. Таким образом, главное условие возникновения пиджина – отсутствие взаимопонимания между носителями местного языка и носителями языка-источника. Пиджины возникают в условиях «экстремальных» языковых контактов, когда у двух или нескольких групп людей, которым необходимо договориться о чём-то конкретном, нет общего языка. Пиджин – это редуцированный идиом, не имеющий коллектива собственных носителей, часто не воспринимающийся самими говорящими как «язык»; он служит вспомогательным средством коммуникации, спонтанно возникающим в стандартных коммуникативных ситуациях. Типичные ситуации возникновения пиджина – обмен товарами, торговля, ситуация подневольного труда. Обычно пиджин принимается за девиантный диалект, описываемый как ломаный, испорченный, искажённый язык.

Важной составляющей такой ситуации оказывается тот факт, что у говорящих нет иного средства коммуникации – т.е. в коммуницирующих сообществах нет двуязычных индивидов. Это условие является самым главным для ситуации образования пиджина. Вторым важнейшим условием является отсутствие мотивации к изучению другого языка.

Пиджин может использоваться в семьях, где родители не имеют общего языка. Если не будут приложены сознательные

усилия для обучения ребёнка своим родным языкам, то его первым языком станет пиджин. Наличие других детей со сходным языковым воспитанием приводит к использованию пиджина вне дома, а его экспансия – к пополнению лексики и расширению функционального диапазона.

В некоторых случаях пиджин становится родным языком какой-то группы населения, соответственно расширяя круг своих функциональных возможностей. При этом для нового поколения такой пиджин становится часто единственным языком. Этот процесс называется нативизацией, или креолизацией пиджина, а новая ступень развития контактного языка – креолом.

Креольские языки отличаются смешанностью и редукцией структур, а также массовыми заимствованиями. В отличие от креольского, у пиджина нет языкового коллектива, где он является первым языком, но у него есть фактические нормы употребления. Креольские языки – языки, возникшие из пиджинов в результате процесса нативизации, когда пиджин становится родным языком некоторого коллектива говорящих. Существуют также теории, согласно которым креольские языки могли образоваться, минуя стадию пиджина, непосредственно из языка-источника.

Число зафиксированных в мире креольских языков в несколько раз больше числа пиджинов, однако следует иметь в виду, что грань, за которой происходит превращение пиджина в креольский язык, размыта. Являясь «вспомогательным языком», пиджин обладает незначительным по объёму словарем и упрощённой грамматикой; в зависимости от родных языков

говорящих он распадается на различные этнолекты (этнические диалекты), специфика которых проявляется в словаре, грамматике и фонетике. В процессе креолизации эти различия нивелируются, увеличивается словарный состав, усложняются фонетическая и грамматическая структуры.

Креольский язык – это родной язык, происходящий от пиджина, а пиджин – как результат языкового компромисса, не являющийся ничьим родным языком и употребляемый двумя или несколькими языковыми коллективами, когда они вступают в общение. Креольские языки, в отличие от пиджинов, обслуживают все необходимые коммуникативные ситуации, в результате их грамматика усложняется (происходит расширение грамматики).

Креольский же язык может постепенно превращаться в литературный, особенно в обществах промежуточного типа с высокой степенью социальной стратификации.

В период европейской экспансии в эпоху географических открытий и колонизации в XVI в. происходило формирование огромного числа пиджинов, в основу которых легли португальский, испанский, французский и английский языки. Первый пиджин на основе английского языка возник в Северной Америке в ходе «происходивших» в начале XVII века контактов между индейцами и белыми поселенцами; другие варианты пиджинов на основе английского сформировались в Китае и в Западной Африке в XVII веке и в Австралии и южных морях в начале XIX века. Китайско-английский и австралийский пиджины почти исчезли; меланезийский пиджин (неомеланезийский язык) до сих пор

существует и функционирует. В настоящее время в мире насчитывается свыше шести десятков креольских языков, что в несколько раз превосходит число существующих пиджинов. Общее число говорящих на креольских языках оценивается примерно в 30 млн. человек.

На американском континенте несколько разновидностей ранее существовавшего негритянско-английского пиджина продолжили существование в креолизированной форме; например, язык гулла на побережье Южной Каролины, креольский английский Ямайки и других островов Вест-Индии и тики-таки в Суринаме (Нидерландской Гвиане). Французский лежит в основе креольских языков Луизианы, Гаити, Вест-Индии, Маврикия и Реюньона; испанский — в основе папьяменто и нескольких контактных языков на Филиппинах. Существуют также многочисленные пиджины и креольские языки, в основе которых лежат неевропейские языки, например, чинукский жаргон на севере тихоокеанского побережья США и лингва жерал («общий язык») в Бразилии, в основе которого лежит язык южноамериканских индейцев тупи-гуарани. Процессы креолизации играли и продолжают играть заметную роль в истории развития крупнейшего африканского языка суахили.

С точки зрения структуры пиджины и креольские языки похожи на все прочие языки, но, как уже было отмечено, отличаются упрощённой грамматикой и небольшим количеством слов. Они имеют чётко определённые фонологические системы,

которые можно записывать в научной транскрипции или же в орфографии, применимой к разным языкам.

Поскольку словарный состав пиджинов сильно ограничен, отдельные слова часто приобретают гораздо более широкое значение, чем они имеют в языке-источнике. В силу своей упрощённости пиджин способен обслуживать лишь ограниченный класс ситуаций общения.

Тем не менее, многие современные исследователи считают ошибочным представление о том, что пиджины и креольские языки не укладываются в традиционное представление о языковых семьях и их дивергенции. Генетическое родство является весьма конкретным понятием, выводимым на основании строгой процедуры. Если применить к пиджину или креольскому языку процедуру определения языкового родства, то окажется, что он однозначно связан со своим языком-лексификатором.

Процесс креолизации пиджинов происходил в разных социальных условиях: в смешанных семьях, возникавших в береговых европейских укреплениях, на плантациях, а также среди беглых рабов, во многом воспроизводивших традиционные африканские культуры в условиях Нового Света. Источники словарного и структурного обогащения в этих случаях оказывались различными: в одних случаях язык-лексификатор (тот, из которого происходила большая часть словарного состава пиджина) продолжал оказывать влияние на складывающийся креольский язык, в других это действие полностью отсутствовало.

Смешанный язык – это язык, который образовался как результат негенетического развития двух языков, причем он возник не в качестве языка-посредника, необходимого для обеспечения коммуникации, а как средство групповой самоидентификации для внутригруппового общения. Исходно все члены группы – билингвы, владеющие теми двумя языками, на базе которых возникает смешанный язык. Образовавшийся смешанный язык как бы составлен из различных частей языковых источников, при этом лексика взята из одного языка, а большая часть грамматических структур – из другого.

Смешанные языки отличаются от пиджинов следующим: главное отличие состоит в том, что появление смешанного языка не обусловлено отсутствием общего средства коммуникации. Группа, которая в дальнейшем начинает пользоваться смешанным языком, исходно всегда двуязычна. Основная причина появления нового (смешанного) языка – конструирование группой, поначалу занимающей маргинальное положение, собственной идентичности. Вновь образовавшаяся группа в качестве одного из маркеров этничности использует вновь образовавшийся язык.

Смешанный язык возникает быстро – буквально в течение жизни двух поколений. Можно сказать, что одно поколение «изобретает» язык (продолжая говорить на двух других, из которых один является родным), для следующего поколения новый язык (смешанный) уже является родным и служит средством внутригруппового общения. «Родители» смешанного языка им тоже известны и используются при общении с другими

группами; в дальнейшем один из языков-источников, как правило, менее престижный, перестает употребляться.

Безусловно, данный вопрос требует специальных исследований.

Фирсова Н.М.

(Россия, Москва)

**О разработке новых научных направлений в отечественной
испанистике в аспекте межвариантной национально-
культурной специфики**

В наши дни, когда процесс глобализации охватил все сферы жизни во всем мире, реальностью последних десятилетий стали постоянные, никогда невиданные ранее, интенсивные межъязыковые и межкультурные контакты между различными странами и народами.

Очень быстро стало понятно, что даже отличное нормативное знание иностранного языка без знания национально-культурных особенностей коммуникации, весьма часто не помогает избежать возникновения разнообразных коммуникативных сбоев, непонимания, искажения информации, обид, а иногда и культурного шока.

Как известно, в отечественном языкознании недавно появилась новая, чрезвычайно многоаспектная дисциплина – «межкультурная коммуникация», которая, в первую очередь,

связана с выявлением и дальнейшим описанием национально-культурной специфики общения коммуникантов. На сегодняшний день эта недавно родившаяся область знаний изучена далеко неполно, даже в таких языках, как русский и английский.

Наблюдения показали, что для обнаружения национально-культурной специфики функционирования языковых средств, использование традиционных лингвистических методов явно недостаточно. В последние десятилетия лингвистика, как и многие другие дисциплины, приобретает междисциплинарный характер. Имеет место бурное развитие многочисленных смежных с лингвистикой дисциплин, таких, как социолингвистика, лингвокультурология, этнопсихолингвистика, когнитивистика, коммуникативистика, эмотиология и т.д.

Безусловно, без развития подобных междисциплинарных научных направлений невозможно познание всех сторон межкультурной коммуникации.

Нельзя не отметить, что в связи с бурным расширением контактов между различными странами, реальностью нашего времени выдвинуты *новые требования к преподаванию иностранных языков*; во-первых, бесповоротно утвердился коммуникативный подход к обучению иноязычной речи; во-вторых, теперь в учебный процесс включено ознакомление учащихся с основами межкультурной коммуникации.

Обучение современной испанской разговорной речи отличается особенной сложностью: в первую очередь это связано с наличием в испанском языке самого большого числа

национальных вариантов (20), для которых характерна ярковыраженная национально-культурная специфика. В то же время особенности употребления испанского языка в латиноамериканских испаноязычных странах ещё очень мало изучены, не исследована и специфика коммуникативного поведения испаноязычных народов. Сейчас многие действующие учебники и учебные пособия не отвечают в полной мере предъявляемым ныне требованиям.

Известно, что вообще отечественная испанистика в сопоставлении, например, с германистикой или русистикой, наука ещё очень молодая. Особенно это касается составной части отечественной испанистики – латиноамериканистики, основоположником и главным разработчиком которой, как известно, является академик Г.В. Степанов. В наши дни в свете бурного развития межкультурных контактов очень важно *продолжить дальнейшее изучение испанского языка в аспекте межкультурной коммуникации.*

В свое время Н.М. Фирсовой была высказана мысль, что для выявления национально-культурной специфики коммуникации необходимо проводить *сопоставительные* исследования не только *разных языков* (данный тип национально-культурной специфики коммуникации был назван «межъязыковая национально-культурная специфика»), но и *разных национальных вариантов одного и того же полинационального языка* (этот тип обозначен ею как «межвариантная национально-культурная специфика»). И межъязыковое сопоставительное изучение языков, и

межвариантное требует дальнейшего дробления данных областей знаний на более узкие направления, поскольку возникает потребность специальных исследований различных сторон межкультурной коммуникации и причин, способных создавать помехи в межкультурном общении.

Что касается испанского языка, то, как показали наблюдения, возникала чётко выраженная необходимость разработки *нового направления в области* испанской сопоставительной лексикологии – *«межвариантной сопоставительной лексикологии испанского языка»*.

Это легко объяснимо. Анализ специальной литературы, общение с носителями языка в Испании, ряде стран Латинской Америки, РУДН, а также работа по созданию «Испанско-русского словаря. Латинская Америка», позволили сделать вывод о многообразии и многогранности форм лексико-семантических расхождений между пиренейским национальным вариантом и латиноамериканскими национальными вариантами испанского языка. Приведём некоторые примеры. В частности, к полнейшему непониманию, культурному шоку, приводит незнание расхождений в сфере *межвариантной омонимии*¹. Так, в Испании и абсолютном большинстве стран Латинской Америки слово *рарауа* обозначает «папайя», «плод дынного дерева», в то же время на Кубе и в Никарагуа оно обозначает «женский половой орган».

¹ Подробнее см.: О межвариантной омонимии в испанском языке // Фирсова Н.М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. – М., 2007, с. 203-213.

Подобных примеров достаточно большое количество. Наши исследования показали, что величина омонимического ряда в латиноамериканских национальных вариантах испанского языка иногда насчитывает *десять* и даже более лексических единиц. Тема «межвариантная омонимия» в испанском языке чрезвычайно многообразна; она требует проведения специальных исследований.

Для предотвращения полнейшего непонимания, а иногда и культурного шока очень важно знание межвариантного узуса отдельных лексических единиц, которые можно номинировать как «*межвариантные антонимы*». К примеру, в Испании *roto* – «оборванец», в Мексике – «франт», «элегантно одетый человек». В Испании слово *топа* («обезьяна») это «красивая, симпатичная женщина», в Боливии «некрасивая женщина», в Колумбии (в ряде департаментов) – «рыжая уродина». В Никарагуа, в отличие от других испаноязычных стран, лексема *un poco* («мало», «немного») означает «много», «большое количество».

Наблюдения показывают, что этот тип семантических расхождений между лексическими единицами не является частотным. В то же время исследования подобных семантических несходств чрезвычайно важны для предотвращения сбоев в процессе межкультурного общения.

В процессе межкультурной коммуникации возникают различные помехи и в результате незнания лексико-семантических расхождений в группе *полисемантических* слов, а также в группе *слов-синонимов*. (Речь идет о «*межвариантной полисемии*» и

«межвариантной синонимии».)² В первом случае приведём следующий пример: в Испании *sacho*го – «щенок, детёныш животного», на Кубе – «молокосос, щенок (о человеке)». Примеры межвариантных синонимов: в Испании синонимом слов *automóvil*, *auto* («автомобиль») является слово *coche*; в Латинской Америке – со значением «автомобиль» используется лексема *safo*, которая в пиренейском национальном варианте означает «телега». Таким образом, учитывая необходимость разработки проблем «межкультурной коммуникации», многоаспектность этой дисциплины, а также новые требования к преподаванию иностранных языков, огромные сложности в плане преподавания испанского языка, представляется очень важным продолжить разработку вышеуказанного нового направления, а именно – «межвариантной сопоставительной лексикологии испанского языка».

Поскольку фразеология является одним из ярчайших средств выражения национально-культурной картины мира в языке народа, её изучение в нашу эпоху особенно важно. Исследования функционирования фразеологизмов в испанском языке показали, что национально-культурная специфика фразеологических единиц (ФЕ) ярче всего высвечивается не только при сопоставлении с другими языками, но и при сравнении *разных национальных вариантов испанского языка*³. Таким образом, можно говорить как

² Подробнее см.: Фирсова Н.М. Ук.соч. 2007., с. 59 – 64.

³ См.: Фирсова Н.М. 1) К вопросу национально-культурной специфики в испанской фразеологии // *Испанська Мова і культура в сучасному світі* –

о межъязыковой национально-культурной специфике испанской фразеологии, так и о межвариантной. Приведём примеры, в которых в ФЕ отражается мировидение испноязычных народов. Так, боливийцам присущи неторопливость и удивительная (с позиции русского человека) непунктуальность. Существует такое устойчивое словосочетание, как “hora boliviana” (букв. перевод – «боливийский час»), что означает, что человека не следует ждать в назначенное время, так как он придет с опозданием (No lo esperen a la hora indicada: Llegará con hora boliviana (запись информантов). В пиренейском национальном варианте подобных устойчивых словосочетаний мы не обнаружили. Следует отметить, что боливийцы не трудоголики, что подтверждает такой фразеологизм, как “Nunca hagas hoy lo que puedes dejarlo para mañana” (букв. перевод «Никогда не делай сегодня то, что ты можешь оставить на завтра»). В Испании эта ФЕ не употребляется. Любопытно, что русский фразеологизм «Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня» отображает полностью противоположную мировоззренческую установку русских.

Київ, 1994; 2) К проблеме национально-культурной специфики испанских и русских фразеологизмов//Фирсова Н.М. Ук.соч., 2007, с.255-260; Михеева Н.Ф. Национально-культурное своеобразие функционирования фразеологизмов в современном испанском языке (на примере мексиканского и пиренейского национальных вариантов испанского языка // Семантика, прагматика и грамматика организации единиц различных уровней. – Минск, 1997; Чеснокова О.С. Испанская фразеология в контексте лингвокультурологии // Вестник РУДН, сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – М., 2003, №1, с.73 – 78.

Новым направлением в отечественной испанистике является и такая область знаний, как *межвариантная диалектология испанского языка*, основоположником которой является Н.Ф. Михеева⁴. Безусловно, данное направление чрезвычайно многогранно и его изучение требует значительных усилий многих исследователей. Для испанистики, в первую очередь для латиноамериканистики, оно представляет немалый интерес, в частности, в аспекте межкультурной коммуникации. Дело в том, что для большинства латиноамериканских государств характерна значительная дифференциация и большая дробность в области диалектологии. Это объясняется различными факторами, в первую очередь тем, что в этих странах из-за климатических и географических условий имеется ряд труднодоступных и поэтому относительно изолированных районов. Известную роль в наличии столь широкого числа диалектов играют политические и экономические факторы. К примеру, Колумбия делится на столичный округ и 32 департамента, имеющих самоуправление. Несмотря на наличие единой нации, любой департамент рассматривается и в экономическом, и в культурном отношении чуть ли не как автономная республика. До сих пор колумбийские провинции при поддержке правительства хранят свои традиции и обычаи; в каждой – своя самобытная культура. Подобное положение дел естественно сказывается на специфике местной

⁴ См.: Михеева Н.Ф. 1) Испанский язык на территории юго-западных штатов Америки. – М., 2002; 2) Испанский язык и межкультурная коммуникация. – М., 2003; 3) Межвариантная диалектология испанского языка. – М., 2006.

речи; существуют даже свои локальные формы «культурной речи», отличающиеся друг от друга в разных департаментах⁵.

Очень хотелось бы надеяться, что рассмотренные новые научные направления в отечественной испанистике заинтересуют исследователей, и их изучение будет продолжено.

Ларина Т. В.

(Россия, Москва)

Английский язык как

язык межкультурного общения

В настоящее время английский язык является языком межкультурного общения, его определяют как глобальный, международный, интернациональный, мировой, полиэтнический и т.д. Все эти определения указывают на широкую распространенность английского языка в мире и на ту важную роль, которую он играет как язык-посредник в межкультурном диалоге, т.е. при общении носителей различных языков и культур. Если всего несколько веков назад английский язык состоял из собрания диалектов, на которых говорили монолингвы в пределах берегов маленького острова, то сейчас он представлен такими типологически различимыми вариантами, как пиджины и креолы, новые варианты английского языка и целый ряд стандартных и нестандартных разновидностей, на которых

⁵ Подробнее см. Фирсова Н.М. Современный испанский язык в Колумбии. – М., 1984.

ежедневно говорят в более чем 60 странах мира, где он является официальным языком [Cheshire 1991, 1]. По данным Д. Кристала в начале двадцать первого века английский язык являлся первым языком для 400 миллионов жителей земли, проживающих в 75 регионах, еще более чем для 430 миллионов – вторым, а в целом на нем говорило 1500 000 000 человек [Crystal 2003, 65 – 67]. Следует отметить, что данные эти быстро меняются в пользу английского языка. О его распространенности свидетельствует и тот факт, что, по результатам опроса постоянных представительств ООН, на каком языке они предпочитают получать информацию, из 185 представительств 130 выбрали английский, 36 – французский и 19 – испанский [Тер-Минасова 2007, 251]. Всего, по подсчетам специалистов, в той или иной степени на английском языке говорит треть населения земли. В наше время это язык дипломатии, науки, образования, компьютерных технологий, международного транспорта, спорта и т. д.

Однако тот факт, что в настоящее время английский язык стал языком мирового масштаба, что дает возможность говорить на нем представителям различных культур, не снимает проблем коммуникации, так как, имея «глобальный язык», мы, несмотря на все расширяющийся процесс глобализации, имеем множество культур. Говоря на английском языке, представители этих культур под воздействием своих культурных ценностей и традиций привносят в английский язык свои особенности, в результате чего английский язык существует в различных вариантах. Специалисты выделяют три круга распространения английского

языка: внутренний (inner circle), внешний (outer extended circle) и расширяющийся круг (expanding extended circle) [Kachru 1988]. В первый круг входят варианты английского языка, на которых говорят в странах, где он традиционно являлся и является основным, это – британский, ирландский, американский, канадский, австралийский и новозеландский английский. Второй круг образуют варианты английского, на которых говорят в странах, где он является вторым по значимости (Индия, Сингапур, Малави и др.). В последний входят страны, в которых английский язык не имеет никакого официального статуса, но где осознают его важность как языка международного общения. В списке этих стран называются Китай, Япония, Греция и др., и список этот неуклонно растет [Kachru 1988. Цит. по: Crystal 2003, 60].

Причиной наличия вариантов английского языка является воздействие на него национальной культуры народа, который говорит на английском языке. Поскольку, как известно, язык не может существовать вне культуры, знания культуры и культурных различий играют все бóльшую роль при изучении иностранного языка. В таком случае возникает вопрос, какую культуру следует изучать и на какой вариант опираться при изучении английского языка как языка международного общения?

По мнению А. Вежбицкой [Wierzbicka 2006], варианты английского языка, входящие в первый круг его распространения, можно объединить под термином Anglo English. Не оспаривая того факта, что между ними есть много различий, А. Вежбицкая

считает, что они относятся к культурам, разделяющим важнейшие ценности, унаследованные от английской культуры, т.е. их основу составляет Anglo culture, частью которой и является Anglo English. Хотя термин Anglo English представляет собой некую абстракцию, он отражает важную историческую и культурную реальность [Wierzbicka 2006, 6]. С нашей точки зрения, этот термин полезен и в методическом плане, поскольку с его помощью можно устанавливать не только различия, но и сходства, что важно при обучении английскому языку как иностранному. Еще раз уточним, что под ним имеется в виду то общее, что объединяет все варианты английского языка, которые составляют первый круг его распространения. Зная основные культурные, в том числе коммуникативные, ценности, которые в основном характерны для Anglo English, мы получаем основу, на которой может строиться общение, варьируя его затем в соответствии с особенностями культуры своего конкретного собеседника. Для этого необходимо иметь базовые знания о типах культур и культурных ценностях, которые в первую очередь отражаются на процессе коммуникации, и прежде всего знания о культурных, точнее коммуникативных, ценностях английской культуры (Anglo culture), которые формируют английский стиль коммуникативного поведения. Важнейшими из них являются уважение к личности, личная автономия (privacy), дистантность, равенство, эмоциональная сдержанность.

В обобщенном виде английский стиль коммуникации, сформированный под влиянием этих ценностей, можно охарактеризовать как:

дистантный (строгое соблюдение дистанции⁶ в пространственном, вербальном и эмоциональном аспектах);

неимпозитивный (сведение до минимума коммуникативного воздействия на собеседника);

косвенный (с точки зрения способа выражения коммуникативных интенций);

некатегоричный (субъективность при выражении мнения, совета, отказа и т.д.);

кооперативно-конформный (характеризуется ярко выраженной ориентированностью на партнера по коммуникации, которая проявляется как на уровне содержания, так и на уровне оформления высказываний);

лично-ориентированный (приоритет отдается личности, а не ее статусу, характерна симметричность ролей, демонстрация равенства коммуникантов)⁷, отсюда еще одна черта – неформальность (демократичность), проявляющаяся, главным образом, в обращениях и приветствиях, а также в достаточно высокой терпимости к употреблению инвективной лексики;

⁶ В данном случае речь идет о горизонтальной дистанции, о строгом соблюдении права каждого на личную неприкосновенность, личную автономию.

⁷ Эту черту можно назвать также «равноправием в манерах поведения» (egalitarianism of manners) [Годдард 2007, 161].

ориентированный на высокий уровень вежливости (во всех типах контекстов, связанных с побуждением);

регламентированный (большая насыщенность нормами и строгое следование им);

аттрактивный (характерна ярко выраженная демонстративная приветливость);

эмотивный (с точки зрения направленности выражаемых эмоций и их коммуникативной функции, т.е. для него характерна сознательная, запланированная демонстрация эмоций, имеющая определенную коммуникативную установку);

экспрессивный (характерно частое употребление большого количества суперлативных единиц во многих коммуникативных ситуациях);

имплицитный, ориентированный в большей степени на форму, а не на содержание (значительная асимметрия семантики и прагматики высказываний);

многословный (во всяком случае, в сфере фатической коммуникации).

Важно подчеркнуть, что дистантность, названная нами в списке характеристик английского стиля коммуникации первой, предопределяет все последующие характеристики и охватывает все коммуникативное пространство англичан – вербальное, невербальное и эмоциональное. Англичане предпринимают большие усилия для того, чтобы сохранить дистанцию и НЕ ЗАДЕТЬ своего собеседника ни жестом, ни словом, ни чувством, как и для того, чтобы заверить его в своей доброжелательности и

симпатии. Для иллюстрации – два примера: Would you kindly stop smoking, please? Thank you – букв.: Вы любезно пожелали бы перестать курить, пожалуйста? Спасибо (замечание водителя закулившему пассажиру) / Your daughter is a genius. She is absolutely fantastic – букв.: Ваша дочка – гений. Она абсолютно фантастична (учитель – родителям ученицы). Таким образом, при общении с англичанами, прежде всего, следует соблюдать дистанцию, что так не свойственно представителям русской культуры, и более регулярно оказывать знаки внимания и расположения своему собеседнику [подробно см. Ларина 2003, 2009].

Вышеназванные стилевые черты были выделены нами при сопоставлении английского (британского) стиля коммуникации с русским, однако в той или иной степени они характерны и для других вариантов английского языка, которые входят в первый круг его распространения. При сопоставлении английского языка с другими языками, они могут быть несколько иными. Насколько регулярно и безоговорочно следует принимать их во внимание, зависит от ряда условий, главные из которых – коммуникативный контекст и преследуемые цели коммуникации.

Существует мнение, что, адаптируя свое поведение к иному стилю коммуникации, мы можем потерять свою идентичность, т.е. потерять себя. Думается, все же разумно следовать пословице When in Rome do as the Romans do. Однако наша цель – не навязывать английский стиль коммуникации и слепо следовать ему, а научить участников русско-английского диалога, во-первых,

адекватно интерпретировать коммуникативные действия друг друга, а, во-вторых, вести себя в соответствии с собственными целями – вежливо либо грубо, но уметь делать это осознанно.

Поскольку наличие глобального языка, как уже отмечалось, не предполагает наличия глобальной культуры, то представители иных культур, говоря на английском, руководствуются своими культурными нормами и стереотипами поведения. В связи с этим необходимо учитывать, кто наш собеседник – англичанин, американец, австралиец либо житель Индии или африканского континента и т.д. Принимать во внимание вышеназванные стилевые черты следует в первую очередь при общении с носителями британского варианта английского языка, а также тех вариантов, которые входят в первый круг его распространения и образуют *Anglo English*, хотя и между ними существуют различия. Так, в австралийской культуре отдается предпочтение «скромной сдержанности» и «эмоционально ровному стилю высказываний», австралийцев отличает «настороженное отношение к вежливости и изящным манерам», фразе *It's just perfect* они предпочтут *Not bad* или *Pretty good* [Годдард 2007, 160, 172]. Обращения в американском варианте английского языка более формальны, чем в британском.

При общении с представителями других культур следует иметь в виду, что, чем менее индивидуалистической является культура, к которой принадлежат собеседники, тем больше они будут отходить от английского стиля коммуникации, поскольку их собственный этностиль будет оказывать влияние на их

коммуникативное поведение. Так, даже представители других западных культур, например, испанцы или итальянцы, допускают большую прямолинейность и меньшую косвенность, чем это характерно для английского стиля коммуникации, а также большую эмоциональность. Представители коллективистских культур отходят от английского стиля коммуникации еще больше.

В целом, следует учитывать, что чем меньше дистанция общения, тем менее строгими являются правила поведения и тем менее регулярными являются действия, которые часто считаются универсальными. Интересным в этой связи является такой речевой акт, как благодарность. С точки зрения англичан, у которых *thank you* – одно из самых частых слов, используемых в повседневном общении, русские благодарят намного реже, что является одной из причин, по которой русские в глазах англичан (как, впрочем, и представителей других западных культур) считаются невежливыми. В то же время, оказавшись среди индийских коллег, я несколько раз слышала в свой адрес упрек иного рода – ‘*Why do you say thank you so often, you are among friends*’ (Почему ты так часто говоришь спасибо, ты ведь среди друзей). Последний комментарий говорит о многом. В первую очередь он является подтверждением того, что при более близких отношениях (в Индии горизонтальная дистанция еще меньше, чем в России) формальные знаки внимания являются менее востребованными и даже неуместными. Индия не единственный пример этому. В Корее вербально благодарят только чужих. В корейской семье супруги не говорят друг другу спасибо, дети не говорят спасибо

родителям, так как считается, что свою благодарность им они должны хранить всю жизнь в своем сердце, а не выражать ее словами [Kyoung-Joo Yoon 2007, 115]. Эта особенность корейской культуры стала причиной серьезной проблемы корейской девочки с ее приемными родителями-англичанами, которые учили ее говорить спасибо. В ответ она только плакала, считая, что к ней относятся как к чужой. Есть народы, в языке которых слово спасибо и вовсе отсутствует⁸, так как помогать друг другу столь естественно, что благодарить не принято. Таким образом, уместность вербальной благодарности как платы за то или иное действие, подарок, услугу и т. д., которая представляется универсальной нормой, на самом деле определяется типом культуры, доминирующими культурными ценностями общества, отношениями между его членами. Чем больше расстояние между собеседниками, тем более часто они говорят спасибо. Яркий пример этому – английская культура, являющаяся наиболее индивидуалистической и характеризующаяся максимальной горизонтальной дистанцией.

В межкультурном общении следует также учитывать тот факт, что горизонтальная и вертикальная дистанции взаимосвязаны: при сокращении горизонтальной дистанции возрастает вертикальная [Hofstede 1984]. Значительная

⁸ Ю. Савенков называет пунанов, А. Вежицкая упоминает в этой связи некоторые народы Австралии [Савенков 1999; Wierzbicka 2003]. По свидетельству моих информантов, слово *спасибо* отсутствует в африканском языке лингало.

вертикальная дистанция диктует свои правила поведения. Так, в Индии, где очень развита кастовая система, которая образует иерархию индийского общества, очень трепетно относятся к старшему поколению, поэтому им выражается особое отношение при общении. Приветствие и прощание в адрес старших выражается поклоном. Незабываемым моментом было прощание со студентами в индийском городе Уджейне, когда в знак уважения они поклонились мне в ноги, прикоснувшись к кончикам моих туфель. Только знание культуры помогло правильно интерпретировать их поведение и адекватно на него отреагировать. Для индийских студентов учитель – это гуру, который достоин глубокого уважения. Обращаясь к нему, непременно используют Sir/Madam (Mam), возможно добавление имени (Neelakshi mam). В британской или ирландской культуре, напротив, к профессору университета студенты могут свободно обратиться по первому имени, например, неформальной фразой Hi, Sara. Подобное обращение, однако, свидетельствует не об отсутствии уважения к преподавателю со стороны студентов, а об иной культурной ценности – равенстве, которое демонстрируется даже при наличии асимметричных отношений.

Формулы обращения в целом являются наиболее ярким примером влияния культуры на вербальную коммуникацию. Так, если сравнить формулы обращения в британском и индийском вариантах английского языка, то здесь без труда можно увидеть проявление значительной горизонтальной дистанции и небольшой вертикальной дистанции в британской культуре и, напротив,

незначительную горизонтальную дистанцию, но большую вертикальную дистанцию в индийской культуре. В силу этих причин в британской культуре вежливо демонстрировать равенство (даже при его фактическом отсутствии), в индийской – вежливо подчеркивать статус собеседника, демонстрировать почтение. В результате, если в британской культуре сфера обращений Sir/Madam (Mam) в настоящее время весьма ограничена и они употребляются главным образом в адрес клиентов в сфере услуг (т.е. снизу – вверх), то в индийской культуре эти обращения являются широко употребляемыми и используются даже при обращении сверху – вниз (покупатели – продавцу или пассажиры – водителю).

Еще одной интересной особенностью индийского английского является то, что при обращении к незнакомому адресату широко употребляются термины родства, чего нет ни в британском, ни в американском английском. Данная особенность является интерференцией с языка хинди и диктуется национальной культурой, проявлением коллективистской ментальности, когда понятие семья охватывает не только кровных родственников, но распространяется на более широкий круг людей. Так, *didī* – это не только сестра, но и любая старшая женщина, *bhaiī sahib / bhaiya / bahai* – не только брат, но и любой старший мужчина. При этом используются как английские термины, так и термины языка хинди. Наиболее распространенными являются *uncle*, *aunt* (при обращении к адресату, который существенно старше, т.е. к представителю другого поколения); *brother*, *sister*, а также *behen*

(сестра), *didī* (старшая сестра), *bhaiyā* (брат) (при обращении к адресату, который не намного старше). Важно отметить, что, в отличие от русского языка, обращения *uncle* (дядя), *aunt* (тетя) в адрес незнакомых используют не только дети, но и взрослые: *Aunt, could you tell me the time?* (мужчина 34-х лет к пятидесятилетней женщине, оба – представители среднего класса). Выбор между *mat* и *aunt* определяется рядом социальных факторов.

При обращении к старшим индийские коммуниканты часто используют специальный маркер уважения, существующий в языке хинди – *jī* (*jīi*, *jee*), что является проявлением значительной вертикальной дистанции, характерной для индийского общества: *Aunt jī* / *uncle jee* / *behen jee* / *btother jī* и даже *sir jī* и *madam jī*, а также слово *sahab* (*saab*, *saheb*, *sahib*), использовавшееся в колониальный период как особая форма уважения при обращении к мужчинам-европейцам. В настоящее время оно добавляется к слову *bhaii* (брат): *bhaii Sahib*, *bhaisahab*. Таким образом, индийские коммуниканты, говоря как на хинди, так и на индийском варианте английского языка, демонстрируют весьма интересную особенность – в одном и том же контексте они одновременно используют две противоположные стратегии. Обращаясь к незнакомцу, они, с одной стороны, употребляют термины родства, демонстрируя солидарность и близость, с другой – подчеркивают уважение к нему: *uncle jī* (дядя + уважение), *behen jī* (сестра + уважение), *bhai sahib* (брат + уважение).

Как видим, говоря на английском языке, следует учитывать его вариативность и многообразие, принимать во внимание культурную принадлежность собеседника, знать особенности его культуры, те ценности, которыми он руководствуется в своем коммуникативном поведении. Следует исходить из того, что коммуникативное поведение людей, как вербальное, так и невербальное, является компонентом их национальной культуры, оно регулируется национальными нормами и традициями, знание которых необходимо для взаимопонимания, преодоления стереотипов и эффективного межкультурного взаимодействия.

Эбзеева Ю.Н.
(Россия, Москва)

Языковая политика франкоязычных стран на современном этапе

В начале 21 века французский язык остается одним из важнейших мировых языков, представленный на многочисленных территориях одновременно как единый коммуникативный инструмент и как система специфических вариантов, характеризующихся тем или иным социолингвистическим статусом, той или иной культурной ролью в жизни общества, тем или иным структурным, нормативным и речевым своеобразием.

Из-за своего большого распространения французский язык получил множество вариантов в зависимости от территории распространения (географическая вариантность), от социальных

слоев (социокультурная вариантность) и эпохи (временная вариантность).

В течение долгого времени грамматики и словари французского языка ориентировались на узус узкой социальной прослойки, при этом региональные особенности внутри самой Франции, а также зарубежные варианты абсолютно игнорировались. Ситуация начала меняться после 1972 г., в результате публикации словаря издательства «Bordas» (в 1977г. за ним последовал «Le Petit Robert», а в 1989 – «Le Petit Larousse illustré»), в которые были включены бельгийские, швейцарские и канадские элементы. «Trésor informatisé des vocabulaires francophones», проект, начатый в 1987 г., объединяет лексические ресурсы Бельгии, Канады, Швейцарии, Марокко, Бурунди, Реюньона, Алжира, Камеруна.

В середине 1980 – х гг. директор Национального института французского языка Б. Кемада создал команду университетских лингвистов, которые в рамках программы «Etude du français en francophonie» Университетского агентства Франкофонии разработали то, что впоследствии получило название Панфранкофонной базы лексикографических данных – Base de données lexicographiques panfrancophone – BDLP – Internationale), служащей основой для создания Панфранкофонного словаря.

Так что же такое франкофония?

При написании слова «франкофония» с маленькой буквы речь идет о неформальном объединении людей, численностью около 600 миллионов, в разной степени владеющих французским

языком. Если же слово «Франкофония» написано с большой буквы, оно обозначает официальную межправительственную структуру - Международную организацию франкофонии (Organisation internationale francophone).

Другие члены Франкофонии (помимо Франции) считают, что французский язык в такой же мере является их достоянием, и что они могут располагать им по своему усмотрению. Ведь после Страсбургских клятв 842 г. первым значительным текстом на французском языке стала Кантилена о Святой Евлалии, обнаруженная в городке Сент-Аманд в Бельгии.

В Бельгии языковая политика применяется к ситуации, при которой несколько языков находятся в состоянии контакта или даже конфликта. Бельгийская языковая политика направлена на изменение относительного статуса различных языков с тем, чтобы они лучше соответствовали потребностям общества. Французский язык бельгийцев является национальным вариантом французского языка, т. к. ему свойственно соответствие функциям национального варианта: ранг официального, наличие национальной литературной нормы, статус родного для абсолютного числа жителей, выполнение полного объема общественных функций и лингвокультурологическая специфика. Помимо этого действует такой субъективный фактор как фактор самоидентификации: уроженец бельгийского города Шарлеруа осознает себя не только жителем этого города, но и бельгийцем, осознавая себя причастным к французскому языку, но отнюдь не к Франции.

Сочетание псевдоархаичных и инновационных черт в целом придает особую национальную специфику французскому языку Бельгии и его лексическому уровню, в частности. Национальный менталитет, особенности национального мировидения бельгийцев, а также естественное развитие языка как средства коммуникации обуславливают также формирование и развитие специфических тематических пластов и образование культурно-значимой лексики.

Интересный материал для понимания национального бельгийского характера дают самоквалификации бельгийцев – словесные характеристики, описывающие представление бельгийцев о самих себе. Наиболее частотные из собранных нами (главным образом, во время пребывания в Бельгии) таких самоквалификаций – это, пожалуй, добрые и толерантные.

Бельгийцы любят говорить про языки и о языках. Наличие интереса бельгийцев к особенностям своего языка подтверждает тот факт, что, начиная с 1990 г., каждую среду проф. Клеант анализирует лексические, фонетические, морфологические и синтаксические особенности французского на территории Бельгии на страницах газеты «Le Soir».

Проблемы взаимодействия и взаимовлияния культур, соотношения языка и культуры, поиск оптимальных форм межкультурного общения всегда привлекали внимание ученых.

Два основных направления исследований в области межкультурной коммуникации - это интернациональная межкультурная коммуникация и внутренняя межэтническая коммуникация. Мы проводим исследование особенностей

функционирования французского языка на территории Бельгии – многоязычного государства. Для нас абсолютно логичным является построение единой теории, вбирающей в себя достижения обоих научных направлений, с целью нахождения ответа на вопросы: как разные культуры (Франции и Бельгии) накладывают отпечаток на единый язык, и как осуществляется коммуникация на разных языках (французский, фламандский и немецкий) в рамках единого государства?

Бельгия, будучи сравнительно молодым государством, стала мощной европейской державой с единой культурой и плюралистским обществом. Именно поэтому мы считаем возможным анализировать бельгийскую культуру, учитывая межэтнические отношения внутри общества, то есть анализируя валлонский, фламандский, немецкий и другие компоненты, входящие в единую культуру. С другой стороны, проводя исследование бельгийского варианта французского языка, мы реализуем интеркультурный анализ взаимодействий между Бельгией и Францией.

Умелому оперированию в двух когнитивных системах способствует когнитивная гибкость, вырабатываемая на основе опыта межкультурного общения. Иногда тематика беседы строится вокруг ключевого слова, неверное понимание которого приводит к коммуникативной неудаче. Например, бельгийский друг может пригласить вас на «dîner», что во французском языке Франции означает «ужин». Не осознавая, что речь идет о разных

понятиях, вы можете быть удивлены, когда вам уточнят час: ведь в Бельгии «dîner» - это обед.

Следующими механизмами межкультурной коммуникации являются абстрагирование и фильтрация информации. Например, стереотипизация на основе сформировавшихся ранее предубеждений может стать фильтром, препятствующим эффективному общению. В частности, мы проводили эксперимент, в котором приняли участие 20 бельгийцев и 20 французов обоих полов в возрасте от 20 до 60 лет. Нами был предложен ряд заданий, среди которых:

подобрать три ключевых слова, характеризующих основные черты характера а) бельгийцев; б) французов.

Результаты исследования позволяют судить о стереотипизированных представлениях, сложившихся у французов о бельгийцах и наоборот.

Ассоциирование, являясь механизмом межкультурной коммуникации, позволяет классифицировать объекты на основе их сходства с некими прототипами. Неадекватное использование предшествующего опыта может привести к формированию стереотипов. Некоторые индивидуальные черты того или иного бельгийца могут, например, быть типологизированы представителями других национальностей.

Временной контекст также оказывает влияние на ряд параметров межкультурного общения. В различные временные отрезки по-разному складываются взаимоотношения между государствами и их международный авторитет, что определяет

характер самоидентификации участников межкультурной коммуникации.

Престиж Бельгии на международной арене значительно возрос после размещения в Брюсселе ряда европейских организаций.

Понятие культурно-языкового кода - одно из ключевых в межкультурной коммуникации. Использование одного и того же кода обычно приводит к успеху в коммуникации, но не гарантирует его. Иллюзия коммуникации между французами и бельгийцами заключается в том, что, общаясь на одном языке, они часто не учитывают языковые и культурные особенности, что иногда приводит к частичной блокировке каналов коммуникации. Культурно-языковой код тесным образом связан с понятиями менталитета и национального характера.

Внутренняя кодировка информации объясняет, почему слово или словосочетание бессмысленно для одних людей и может быть исполненным глубокого смысла для других. Поэтому информация на двух концах коммуникативной цепочки, особенно если отправитель и получатель информации принадлежат разным культурам и обладают разным объемом фоновых знаний, никогда полностью не совпадает. Например, автор книги «Ni vous sans moi, ni moi sans vous» F. Mallet-Joris, рассказывая историю (и истории) человеческих отношений, разворачивает повествование вокруг архитектурного сооружения – Пагоды (la Pagode) (название дома), являющегося неким соединительным звеном и лейтмотивом в судьбах главных героев. Ф. Мале-Жорис совершает

своего рода экскурс по архитектурному прошлому и настоящему своей Родины – Бельгии. Имена бельгийских архитекторов – Josef Hoffmann, Horta, Hankar – известны большей части бельгийцев с определенным запасом культурной грамотности, тогда как даже самым образованным иностранцам приходится прибегать к словарям, чтобы убедиться в аутентичности описываемых в некоторых отрывках моментов. Успешные коммуникативные контакты могут основываться на единстве используемых концептов, фоновых знаний, пресуппозиций, аллюзий и других культурно-языковых средств.

Учет специфики социальной стратификации языка в каждой национальной языковой общности позволяет точнее определить географическую дифференциацию бельгийской речи.

Проблема будущего французского языка не снята с повестки дня в настоящее время. Тезис о необходимости сохранить «единство в многообразии» как нельзя лучше подходит к функционированию современной фазы французского языка.

Дмитриева Е.Г.

(Россия, Москва)

Межкультурная коммуникация сквозь призму швейцарского национального варианта французского языка

Своеобразие языковой ситуации в Швейцарии определяется тем, что эта страна занимает промежуточное положение между германским и романским миром. По-французски говорит сегодня каждый пятый ее житель. Франкошвейцарцы проживают в шести кантонах на западе страны: Во, Женева, Невшатель, Бернская Юра, Фрибур, Вале. Последние два кантона объявлены двуязычными: франко-германскими. В Швейцарии французский язык сосуществует в правовых рамках официального многоязычия, активно взаимодействуя с другими языками Конфедерации – немецким, итальянским и ретороманским (с 1938 г.). Сложившаяся в этих условиях этническая и лингвистическая общность испытывает на себе непосредственное влияние с обеих сторон.

Феномен швейцарского языкового союза во многом объясняется историческими коллизиями, происходившими на территории современной Швейцарии на протяжении многих веков. В V веке территория современной Швейцарии (в то время – римская провинция Гельвеция) вошла в состав Франкского государства. Однако владычество франков ограничивалось полицейским и фискальным контролем. В течение своего трехсотлетнего господства они (подобно монголам) не оказывали

серьезного давления на религию и культуру покоренных народов и, в конечном счете, приняли их язык и религию. На юго-западной окраине нового государства (известной еще как Галлоромания) утвердился франко-провансальский диалект. В Средние века большая часть страны вошла в состав «Священной Римской империи германской нации», и восточные кантоны «заговорили» по-немецки. В дальнейшем агрессивная политика германских феодалов вовлекла швейцарцев в военные конфликты с ними, где солидарно, независимо от языка, выступили жители всех кантонов. В этой борьбе за свободу и государственную самостоятельность выкристаллизовывалась религиозная терпимость и лингвоэтническая толерантность швейцарцев, вызывающая сегодня огромный интерес и всеобщее уважение.

На исходе Средневековья западные районы Швейцарии «накрыла» мощная волна французской лингвокультурной экспансии, связанная с эмиграцией гугенотов из соседней Франции. Десятки тысяч беженцев способствовали интенсивному распространению франсийского диалекта - языка французского королевства. Этим объясняется то обстоятельство, что французский язык швейцарцев обнаруживает существенно меньше отклонений от языка метрополии, чем его германошвейцарский сосед.

Хотя франкошвейцарский национальный вариант не несет серьезных отклонений от центральнофранцузской нормы, сфера его применения постоянно расширяется, и это диктует необходимость расширения словарного состава. Областью, где

расхождения особенно заметны, является лексика, которая наиболее подвижна и в наивысшей степени подвержена воздействию внешних факторов. Так, заметные отличия присутствуют в системе построения числительных. Центральнoфранцузский вариант содержит в себе отклонения от строгого десятичного порядка в сторону двадцатеричного счёта («soixante-dix», «quatre-vingts», «quatre-vingt-dix»). Во французском языке Швейцарии употребительны такие десятичные формы как «septante», «huitante» и «nonante», а также их производные «septantaine», «septantième», «nonantaine» и «nonantième», которые считаются архаичными во французском языке Франции. В Швейцарии они характерны и для разговорной речи, и в административных документах, в то время как в произведениях франкоязычных писателей преобладают метропольные формы.

Также наблюдается феномен образования новых форм женского рода, нехарактерных для языка метрополии, который не предусматривает наличие женского рода у существительных, называющих традиционно мужские профессии, такие как солдат (soldat), полицейский (policier), полковник (colonel). В швейцарском варианте французского языка можно встретить такие формы как colonnelle (женщина-полковник), contremaître (женщина-бригадир), lieutenant (женщина-лейтенант), liftière (лифтерша), policière (женщина-полицейский), soldate (женщина-солдат), ingénieure (женщина-инженер). Отметим, что граждане альпийской республики терпимо относятся к появлению новых

языковых форм в своих лингвистических ареалах: в 1988 г. в Швейцарии принят указ, согласно которому название каждой должности на немецком, французском и итальянском языках должно сопровождаться эквивалентом в женском роде (*artisan-artisanne, huissier-huissière, contremaître-contremaîtresse*).

Интерес вызывают примеры внедрения элементов локальной культуры в систему языка метрополии. Во Франции усвоено такое слово швейцарского происхождения как *fondue*. С помощью термина «*un saquelon*» обозначается котелок или глубокая сковородка, в которых готовится это кулинарное блюдо. Другой пример - одно из наиболее употребляемых франкошвейцарских слов – «*le chalet*». В Швейцарии оно употребляется с начала XIV века. Во Франции «*le chalet*» впервые было зарегистрировано в 1723 году, и вошло в употребление после появления книги Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза» (1761 г.) Оно проникло и в швейцарский немецкий язык (*Chalet – Schweizerhäuschen*, швейцарский домик).

В то же время многие слова, имеющие хождение в современной франкоязычной Швейцарии, являются устаревшими для французского языка метрополии. К примеру, детскую прогулочную коляску в Швейцарии называют словом «*un pousse-pousse*». Во Франции это слово обозначает коляску рикши. Такое его значение известно и в Швейцарии. Тем не менее, значение «детская коляска» дается без помет во французско-русском словаре К.А. Ганшиной под цифрой «3», после значений «коляска рикши» и «повозка для реклам, для доставки товаров на дом». В словаре *Lingvo* также дается третьим значением, но

сопровождается пометой «швейц.» (употребительно в Швейцарии). В журнале «J'achète mieux» № 147 1986 г. находим интересное замечание, из которого следует, что словом «poussette» во Франции называется то, что в Швейцарии именуют словом «pousse-pousse», а словами «landau» и «voiture d'enfant» то, что в Швейцарии носит название «poussette». Первым значением слова «une poussette» в словаре К.А. Ганшиной является «детская колясочка; ручная тележка», слово «un landau» переводится как «ландо (четырёхместная карета с раскрывающимся верхом)»; в словаре Lingvo вторым значением слова «landau» является «детская коляска». Слово «pousse-pousse» появилось во французском языке только в конце XIX века, сначала в значении «повозка для реклам», позже «детская коляска» [Larousse, 1903]. Со второй половины XX века оно появляется во французских словарях исключительно в значении «коляска рикши». Последним словарем, дававшим значение «детская коляска» был Ларусс 1932 года. Под словом «une poussette» в словаре DSR понимается «petite voiture d'enfant constituée d'un châssis souvent pliable monté sur quatre roues, muni d'un guidon et une caisse suspendus recouverte d'un toit dépliant, dans laquelle on promène le nourrisson en position couchée». Так как сегодня существуют коляски-трансформеры, где ребенок может и лежать, и сидеть, появились слова «poussette-pousse-pousse» (24 Cites, 30 août 1977, p.22), «poussette/pousse-pousse» (www.ricardo.ch) и «poussette transformable» [Léman Express, 22 mai 1995, p.2]. Иногда одно из значений указывается в скобках, как синоним. Установить, изначально ли эти два слова

называли разные предметы, или расхождение в смысле появилось позже, не представляется возможным, так как до последнего времени они указывались в словарях французского языка как синонимы. Лишь в конце XX века [Larousse 1984; TLF] в словарных статьях стало уточняться, что словом «une poussette» во Франции называется «сидячая» коляска.

Франкоязычная Швейцария, вместе с итальянской и ретороманской частями, составляет романоязычный ареал. Лингвистически он противопоставлен германской доминирующей зоне, в силу чего основным источником заимствований для французского языка Швейцарии является местный вариант немецкого языка.

Приведем несколько примеров.

Термином «röstigraben» представители обеих общин обозначают непонимание между франко- и германоговорящими жителями. Выражение «reindre le diable sur la muraille» означает «быть пессимистом, видеть негативную сторону во всем» и очень часто употребляется как в устной речи, так и в литературе франкоязычной Швейцарии. Это словосочетание является калькой с немецкого выражения «den Teufel an die Wand malen» и неизвестно во Франции [Deutsches Universal Wörterbuch 1996].

Словом «la benzine» во французском языке Швейцарии называют бензин. Сегодня оно употребляется наравне со своим французским эквивалентом «l'essence»; иногда они используются параллельно. Тем не менее, словосочетания «poste à essence» и «faire le plein de l'essence» употребляются чаще, чем «poste à

benzine» и «faire le plein de benzine», тогда как «aller chercher/prendre de la benzine» предпочтительнее, чем «aller chercher/prendre de l'essence». Кроме того, для обозначения бензина в Швейцарии используется слово «un carburant». Во Франции слово «la benzine» обозначает «бензол», хотя в словаре Lingvo вторым значением дается перевод «бензин», с пометой «просторечие». Для обозначения бензина можно использовать словосочетание «benzine de pétrole». Это слово представляет собой германизм и происходит от слова «das Benzin»; впервые оно было использовано в книге Ф. Моннье «Mon village» 1909 г.

В франкошвейцарском варианте используется глагол «yodler», который означает особую манеру пения без слов с быстрым переключением голосовых регистров (эта техника впервые появилась среди альпийских пастухов). Данный глагол был также заимствован из немецкого языка Швейцарии – глагол «jodeln».

Германское влияние не ограничивается лексическими интерференциями на уровне разговорно-обиходной речи. В официальных текстах, опубликованных на франкошвейцарском, также проявляется иноязычный оттенок. Дело в том, что официальная документация издается в Берне на немецком языке и потом переводится на другие языки Швейцарии. В этой связи швейцарские лингвисты говорят о «федеральном французском языке» (le français fédéral). Образчиком такого языка является текст швейцарской конституции [Constitution fédérale de la Confédération suisse 1999].

Завершая тему, подчеркнем, что цивилизованные страны, посредством своих культурных центров и иных учреждений, стараются сохранять и поддерживать лингвистические традиции своих маргинальных ареалов. От политики государства в первую очередь зависит, куда будет направлен вектор развития национального варианта: превратится ли он в полноценную языковую норму или будет низведен до уровня диалекта.

Пушкина А.В.

(Россия, Москва)

Глобальный язык в современном мире: плюсы и минусы

Новое время, новые рыночные отношения, процесс глобализации диктуют свои условия межкультурного общения. Глобализация – процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Процесс глобализации затрагивает всевозможные сферы человеческой деятельности: сферы образования и медицины, науки и искусства, экономики и финансов, труда и информационных технологий. Современное общество испытывает потребность в компетентных людях, обладающих целым рядом умений, в том числе, коммуникативных.

Вне всякого сомнения, процесс глобализации не может не повлиять на лингвистический аспект, а именно распространение того или иного языка в современном обществе. Необходимость в глобальном языке очевидна.

Существует масса причин, по которым определенный язык становится приоритетным: это и историческое наследие, и исторически сложившиеся традиции, политическая целесообразность и готовность к международным контактам различного характера. Язык традиционно становится международным еще по одной причине: мощь государства – политическая, военная и технологическая.

Язык приобретает статус глобального языка, когда он начинает играть особую роль и получает признание. Речь идет не о родном языке, а о языке, которому отдается приоритет в обучении ему как иностранному.

Исторически так сложилось, что роль глобального языка, языка международного общения, отводится сегодня именно английскому языку. Он распространен в различных слоях общества и владение им является залогом успеха человека.

Но язык – не только средство коммуникации. Язык – это зеркало души, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира [Тер-Минасова 2000, 14]. Поэтому, изучая иностранный язык, мы знакомимся с миром и культурой носителей языка.

Очевидна положительная сторона распространения английского языка как глобального в силу влияния новых информационных и коммуникационных технологий: владение

английским языком способствует налаживанию межкультурных связей и освоению новых передовых технологий.

Но есть и негативные стороны распространения глобального языка. Процесс взаимодействия английского языка с другим в значительной степени влияет на его структуру, словарь и культуру. Речь идет о заимствовании лексических единиц из английского в исконный. Пополнение словарного состава идет, в основном, за счет англицизмов (американизмов), которые проникают практически во все стороны человеческой деятельности. Английские слова не только пополняют словарный состав, но и заменяют уже существующие слова в исконном языке, что может являться угрозой для развития языка.

Молодежь воспитывается, в основном, на голливудских фильмах, где пропагандируется иная культура, иной образ жизни. Таким образом, идет слепое подражание чужому и постепенная утрата собственных культурных ценностей.

Существуют опасения, что распространение глобального языка снизит желание человека изучать другие языки и ускорит процесс исчезновения малых языков, что является, по сути, интеллектуальной и социальной трагедией.

Возможно, подобное может произойти лишь в долгосрочной перспективе. Но уже сейчас народам стоит задуматься о сохранении родного языка и культурного наследия.

СЕКЦИЯ 1

КОНТАКТНЫЕ ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

Антонюк Е.В.

(Россия, Москва)

Языковая ситуация в штате Флорида (на примере самой многочисленной диаспоры)

Миграционные процессы являются составной частью глобализации, интенсивность межъязыковых и межкультурных контактов растет. США как страна множества транснациональных сообществ и диаспор уже давно привлекает внимание исследователей, в том числе латиноамериканистов, т.к. существенную часть североамериканской цивилизации составляют испаноговорящие диаспоры.

В настоящее время несбалансированная экзогlossная языковая ситуация в южных штатах США представляет собой сложный конгломерат отношений между формирующими ее языковыми системами и подсистемами английского, испанского и др. языков. Североамериканская Академия испанского языка проводит большую работу по систематизации и изучению состояния и перспектив развития испанского языка на территории США. С точки зрения билингвальных отношений, испанский язык сосуществует здесь с системой доминирующего английского

языка. В ракурсе внутриязыковых отношений происходит взаимодействие территориальных и социальных диалектов испанского языка различных этнических групп. В зависимости от преобладания иммигрантов тех или иных стран Латинской Америки североамериканская Академия испанского языка выделяет четыре основных региона распространения испанского языка:

- 1) юго-западные штаты (мексиканцы);
- 2) штат Флорида (кубинцы);
- 3) восточные штаты (пуэрториканцы, доминиканцы, кубинцы и, в меньшей степени, иммигранты из стран Центральной Америки);
- 4) штат Иллинойс, г. Чикаго (пуэрториканцы и мексиканцы).

Современная кубинская иммиграция выделяется на общем фоне испаноговорящего населения США своей специфичностью. Большинство кубиноамериканцев сосредоточены в округе Майями (штат Флорида), где 899.132 из 3.845.069 испаноговорящих жителей имеют кубинское происхождение и образуют самую крупную испаноговорящую диаспору штата (по данным на 2008г.).

Состояние испанского языка кубиноамериканской диаспоры исследовалось многими американскими и кубинскими лингвистами. Большинство из них, оценивая языковую ситуацию в округе Майями с социолингвистических позиций, делают вывод, что в данном регионе идет постепенное становление новой

социокультурной общности, «впитывающей» в себя черты североамериканской и кубинской культур. Жители этого нового социума будут билингвами и их испанский язык, «испанский округа Майями», будет развиваться по своим собственным особым законам и параллельно с английским.

Самые различные факторы повлияли на своеобразие языковой ситуации в штате Флорида, в том числе исторический, географический, социальный и, безусловно, политический.

Штат Флорида – это территория, которая вплоть до начала XIX в. принадлежала Испанской Короне. Поэтому, несмотря на наличие там английских поселений, испанский язык долго оставался доминирующим, что, несомненно, оказало влияние на специфику функционирования английского языка в данном регионе (эта тема заслуживает специального исследования).

Среди кубинских иммигрантов, особенно в начале 60-ых гг. XX в., преобладали жители западного региона Кубы, региона фонетических инноваций, которые они перенесли на свою новую родину. Например, характерными фонетическими явлениями этого региона, сохраняющимися среди кубиноамериканцев, являются: ассимиляция согласных [r] и [l] по типу последующей согласной: *vuelta* 'поворот' [bwédta], *parque* 'парк' [págke]; аспирация [s] внутри и конце слова: *desde* 'начиная, с' [déjde], *mismo* 'тот же; аспирация [r] перед [n] или [l]: *carnaval* 'карнавал' [caj nabál], *Orlando* [ojlándo]; ослабленное произношение звука [y] внутри слова : *playa* 'пляж' [pláia], *pepilla* 'семечка' [pepiia].

За годы длительного сосуществования с доминирующим английским языком, в речи кубиноамериканцев появились специфические черты не только на фонетическом, лексическом, но и грамматическом уровнях, что позволило говорить о становлении нового территориального диалекта, чей социальный статус определяется как кубинский территориальный диалект испанского языка за пределами Кубы.

В настоящее время кубинцы «распределены» по всему штату, хотя большая их часть предпочитает оставаться в пределах округа Майями. Как и 20 лет назад, выбор языка, уровень его владения во многом определяется, работает ли человек в пределах кубинской общины округа Майями или нет.

Еще одним важным фактором, определяющим изменчивость языковой ситуации в данном регионе, является постоянный приток новых иммигрантов как с Кубы, так и из других карибских и латиноамериканских стран (последнее время из Венесуэлы), приносящих свои фонетические и лексические особенности разговорной речи.

Исторические условия кубинской иммиграции повлияли на компоненты языковой ситуации в штате Флорида, объем и характер социальных функций, выполняемых испанским языком, степень его использования в различных сферах человеческой деятельности (образование, наука, официальное делопроизводство, обиходно-бытовое общение и др.), а также на его социально-коммуникативную роль. Социально-исторический фактор обусловил именно те черты региона, которые принципиально

отличают сложившуюся в нем языковую ситуацию от других испаноговорящих регионов на территории США.

В настоящее время кубиноамериканцы образуют одну из крупнейших национальных групп и, что немаловажно, политически и экономически значимых. В США проживают около 2.488.370. кубиноамериканцев (с учетом родившихся уже на территории страны), из них 84% сосредоточены в 4 штатах США: Флорида, Нью – Джерси, Калифорния и Нью – Йорк. 75% кубинцев проживают в следующих мегаполисах: Майями – Фт.Лаудердейл (56%), Нью – Йорк – Нью – Джерси – Лонг Айленд (11%), Лос – Анжелес – Риверсайд – Орандж (4%), Тампа – Ст.Петербург – Клируотер (3%). Округ Майями-Дейд – одна из политико-административных единиц штата Флорида, где кубиноамериканцы составляют подавляющее большинство населения, более 70%. Это легко объясняется как географической близостью к Кубе (всего 166 км от г. Гаваны), сходством тропического климата, так и политически, т.к. Майями-Дейд – символ единения кубинской политической иммиграции, ее Мекка, «вторая столица Кубы».

Данные последнего опроса, проведенного Международным университетом г. Майями среди кубиноамериканского населения города, красноречиво свидетельствуют об этом.

Куда бы Вы предпочли иммигрировать?

Географическое место	Количество	Процентное соотношение
Майями	1099	60.7
Нью-Йорк	65	3.7
Испания	123	6.8
Пуэрто-Рико	13	0.7
Мексика	46	2.5
Венесуэла	37	2.0
Другой город или страна	221	12.2
Всего:	1604	88.6
Не знаю	207	11.4
Общий итог:	1811	100.0

Отметим, что в центре политического диалога в кубинском объединении находятся две чисто лингвистические проблемы: билингвизм и аккультурация. «Замкнутость» кубинской этнической группы замедляет процесс аккультурации. Процентные показатели здесь самые низкие по сравнению с другими испаноязычными диаспорами. В целом, по признанию большинства исследователей, сейчас принято сравнивать положение испаноязычных диаспор в США с «салатом» или «салатницей»: различим каждый ингредиент, несмотря на то, что все они являются частями единого целого. Теория *melting pot*

‘плавильного котла’, или полной ассимиляции, оказалась несостоятельной [Ramos 2005, 126].

Показатели лингвистической «аккультурации» в 5 самых крупных испаноязычных городах США:

Города	Высокая (%)	Средняя (%)	Низкая (%)
Лос – Анжелес	13	53	34
Нью – Йорк	16	63	21
Майями	8	49	43
Сан – Франциско	16	61	23
Чикаго	11	65	24

Сегодня округ Майями – двуязычный город, но, в отличие от областей с давним опытом контакта языков (юго-западные территории США), билингвизм здесь – не результат исторической постепенной иммиграции, а массового и внезапного переселения кубинцев, для которых ценность двуязычия остается на переднем плане по многим, в том числе, и политическим причинам.

Для понимания языковой ситуации среди кубиноамериканцев округа Майями нам представляется важным введенное Х. Фишманом понятие «языковой верности» [Fishman 1964, 32–70], под которым он понимал стремление сохранить и укрепить материнскую культуру в пределах сообщества через сохранение родного языка.

Данная лингвокультурологическая черта являлась кодом менталитета первых иммигрантов и немного «утратилась» среди более поздних иммигрантов, мариэлитос и бальсерос, чье происхождение было значительно более скромным и для которых

новые экономические возможности были гораздо важнее, чем идеологическая и социальная ситуация на Кубе, иммигрантский смысл «языкового и национального единства» стал постепенно заменяться идеей необходимости встраиваться в американский образ жизни. Тем не менее, для большинства кубиноамериканцев округа Майями «языковая верность» остается неизменной и значимой ценностью, а испанский язык – привилегированным языком для внутриэтнических взаимоотношений.

Таким образом, в случае с кубиноамериканской диаспорой, речь идет не об ассимиляции, а об адаптации к фактам американской экономической и политической действительности. Сферы использования испанского языка здесь включают общественную, политическую и научную деятельность, а социальный статус его достаточно высок.

Выбор той или иной ЯЕ в речи кубиноамериканцев зависит также от возраста и принадлежности к тому или иному поколению (I, II, III), степени контакта с испанским и английским языками, влияния английского языка, места жительства (округ Майями или др. города США), социальной принадлежности, сферы использования испанского языка, формы языка (письменная, устная).

Выбор языка на работе связан с тем, работает ли человек в пределах округа Майями или нет, т.к. здесь можно быть экономически успешным независимо от знания английского языка. Только 16% исследуемых лиц в округе Майями говорили на работе исключительно или преимущественно по-английски, для

36% требовался только испанский, а 29,5% признали, что на работе они в равной степени говорят на обоих языках. Одновременно кубинцы осознают важность знания английского языка для продвижения по службе и увеличения доходов.

Помогает ли вам знание испанского языка при устройстве на работу:

Ответы	Количество опрошенных	Процентное соотношение (%)
помогает	1187	65.5
осложняет	308	17.0
не имеет значения	202	11.1
Всего:	1697	93.7
Не знаю	114	6.3
Общий итог:	1811	100.0

Характер кубиноамериканской диаспоры во многом специфичен. Факторы достаточно высокого уровня образования и доходов, контакты с политической элитой страны, политическая активность и участие представителей диаспоры в деятельности институтов англоговорящего американского общества (банках, фирмах, рекламе, руководстве учебными заведениями и т.д.), получение прямых и косвенных программ помощи от американского правительства и некоторые другие позволили расширить сферы использования испанского языка в округе Майями и повысить его социальный статус. Испанский язык довольно активно используется здесь в общественной, политической и научной деятельности.

Уварова М.А.

(Россия, Москва)

**Культ Кабиров и его роль в развитии межкультурной
коммуникации в Средиземноморье в Античную эпоху**

Между государствами, географически близкими друг к другу, в любую эпоху существуют проблемы взаимной коммуникации, особенно острые в периоды глубоких социально-экономических перемен. Они затрагивают все сферы деятельности, и в очень большой степени область культуры и религии. Анализ опыта прошедших эпох может помочь в разрешении межкультурных проблем современности.

Средиземноморье всегда было местом, где с глубокой древности сталкивались интересы и культуры разных народов и государств, и проблемы коммуникации возникали постоянно. В античную эпоху Средиземное море было ареной политической борьбы между греческими полисами, Македонией и, позднее, римским государством. Каждый стремился к доминированию в регионе и применял для этого разные методы, в том числе и методы религиозно-культурного воздействия. Ниже мы рассматриваем культ Кабиров, существовавший на протяжении многих веков на острове Самофракия в Эгейском море, с точки зрения межкультурной коммуникации и борьбы за политическое влияние.

Самофракия лежит западнее древней троянской земли и к югу от фракийского побережья. С древности там было святилище Великих Самофракийских богов, которых многие античные авторы называют Кабирами. Имя «Кабир» – негреческое, как и сами божества. Многие ученые считают [Kern, col. 1399-1401], что это имя родственно семитско-арабскому корню *kbr*, означающему «большой» (ср. арабский, иврит и др. родственные языки). Греки заимствовали многие культы с Востока (например, культ Диониса распространился именно оттуда). Не были исключением и Кабиры. Обычно их изображали как двух юношей, вооруженных копьями, со звездами на остроконечных шапках, но существуют и другие описания. Поскольку культ имел мистическое содержание, трудно определить, какое из описаний наиболее точно. Несомненно лишь то, что греки приняли Кабиров в свой пантеон и стали почитать их в качестве богов-покровителей.

Чтобы получить защиту Кабиров, надо было принять посвящение в мистерии на о. Самофракия, и греки со всех концов Средиземноморья съезжались для этой цели на маленький скалистый остров. Об их количестве свидетельствует множество стелл, найденных в святилище, с именами посвященных.

Когда Самофракия перешла под управление Македонии, начался период расцвета святилища. Македонские правители стремились подчеркнуть свою культурную связь с греками и упрочить свое положение в этом регионе. Самофракия была перекрестком морских путей в северной части Эгейского моря и являлась важным общегреческим религиозным центром. Поэтому

цари Македонии старались оказывать знаки внимания святилищу. Они принимали посвящение в мистерии (например, Филипп II и Олимпиада, будущие родители Александра Великого) [Himer, Decl. et orat.,145-157], развернули большое строительство в святилище (ротонда Арсинои, теменос и др.) [Burkert, p. 185]. Под властью Македонии святилище процветало.

Позже в этот регион пришли римляне. Греция и Македония вошли в состав римского государства в середине II в. до н.э., но еще до этого римляне начали проявлять интерес к восточному Средиземноморью.

Общегреческий культ Великих самофракийских богов представлял хорошую возможность проявить уважение к местной культуре, превосходящей римскую по древности и степени развития, и утвердить свое присутствие в Эгеиде. Еще до того, как эта территория стала римской провинцией, святилище получало дары от римлян. Плутарх сообщает о том, что римский полководец Марцелл после победы над Сиракузами (212/211 г. до н.э.) посвятил самофракийскому святилищу Кабиров часть своей военной добычи [Marc, 30,6]. Также он сообщает о том, как во время III Македонской войны (169 г. до н.э.) македонский правитель Персей прибег к защите Самофракийского святилища, однако начальник римского флота Гней Октавий «из почтения к богам» не захватил остров силой, но в ходе переговоров убедил власти острова выдать Персея [Aem.Paul., 23,11; 26,1,1-2,1].

Присоединив Самофракию к своим владениям, римляне, особенно те, кто отправлялся в Восточное Средиземноморье по

делам или по долгу службы, также стали принимать посвящение в мистерии Великих богов. Римляне очень аккуратно относились к религиозным обрядам и ритуалам. Стремясь обезопасить себя от гнева как своих, так и чужих богов, они часто принимали иноземных богов в свой пантеон в ходе особого обряда эвокации. Целью этого было обеспечить благосклонность и помощь новых богов (на их «территории»), не навлекая на себя гнев богов старых, исконных.

О значительном количестве римских посвященных на Самофракии свидетельствуют стеллы с их именами в святилище. В основном они относятся ко II в. до н.э. – II в. н.э., т.е. ко времени наибольшего присутствия римлян в регионе [Cole, ch. VI].

Примерно в это же время (III-II вв. до н.э.) сложилось представление о том, что изображения именно самофракийских божеств взял с собой Эней, когда отплыл из Трои в Италию, где его потомки основали Рим и римскую нацию, и именно самофракийские боги стали Пенатами, богами-покровителями Римского государства [Cole, p. 100-103]. Как видим, этот миф сложился довольно поздно, но имел большое политическое значение. С его помощью римляне хотели утвердить свое положение в Средиземноморье как древнего народа (каким являлись и греки) и подтвердить свои права на доминирование в регионе. Согласно мифам, Эней бежал из захваченной греками Трои; историки называют примерной датой Троянской войны конец 2 тыс. до н.э.

В римском пантеоне уже были божества-покровители – Лары, Пенаты, Касторы. Кабиры вошли в этот список и постепенно стали смешиваться с другими богами-хранителями римского государства. Этот процесс характерен для античной религии. Вспомним, что основные боги римского пантеона имеют двойные имена – римское и греческое, – так как близкие божества из обеих религий были идентифицированы друг с другом в связи с общностью функций (Зевс – Юпитер, Гера – Юнона, Афина – Минерва, Афродита – Венера, Гермес – Меркурий и др.). Вспомним также, что и греки имели много синкретичных культов, особенно в эллинистическую эпоху (Амон-Зевс, Афродита-Астарта и др.). Кабиры в греческом пантеоне также смешивались с Диоскурами, Куретами, Дактилями (Strabo, VIIa,1,51).

Что касается присутствия римлян на о. Самофракия и их участия в мистериях, то для них были созданы благоприятные условия. Обычно для принятия участия в культе необходимо знать язык, используемый при отправлении культа, и хотя существуют сообщения о том, что в святилище на Самофракии был особый сакральный язык, главным средством общения между жрецами, магистратами острова и приезжими был греческий. Однако для римлян было сделано исключение. Об этом говорят латинские надписи на стеллах с именами римских посвященных, а также надпись-билингва по-гречески и по-латыни (Lewis, ch. V, №63) над входом в Анакторон (здание, где происходила первая стадия посвящения). Видимо, для римлян существовала возможность принять участие в мистериях без знания греческого языка. Однако,

чтобы пройти посвящение до конца, необходимо было все же овладеть греческим, так как надпись над входом в Гиерон, где проходила вторая часть церемонии, была сделана только по-гречески.

Таким образом, культ Кабиров играл значительную роль в процессе мужкультурной коммуникации между греками и Востоком, Македонией и греками, греками и римлянами на протяжении всей античности. Он отражал синкретичный характер религии в поздней античности и способствовал укреплению взаимных связей между народами Средиземноморья.

Лишь с III в. н.э., когда Римская империя вошла в пору глубокого кризиса и связи между Восточной и Западной ее частями стали ослабевать (что привело к образованию в 395 г. н.э. двух независимых государств, Восточной и Западной Империй), а также с приходом христианства, вытеснившего языческие культы, святилище на о. Самофракия потеряло свое бывшее значение и его перестали посещать не только римляне, но и греки. Культ, игравший столь значительную роль на протяжении многих веков в бассейне Средиземного моря, исчез, оставив после себя лишь развалины зданий, обломки стелл и поверье о спасительных огнях, появлявшихся на мачтах кораблей во время бури и названных в христианской традиции огнями Святого Эльма.

Котеняткина И.Б.

(Россия, Москва)

Некоторые аспекты национально-культурной специфики в области номинации лиц по профессии в гватемальском и пиренейском национальных вариантах испанского языка в проблематике межкультурной коммуникации

1. В России начало активных исследований по межкультурной коммуникации можно датировать концом 70-х годов прошлого века [Маслова, 83]. Психолингвисты Института языкознания РАН выпустили сборник «Национально-культурная специфика речевого поведения» [Маслова, 1977], который и явился первой работой по межкультурной коммуникации. [Маслова, 83].

2. В настоящее время в испанистике проблемам национально-культурной специфики коммуникации уделяется все больше внимания, в частности, в области речевого этикета (Н.М. Фирсова, Н.Ф. Михеева, О.С. Чеснокова, Ю.А. Рылов и др.). Необходимо отметить огромный вклад, который внесла Фирсова Н.М. в разработку проблематики национально-культурной специфики коммуникации, выдвинув положение о том, что при изучении полинациональных языков необходимо проводить сопоставительные наблюдения на базе не только различных языков, как это обычно происходило при рассмотрении национально-культурной специфики коммуникации, но и

различных национальных вариантов одного и того же языка (Фирсова, 4).

3. С точки зрения выявления национально-культурного своеобразия, особый интерес в силу его широкой территориальной вариативности, обусловленной неидентичностью культур, представляет полинациональный испанский язык. Для выявления национально-культурного своеобразия мы рассматриваем два национальных варианта испанского языка – так как именно при сопоставлении проявляются языковые средства, маркированные национально-культурной спецификой [Фирсова, 41].

4. Актуальность исследования национально-культурной специфики языковых явлений при обозначении лиц по профессии обусловлена тем, что, во-первых, процесс образования имен существительных, выражающих вышеуказанную семантическую специфику приобрел в последние годы нарастающий темп, в связи с чем оказался в центре внимания зарубежных и отечественных ученых; во-вторых, высокой значимостью для этой группы существительных социальных и национально-культурных факторов.

5. Под национально-культурной спецификой понимается наличие у названных единиц языка специфических признаков, которые отражают (эксплицитно или имплицитно) как интралингвистические (семантические, грамматические, стилистические), так и экстралингвистические (главным образом, социальные, культурные, психологические) факты, свойственные носителям национально-культурных общностей [Фирсова, 9-10].

6. Современная ситуация в лингвистике определяется как полипарадигмальная, что означает, как пишет Маслова В.А., «...отказ от идеи исключительности того или иного подхода и призыв комбинировать различные методы и подходы» [Маслова, 16]. В результате, анализ языковых явлений в области номинации лиц по профессии в гватемальском и пиренейском национальных вариантах испанского языка проводится с точки зрения социолингвистического, лингвострановедческого, когнитивного подходов, что позволило охватить широкий круг вопросов национально-культурной специфики.

7. Несмотря на то, что в абсолютном большинстве испанские названия профессий являются эквивалентными и используются в обоих исследуемых вариантах испанского языка, национально-культурные признаки проявляются, прежде всего, в расхождениях на уровне лексики (в данном случае мы рассматриваем наименования, входящие в толковые словари, активно используемые в языке – общеупотребительные термины). Специфика таких исследований состоит, в частности, в том, что для выявления фактов дивергентности необходимо проанализировать, кропотливо отбирая и сопоставляя, частные факты и многочисленные материалы.

8. Поскольку в прессе четче и яснее всего отражаются основные процессы, для анализа были использованы газетные тексты современных испанских (El Mundo, El País, ABC) и гватемальских [Prensa Libre, La Hora, Siglo XXI, El Periódico] СМИ за период с середины 90-х годов XX-го века до наших дней, что

позволило выявить ряд фактов лексической дивергентности при обозначении лиц по профессии, отражающих специфику гватемальского и пиренейского национальных вариантов испанского языка, обусловленную неидентичностью культур испаноязычных народов. Приведем некоторые примеры.

И для Испании, и для Гватемалы так же, как и для многих латиноамериканских стран, до сих пор характерен «мачизм». Мачизм, как пишет испанский социолог А. де Мигель, «...своего рода психология, оправдывающая власть мужчины и основанная на признании того факта, будто между мужчиной и женщиной существует в корне принципиальное различие (в том числе, что женщина как бы «неполноценный» мужчина) или что «высшее предназначение» женщины – и в пользу этого приводятся также религиозные обоснования – семейный очаг и связанные с ним функции» [А. де Мигель, 230].

Несмотря на то, что в гватемальском обществе, как отмечает гватемальская журналистка М. Каррера, «женщина всегда подчинена мужчине: отцу, мужу, брату, которых она должна слушаться беспрекословно, если не хочет быть наказана или чтобы с ней плохо обращались» [Carrega, 2005], в настоящее время все больше женщин становятся главой семьи (*jefa de hogar*). *La jefatura de hogar* – власть одного члена семьи над остальными ее членами. *El jefe de hogar* – это самый важный человек в семье, с большим авторитетом в принятии семейных решений. Обеспечивая доходы семьи, он распределяет обязанности между остальными ее членами [García Vences, 2005]. В последние годы

политические, экономические, социальные и культурные изменения в стране привели к тому, что женщины начали выполнять роль главы семьи, традиционно принадлежащую мужчине [Vocabulario referido a género, 1996].

Для обозначения главы семьи в пиренейском национальном варианте испанского языка вместо *jefe de hogar* используется термин *cabeza de familia*. Испанские женщины добились больших успехов: благодаря изменениям в 1995 г. соответствующей статьи Гражданского кодекса, испанские мужчины, вступившие в брак, теперь должны «разделять домашние обязанности, заботу и внимание по отношению к детям, родителям и другим иждивенцам» [La Voz de Asturias, 22-04-2005].

Другой пример: хотя «современные англицизмы сейчас очень часто входят в обиход в качестве синонимов к уже существующим испанским лексическим единицам, нередко вытесняя их из употребления» [Фирсова, 109], есть случаи, когда английское слово, например, *babysitter* («почасовая няня») не приживается. «Испаноговорящие люди придумали,— пишет А. Грихельмо, президент испанского информационного агентства EFE,— слово *canguro* и все его поняли». «El genio de la lengua es lento, pero imaginativo» [<http://www.eplais.com/especiales/2001/25aniversario/especial/03/rep04/pl.html>]/

Приведем примеры: «Los agentes establecieron vigilancia en el entorno familiar de *la canguro*, en especial sobre su hija - de 21 años y que también fue detenida - que decía no saber nada sobre su madre». [El País, 30-01-1994] «En el marco de la investigación, iniciada en

febrero pasado, la Policía arrestó a cinco hombres de entre 23 y 43 años de edad en las ciudades de Murcia, Barcelona y Orense, uno de los cuales se ofrecía en anuncios como “*canguro*” (niñero) para poder acercarse a los niños» [Prensa Libre, 27-05-2005].

Гишкаева Л.Н.

(Россия, Москва)

**Формирование новой языковой картины мира разных
территориальных сообществ испанского языка**

После открытия Колумбом Америки и учреждения вице-королевства Новая Испания, на первом этапе освоения новых земель, основной поток жителей метрополии, направлявшихся на американский континент, составляли солдаты, служащие административного управления, торговцы и священники, посылаемые для обращения местных жителей в христианскую религию.

Часть из них нанималась через биржу (Casa de Contratación) в качестве солдат или морской команды галеонов, с намерением покинуть корабль по достижении американского берега. На плантациях, шахтах и в других местах, где требовались рабочие руки, работы первоначально выполнялись порабощенными индейцами, а потом, после запрета на их рабство, неграми из Африки.

Жители метрополии, направлявшиеся на американский континент искать счастья по собственному разумению и ехавшие с семьями, составляли меньшинство. Одновременно имела место и нелегальная иммиграция, особенно через нейтральные европейские порты - Лиссабон, Ла-Рошель и другие. Хроники отмечают множественное «бродяжничество» - «*vagabundeo*» в поисках удачного места для устройства [Auke P. Jacobs, 65-66].

Далеко не все жители метрополии пересекали океан с мыслью остаться в колониях навсегда. Людей, находящихся на административной службе, периодически отзывали в Испанию. Солдаты и вольные торговцы отправлялись в Новый Свет с мыслью разбогатеть и вернуться. Священники подчинялись своим епископам и тоже, в большинстве своём, подлежали возвращению. Примерно для трети людей, пересекших Атлантический океан в обратном направлении, возвращение в Испанию становилось окончательным. Однако средний срок их пребывания в колониях составлял от 8 до 18 лет, период времени, вполне достаточный, чтобы составить легальную или неофициальную семью.

Языком колониальной администрации и размещённых в Новом Свете военных гарнизонов был испанский, что, несомненно, способствовало его ускоренному распространению среди местного населения, находящегося в зонах контакта. Однако стоит предположить, что, как и в случае с пиджин-инглиш в британских колониях, первоначально усвоенный местным населением объём языка завоевателей был

усечённым. Естественным образом ряды испаноговорящих пополняли дети, рождавшиеся в колониях, от которых можно было ожидать более полного усвоения родительского языка.

Иными словами, на территории Мексики за первые полтора века сложилась языковое сообщество, характеризующееся изначально смешанным и варьирующимся составом происхождения поселенцев из метрополии. Новопоселенцы постоянно перемешивались, в первый период испанской колонизации никакой речи о языковой изоляции тех или иных регионов не шло. Рядом на службе могли оказаться выходцы из Севильи, Вальядолида и Сантандера, что способствовало, задолго до того, как это произошло собственно в Испании, синтезу региональных форм и появлению усреднённого в фонетическом и лексическом плане варианта испанского языка. Логично предположить, что это сообщество, в процессе общения с представителями местных народов, вынуждено было пользоваться в основном лишь базовым усреднённым для всех пиренейских наречий словарём, который и становился ядром языка общения в последующих поколениях [Auke P. Jacobs, 67-68].

Как язык колонизаторов, так и язык возникающего метисного населения подвергался усиленному влиянию местных языков в области новых хозяйственных, культурных и географических реалий, что вызывало включение в основной словарь множества новых терминов.

Необходимо отметить ещё два момента в развитии экономической жизни колоний и демографически-миграционных

процессов, которые необходимы для анализа языковых процессов. Если в первые десятилетия материальное снабжение колониальной администрации и войск осуществлялось либо из продуктов, привезённых из метрополии – вина, хлеба и т.п., либо люди питались местной пищей, в том числе мясными продуктами, т.е. мотивации для множества выражений, связанных с традиционным образом жизни в Испании на новом месте отсутствовали, то по мере развития местного хозяйства на американскую землю были привнесены и европейские сельскохозяйственные культуры и домашние животные. В работе О.С.Чесноковой, посвященной анализу фразеологизмов с «гастрономическим» компонентом, отмечено, что с данным компонентом в «мексиканском языке» наблюдается наибольшее количество фразеологизмов. Автор отмечает, что данный пласт фразеологизмов является особо ярким отражением национального менталитета мексиканцев.

Национальное своеобразие фразеологизмов любого языка наиболее четко проявляется при сопоставлении их с ФЕ другого языка. Говоря о национально-культурной специфике испанского языка, следует учитывать, что на нем говорит большое количество народов, каждый из которых имеет свою национальную культуру, историю, этнический состав, психический склад, моральные нормы, верования, а также традиции и привычки. Так, по мнению Н.М. Фирсовой, «национально-культурная специфика в испанском языке (как и в ряде других полинациональных языках) двупланова» [Фирсова, 29-30]. Н.М. Фирсова выделяет «межъязыковую национально-культурную специфику» – при

сопоставлении испанского языка с другими языками и «межвариантную национально-культурную специфику» – при сопоставлении отдельных национальных вариантов испанского языка.

Рассмотрим некоторые, интересные, на наш взгляд, фразеологизмы, которые в различных национальных вариантах испанского языка (в пиренейском и мексиканском) реализуют самые разнообразные фразеологические значения и этимологически их можно соотнести с наиболее исторически давними мотивациями.

A la chita callando – втихомолку, тайком, под сурдинку. Испанские исследователи расходятся во мнении относительно происхождения данного выражения. К. Аранда в сборнике *Dichos y frases hechas* относит его ко временам Реконкисты и противостояния Кастилии и арабских халифатов [Aranda C., 60]. *Chita*, *saeta*, *cheetah* – ручной африканский гепард, использовавшийся арабами для охоты, наподобие гончих собак. Этот вид охоты имел глубокие корни среди арабской знати и просто богатых людей Аль-Андалуз и, уже после перехода владений под власть Альфонса X, оставшиеся под испанским владычеством местные жители пытались продолжить традиционную практику. Выезды на охоту обычно были пышные, многолюдные и праздничные. Тем не менее, католическому королю это увлечение показалось слишком азартным и не согласующимся с христианским духом, поэтому он запретил такую охоту. Под запрет, однако, попала только охота, но не само

владение или разведение зверей. Так что, если как-то удавалось вывести большую кошку (а для этого её надо было научить вести себя тихо, *callada*) без громких слов и команд, незаметно для стражников за пределы городских стен, где контроль практически отсутствовал, то там руки у охотников уже были развязаны. Видимо, ухищрения, связанные с усилиями по утихомириванию животных и обычные в таких случаях истории были столь яркими и оставили в народной памяти настолько глубокий след, что и сейчас в пиренейском национальном варианте испанского языка эта ФЕ остаётся весьма используемой, хотя уже и утратила практически изначальную мотивацию. Так, например, *A la chita callando, ha reducido el papado a una presencia modesta más intraeclesial que el gobierno espiritual mundial que pretendía el papa Wojtyla* [Pedro Miguel Lamet].

На американском континенте, естественно, всякая память о противостоянии арабам, их обычаях со специфической терминологией изначально отсутствовала, следовательно, мотивированные выражения и связанные с ними образы имели очень малые шансы укорениться, не получая подпитки. Однако необходимость компактной характеристики повторяющихся ситуаций оставалась, и в Мексике появляются собственные варианты ФЕ. Когда не удавалось найти местных аналогов никому не понятной и таинственной *chita*, иногда прибегали к прямому объяснению необходимого результата – незаметно, так, чтобы никто не слышал и не обратил внимания, буквально *a la sorda* – в глухую.

- *Ese fenómeno no es atacado por las autoridades policiales del otro lado, o se hacen patos o están coludidos a la sorda.* - Такие акции не преследуются полицейскими властями с другой стороны границы, которые или притворяются слепыми, или замешаны в этом деле под сурдинку. (Из статьи о борьбе с наркоторговцами на границе Мексики с США).

Другой причиной отсутствия мотивации для бытовых выражений, возможно, являлось неравноправие уроженцев метрополии и колоний, в течение длительного периода не допускаемых до определённых должностей и занятий. Так, например, происходило с выражением *Aguantar la mecha* – выполнять взятые на себя обязательства, невзирая на обстоятельства, (взялся за гуж - не говори, что не дюж). Буквально *aguantar la mecha* означает – терпеть (жар) от (зажжённого) фитиля, не нервничать, не терять присутствия духа. Необходимо помнить, что пушки во времена открытия Америки и спустя много лет всё ещё были фитильными, и для каждого выстрела необходимо было производить ручное разжигание заряда. Жар от горящего фитиля часто был весьма неудобен, болезнен, но заряжавшему не оставалось ничего, кроме как терпеть. Однако как во флот, вооружённый пушками, так и в артиллерию принимались только уроженцы метрополии. Для креолов, не говоря уже о метисах, такой путь на протяжении долгого времени оставался закрытым. Им не приходилось обращаться ни с пушками, ни с фитилями. Можно предположить также аналогичную ситуацию с ФЕ мореходной мотивации *Cada palo que aguante su vela* –

каждая мачта должна нести (выносить) свой парус; каждый должен сам справляться с выпавшими на его долю проблемами. Если в Испании, содержавшей огромный военно-морской и торговый флот, с развитым рыболовством в Средиземном море и на побережье Атлантического океана, где процент населения, так или иначе связанный с морской практикой, был достаточно велик для распространения профессиональных выражений на весь языковой массив, то в континентальной Мексике число людей, хотя бы видевших парусный корабль или имевших представление о морской практике, было явно недостаточно [Agustín R. González, 8]). В пользу этого аргумента говорит тот факт, что испанский язык Пуэрто-Рико, где процент моряков и связанных с морем людей был намного выше, термин успешно вошёл и прижился [Fernández Valledor, 4].

На сохранение и «приживляемость» на новой территории старых традиционных выражений мог повлиять и «критический» в истории использования того или иного термина момент переноса его в новое сообщество. Так, например, ФЕ *De alto copete* - с высокой причёской/высокой тульей шляпы и *De muchas campanillas* - со множеством колокольчиков. И та, и другая ФЕ имеют исторические корни в обычаях средневековой Испании, которая жёстко регламентировала поведение для разных сословий, в том числе и манеру одеваться. Женские причёски, особенно мужские и женские головные уборы у знати, характеризовались высокой «надстройкой» на голове, - тульей шляпой в мужском варианте и различными жёсткими деталями чепчиков в женском.

[Menéndez Pidal, 93]. Помимо того, что это было крайне непрактично для повседневной жизни и выполнения определенных работ, людям простого происхождения было запрещено носить такие причёски. Поэтому, краткая и образная характеристика *de alto copete* - (важный, особый), безошибочно указывала на происхождение обсуждаемого человека. Однако, как раз на рубеже XV и XVI веков, мода всё же меняется и, если в метрополии историческая память зафиксировалась, и фраза продолжает употребляться, то в колониях, с их поначалу неустроенным бытом и тенденцией к большей практичности, она и не появлялась, т.е. повод для мотивации изначально отсутствовал.

Звоном колокольчиков - *campanillas* - сопровождалась в позднее средневековье выезды знати и высокопоставленных лиц, например, судей, священников, везущих святыне дары и т.п. Соответственно, человек, или ситуация, сопровождаемая звоном многочисленных колокольчиков была равнозначна чему-то особенному, из ряда вон выходящему. Яркий образ зафиксировался в языке и получил своё использование в литературе. Так, у Бенито Переса Гальдоса: «*Pero habrá grandes de Espana y señores de muchas campanillas, y generales y ministros que les digan a los ministros: "Señores, hasta aquí llego. Ni un paso más."*». «Но в Испании найдутся и гранды, и высокопоставленные господа, и генералы и министры, которые скажут министрам: «Всё, господа, это предел. Дальше идти нельзя» [Benito Pérez Galdós 2007,117]..

Развитие современного научного знания по пути антропоцентризма сосредоточило свое внимание представителей различных дисциплин, изучающих человека, на вопросах взаимодействия языка и культуры, менталитета, языкового сознания и языковой картины мира. О.С. Чеснокова в своей работе, посвященной языковой картине мира мексиканского национального варианта испанского языка отмечает, что «...применительно к полинациональному языку этот ракурс исследований имеет особое значение», так как «...он приобретает особые лингвокультурологические свойства. В соответствии с этим, современные национальные варианты испанского языка - это явления не только собственно лингвистические, но и культурно-мировоззренческие и лингвокультурологические, обусловленные языковой картиной мира его носителей» [Чеснокова, 136].

Магомедова М.О.

(Россия, Москва)

Система терминов родства в русском и аварском языках

Родство – связь между людьми, обусловленная общностью их происхождения, возникающая на основе отношений брака и порождения. Существуют два вида родства. Первый – естественное, или биологическое родство, которое определяется генетической близостью между людьми, обусловленной общностью их происхождения. Биологическое родство – открытая

структура, она может включать в себя всех родственников вне зависимости от степени и линии родства. Второй вид – социальное родство (или система родства) – представляет собой социально санкционированную и обусловленную особенностями организации общества систему группировки родственных отношений. Функционируя в определенном этносоциальном организме, система родства вычленяет из открытой структуры некоторую совокупность родственных отношений, за пределами которой даже биологически близкие родственники не считаются таковыми.

Система родства всегда есть закрытая структура, носящая эгоцентричный характер: ее центром является говорящий (эго), а терминами родства обозначаются существующие в данной системе отношения между ним и тем или иным его родственником (альтером). На разных этапах развития человеческого общества в разных социальных условиях возникают системы родства, существенно отличающиеся одна от другой.

Системы родства порождаются определенными социально экономическими причинами и их особенности помогают понять специфику социальной структуры общества. По этой причине они являются интересным объектом социолингвистики.

Система терминов родства (отец, дочь и др.), понимаемая как своего рода "совокупность лингвистических фактов, свидетельствующих об исторических связях народов с одной стороны, и о возможностях языка, с другой", "совокупность знаковых форм, возникшая в результате ряда превращений отношений индивидов, детерминированного практикой",

результат длительного развития человеческой культуры и языка в целом и каждой национальной культуры и языка в частности, представляет собой определенную систему, отражающую социальную структуру общества. Терминология родственных отношений – это выражение ментальности и языкового образа внутреннего мира человека [Мейланова, 114-122].

Система терминов родства изначально оказывается своеобразным отображением социальной структуры первобытнообщинного строя, и в этом качестве она представляет собой ту строго организованную систему элементов, каждый из которых соотнесен с определенной социальной позицией. Некоторые исследователи подчеркивают социальный характер русского слова *брат*, которое вначале обозначало "мужской член рода", а не собственно термин родства, т. к. каждый член рода первоначально и был братом по отношению к другим. Употребление в русской разговорной речи имен родства по отношению к незнакомым людям (*типа сынок, тетка, сестренка и т. д.*) иногда рассматривается как отголосок представления о членении общества на возрастные классы, и по этому признаку реконструируется самое понятие целого для имен родства – род и племя [Колесов, 299].

Как полагают, на ранних этапах развития общества социальная иерархия возникла из отношений между людьми в их общем отношении к миру (отец старше сына, мать ближе жены, брат вернее друга). Эти отношения расширялись по разным направлениям: по линии кровных и свойственных связей, по

возрастному, владельческому принципу и т. п. Усложнение отношений между людьми создавало предпосылки для расширения системы терминов родства. Однако в последнее время происходит стабилизация системы, а также некоторое ограничение числа терминов родства и их функционирования. Эта группа лексики оказалась замкнутой и количественно ограниченной потому, что в новое время уже не пополнялась какими-либо новообразованиями (заимствования типа *папа*, *кузина* и т. п. немногочисленны, а главное – представляют собой всего лишь параллели к уже имеющимся в русском языке наименованиям), кроме того, существуют неязыковые причины – такие, как отмирание значения рода, родственных отношений, повышение в жизни человека других объединений, разъединения [Моисеев, 121-124].

Единый набор терминов родства пока не установлен.

Различают следующие группы терминов родства:

- родство реальное, устанавливаемое в результате действительных генетических связей, или кровное (*мать*), и юридически закрепленного брака, т.е. некровное, свойственное (*муж*), условное (*приемная мать*, *мачеха*) и искусственное (*крестная мать*);
- родство по прямой линии (*родители и дети*) и по боковой линии (*братья и сестры, дядья и племянники*);
- по восходящей (*правнук, внук, сын*) и нисходящей линии (*отец, дед, прадед*, и т. д.);

- ближайшее (*отец, сын*) и дальнейшее (*дядя, деверь*); [Моисеев 1963, 120-132].

Бесспорными терминами родства являются наименования лиц, имеющих действительные генетические связи друг с другом: *отец, мать, сын, дочь, дед, прадед, бабушка, прабабушка, внук, правнук, внучка, правнучка, брат, сестра, дядя, тетя, племянник, племянница*. К ним примыкают термины свойства (некровного родства): *зять, сноха (невестка), тесть, теща, шурин, свояченица, свекор, свекровь, деверь, золовка, свояк, сват и сваха* (как родители одного из супругов по отношению друг к другу).

Если посмотреть на термины родства в аварском языке с этих позиций, то можно заметить ряд сходств и различий.

В аварском языке, как и в русском, существуют термины для обозначения дальних родственников, как, например, *цунуглал* - троюродный брат, троюродная сестра. Однако термин *дальние родственники* в данном случае неприемлем, так как в связи с особенностями аварской культуры троюродные братья и сестры входят в состав семьи, и дальними не считаются.

В аварском языке также различаются отношения непрямого свойства, однако одни и те же термины называют как родителей мужа, так и родителей жены (ср.: *вакъад* - свекор, тесть, *якъад* – свекровь, теща)

В отличие от русского языка, где строго различаются все лица мужского и женского пола, в аварском языке есть термины родства, которые обозначают лиц обоих полов: например, *цунуглал* - “троюродный брат”, “троюродная сестра”.

В отличие от русского языка аварские термины родства в большинстве своем являются описательными: отец - *эмен*, дедушка - *кӀудияв эмен* (старший отец), отчим – *бесдал эмен* (неродной отец), мать – *эбел*, бабушка – *кӀудияй эбел* (старшая мать), мачеха – *бесдал эбел* (неродная мать); *яц* – “сестра”, *инсул яц* – “сестра отца” (тетя), *эбелалӀул яц* – “сестра матери” (тетя), *росасул яц* – “сестра мужа” (золовка).

Важным отличием аварских терминов родства от русских является то, что среди них выделяются термины по мужской и по женской линии, чего нет в русском языке: *инсул вац* – дядя по отцу, *эбелалӀул вац* – дядя по матери, *васасул вас* – внук по сыну, *ясалӀул вас* – внук по дочери, *васасул яс* – внучка по сыну, *ясалӀул яс* – внучка по дочери. Данное различие указывает на особенности социально-культурных отношений между людьми в аварском обществе и восходит к истории, когда мужчины стояли намного выше, чем женщины. Так, например, при рождении детей у дочери ее родители не считали себя дедушкой и бабушкой, они становились ими только когда рождались дети у сына.

Термины родства можно классифицировать и по другим основаниям: с точки зрения происхождения, сферы распространенности, частотности употребления, стилистических характеристик.

Так, с точки зрения происхождения среди современных русских терминов родства выделяются следующие группы:

– исконные: индоевропейские (*мать, брат, дочь* и т. д.); общеславянские (*дед, внук, жених*); восточнославянские, или древнерусские (*дядя, племянник, падчерица*);

– заимствованные (*кузен, кузина*);

– пришедшие из так называемого "детского языка" (ср. *мама, тата* и др.);

С точки зрения сферы распространения (употребления):

– общеупотребительные (*мать, отец, брат, сестра* и т. д.);

– ограниченные в территориальном или социальном отношении (*братан* – старший брат, племянник, двоюродный брат; *мать* – диал. мамушка, помайчина и др.).

С точки зрения активного или пассивного использования в речи:

– современные и устаревшие (*ятровь* – жена брата мужа);

– активные (*муж, дядя*) и пассивные (*деверь, шурин, золовка*).

Также выделяются одиночные термины (*сестра*) и термины, имеющие дублиеты – синонимы (*отец* – родитель, батя, тятя, папа, батюшка и др.).

С точки зрения экспрессивно-стилистических характеристик можно выделить нейтральные термины и термины, содержащие различные эмоционально-оценочные коннотации. Ср. *дочь, дочка, доча, доченька, дочурка* и т. д., *отец, папа, папаша, батя* и т.д.

Если посмотреть с данных позиций на термины родства, существующие в аварском языке, то можно заметить, что все термины родства в аварском языке являются

общеупотребительными (*эбел* – мать, *эмен* – отец, *вац* – брат, *яц* – сестра, *вас* – сын, *яс* – дочь).

Анализ происхождения словарного состава аварского языка показывает, что в нем имеются два слоя лексики: исконно аварская и заимствованная (из диалектов). Исконно аварская лексика является более устойчивой.

В лексике аварского языка также существуют термины, маркированные экспрессивно-стилистической коннотацией (*эбель* – мама, *эбелька* – мамочка, *ясай* – доченька, *васав* – сынок).

Перспектива нашего исследования – сопоставить не только систему терминов родства, которой располагают русский и аварский языки, но и сопоставить частотность их употребления, в том числе в качестве обращения, как к знакомому, так и незнакомому адресату. Данный сопоставительный анализ позволит выявить сходства и различия не только в русском и аварском языках, являющихся контактными, но и в типах социальных отношений и в культуре русского и аварского народов, на протяжении веков имеющих тесные социальные, экономические и культурные связи.

СЕКЦИЯ 2

Языки и культуры в эпоху глобализации

Шорина Т.М.

(Россия, Москва)

Глобализационные процессы в языке и культуре современной России

Процесс глобализации, начавшийся в XX веке, и продолжающий динамично развиваться в наши дни, является одной из самых животрепещущих и самых горячо обсуждаемых проблем во всех странах мира. Это прежде всего обусловлено тем, что глобализация стала доминирующим фактором воздействия на преобразование современного мирового сообщества, с сопутствующими как позитивными, так и негативными последствиями, характеризующими противоречивость влияния данного процесса.

В современном понимании глобализация выступает как всеобщий, многосторонний процесс всемирной экономической, политической, идеологической и культурной интеграции и унификации государств, государственных объединений, а также национальных и этнических единств,

оказывающий мощный демонстрационный эффект на все стороны жизнедеятельности вовлекаемых стран. Глобализация стала процессом образования и формирования нового единого сообщества, ведущее направление которого и есть активное распространение экономики, а следом – и политики, и культуры развитых стран в многообразном пространстве развивающихся и отсталых стран. Этот процесс неизбежен, поскольку современное человечество движимо мотивами постоянного, активного обновления. Весь мир существует в условиях растущего взаимовлияния. Изолированность, замкнутость в собственных рамках – удел дел общества бесперспективного типа. К сожалению, этому позитивному сближению могут сопутствовать негативные процессы потери самобытности и национального сознания народов, подвергшихся глобализации. Глобализация, кроме социально-экономического и социально-политического контекста всё больше приобретает социокультурный подтекст, сопровождающийся распространением массовой культуры, стандартизацией и вестернизацией жизни по всему миру.

В отличие от европеизации, когда народы впитывали опыт лучшего из европейской культуры, такая интеграция ставит под угрозу сохранение национальной самобытности, самосознания нации как уникального феномена. В России, где под влиянием процессов глобализации происходит кардинальная трансформация во всех сферах общественной жизни, в немалой степени это отражается на языке и культуре нашего народа. Мы становимся не просто свидетелями, но и участниками так

называемой глобализации языка и культуры. В его основе лежит «американизация». Это явление не могло не отразиться на языковой картине мира. Английский язык, имеющий финансовую и политическую поддержку со стороны США, практически получил статус интернационального языка, что повлекло за собой контактирование его почти со всеми языками земного шара. За последние несколько десятков лет английский стал выступать в роли универсального языка общения в мире. Такое повышение роли английского языка не может не вызывать тревогу, в связи с вытеснением роли других языков мира, а также в связи с «интервенцией» элементов английского языка в языковые системы других языков.

К величайшему сожалению, необходимо отметить, что глобализация культуры в том виде, в котором мы можем наблюдать её в современной России, подразумевает собой не разумное восприятие богатого культурного наследия Запада, а лишь установление тех норм и стандартов, которые по сей день являются проблемными для самих высокоразвитых стран – это насильственное внедрение в культуру нашей страны подложных идеалов западных стран – всевластие рынка, эгоизм, бесконечная погоня за материальным богатством, бездуховность, жажда господства над другими людьми и общественными отношениями. Трансплантация таких норм в общественный организм может оказаться и, как правило, оказывается губительной.

Наиболее сильным генератором процесса глобализации культуры, а как следствие глобализации – и языка – как носителя

национальной культуры, в сегодняшней России, безусловно, являются телевидение и пресса, поскольку именно им принадлежит главенствующая роль во влиянии на сознание масс. Достаточно взглянуть на ассортимент предлагаемых российскому читателю журналов с призывными яркими обложками, 90% которых имеют западное происхождение и следуют западному пониманию культуры. Сам факт, что все названия таких журналов пишутся на иностранном (Vogue, Cosmopolitan, Hello, Newsweek и т.д.), а не на русском языке, говорит о формирующемся пренебрежительном отношении и неуважении прежде всего нас, русских людей, к своему родному языку. Мы не пытаемся противостоять такому насильственному насаждению английского языка, не задумываемся, что так мы теряем свою национальную самобытность, не ощущаем чувства гордости за родную речь. В немалой степени тревогу вызывает и содержание подобных журналов, являющееся в большинстве случаев, однообразным и примитивным. Не зная и не понимая русских национальных традиций, эти журналы, стремясь к вестернизации общества, лишь рассказывают о свободной любви, сексе, пропагандируют лозунг: «Люби себя, чихай на всех, и в жизни ждёт тебя успех» и, конечно же, призывают молодёжь задумываться лишь о совершении покупок.

Не лучше обстоит дело и с российским телевидением, которое предлагает к просмотру зрителям дешёвые дублированные фильмы иностранного производства, либо драмы и комедии, сделанные по западному образцу. На сегодняшний

день 93% российского кинопроката составляют не самые лучшие американские фильмы. А недавно в прокат московских театров вышел фильм, созданный будто бы по мотивам русских сказок компанией Walt Disney Pictures. На самом же деле фильм создан в искажённом понимании русской самобытности и формирует в сознании россиян представление о себе как о самой малокультурной нации.

Неудивительно, что уровень культуры в России, и особенно среди морально не окрепшей молодёжи, в России за годы глобализации резко упал. Глобализация выдвигает идеал «глобальной правовой государственности», что неизбежно ставит вопрос об ограничении государственного суверенитета. В этих случаях слаборазвитые страны, имеющие исторически традиционную культуру, могут найти себе место в экономическом мире лишь как поставщики сырья или стать рынком сбыта. А при разрушении собственной экономики трудно сохранять и собственный национальный, самобытный язык.

В исторически сложившемся обществе язык — это самосознание общества, это способность думать и рассуждать, это способность выражать себя как индивида, принадлежащего к общей культуре.

Ведь в культуре и языке каждой общности были приняты свои системы ценностей. Время глобализации стало менять мир этих ценностей, меняя их внутреннюю структуру, меняя язык народа.

Значительное влияние глобализация оказала в социалингвистическом плане. Только за последнее десятилетие появилось огромное количество англоязычных заимствований, большинство из которых, казалось бы, оправдано по причине отсутствия соответствующего понятия в когнитивной базе русского языка. Существенный пласт заимствованной лексики составляют так называемые англо-американские реалии. Это – слова, обозначающие понятия, появившиеся на территории Америки и Англии и не имеющие прототипов в принимающем языке. Так, в словарь современного делового человека прочно вошли такие англицизмы, как бэдж, сканер, смартфон и т.п. О глобализации английского языка свидетельствуют такие сферы его распространения, как область науки и техники. В группе лексики научно-технической сферы наблюдается большой приток слов, заимствованных из английской компьютерной терминологии и терминологии сотовой связи: интерфейс, хай-тек, ноутбук, онлайн, монитор, дисплей, сайт и так далее. Глобальный английский язык является *Lingua franca* для сферы информационных технологий.

В связи с приходом на российский рынок косметики западных стран и её нарастающей популярности среди потребителей, в русском языке появились следующие заимствования → мейк-ап (make up – макияж), консилер (consealer – карандаш-корректор), пиллинг-крем peeling-cream – крем, убирающий верхний слой кожи), лифтинг-крем (lifting-cream – крем, подтягивающий кожу) и др.

Круг новых понятий и явлений, имеющих русское происхождение, ограничен. Поэтому более простым и эффективным считается заимствование уже существующей номинации вместе с заимствуемым понятием и предметом. Так как передовые технологии сконцентрированы на Западе, а английский язык — международный, следовательно, русский вокабуляр пополняется, в основном, за счет англо-американизмов.

Практически в каждой тематической группе большую часть заимствованных англицизмов составляют лексемы, появившиеся в русском языке как результат удовлетворения потребности в наименовании новой вещи или понятия. В связи с распространением в России американских фантастических фильмов, в русском языке появилось два англицизма: киборгизация (*cyborgization* — замена отдельных органов человека кибернетическими устройствами как научно-техническая проблема) и киборг (*cyborg* — человек, подвергнутый киборгизации).

С появлением новых технических средств русский язык пополнился словами из английского языка типа: иммобилайзер (автомобильные сигнализации), триммер (прибор для стрижки усов и бороды), термопот (термос и чайник в одном). Функциональное разнообразие этих средств явилось причиной пополнения русского языка англицизмами, номинирующими эти функции: сплит-системы (в холодильнике), мемори стик (функция видеокамеры), роуминг (связь) и т. д. Новые облицовочные материалы пришли вместе с обозначающими их англицизмами:

сайдинг, молдинг и т. д., увлечение обустройством садовых участков явилось причиной заимствования англицизма миксбордер..

Сложившаяся на базе английского языка терминология вычислительной пополняется новыми терминами английского происхождения. Слова сайт, баннер, браузер и другие используются в речи людей, имеющих дело с компьютерами, которых становится с каждым годом все больше. Следовательно, эти англицизмы из сугубо профессиональной сферы переходят в узус многих русских людей.

Английский язык предстаёт как неотъемлемая часть мирового сообщества. О глобализации языка свидетельствует его широкое распространение в мире. Кроме, того именно английский язык является приоритетным среди изучаемых иностранных языков в мире.

Но ведь есть и масса таких заимствований, которые стали засорять русский язык, являясь простой данью моде, используемые по причине мнимого образа большего социального престижа иноязычного слова, по сравнению с исконным. В результате такого слепого следования, стало почему-то популярно говорить не «хорошо», а «окей», не «ныряльщик», а дайвер, не «пойти по магазинам», а «заняться шоппингом». В деловом мире стали приняты слова «мувинг» – переезд, «клининг» – уборка. В некоторых случаях такие странные подмены слов оказались почти узаконенными. Ярким примером этого могут служить изменения, внесённые в русский язык в результате реформы 2009г.

В новых толковых словарях русского языка, рекомендуемых министерством образования, появилось слово фэйф-о-клок как понятие современного русского языка, что свидетельствует о глубочайшем воздействии глобализации. Ведь фэйф-о-клок, означает «чай с печеньем» и является исключительно атрибутом традиций Англии. Для русской культуры всегда было более привычно и более оправдано в применении слово полдник. Для нашей речи будет звучать несколько забавно «Дети в детском саду пошли на фэйф-о-клок.

Таким образом, возникает серьёзный вопрос о целесообразности допущения таких слов в русский язык, о необходимости принятия мер по защите чистоты русского языка, сохранения его красоты, многообразия и величия.

Немалую тревогу вызывает статус русского языка как языка международного общения. В странах бывших республиках СССР или бывших союзниках СССР, – традиционно русский язык был желателен для изучения и общения. Сейчас, в эпоху глобализации, даже в этих странах, хорошо знающих русский язык, языком международного общения является английский язык. Не секрет, что в университетах мира стремительно сокращаются кафедры русистики, закрываются русскокультурные журналы и издательства, сворачиваются школы переводоведения.

Конечно, нельзя отрицать того факта, что русский язык всегда был живым языком, имеющим иноязычные заимствования, первые из которых «произошли» ещё в VIII веке из скандинавских

языков. Много заимствований, ставших уже неразделимыми с русским языком, пришли из греческого («грамматика», «алфавит», «икона»), латинского («министр», «телефон»), итальянского («опера») языков. Но поскольку внедрение этих слов было постепенным и не имело аналогичных понятий в русском языке, то это лишь его обогатило. В современном же мире, благодаря глобализационным процессам, русский язык подвержен лавиноподобному внедрению англоязычных заимствований, которые не идут параллельно его национальной самобытности, а грубо вычёркивают из нашей речи более понятную и привычную лексику, принадлежащую русской культуре.

Таким образом, при формировании глобализированного сознания, возникает угроза унификации и массовизации культуры и языка, потери самобытности России и национального самосознания. Русский язык, как и русская культура, должны брать от глобализации только лучшее, что будет украшать и развивать их, щадя национальные традиции.

Романова А.А.

(Россия, Москва)

**Лингвистическое богатство Испании - культурное наследие,
объект уважения и специальной защиты**

Согласно статистике, испанский язык является третьим в списке самых распространенных языков мира, после китайского и хинди, оставив позади даже английский язык, который занимает четвертое место. Статистика учитывает тех, для которых тот или иной язык является родным. На испанском языке говорят в Испании, Южной и Центральной Америке, Северной Африке, на Филиппинах, что составляет 358 миллионов человек. Эта цифра возрастает до 450 миллионов, если учесть людей, для которых испанский является вторым языком. В юго-западных штатах США, таких как Калифорния, Нью-Мексико и Техас, проживает более 34 миллионов носителей испанского языка. В Нью-Мексико испанский язык даже рекомендован для использования официальными структурами, наряду с английским языком.

Язык является одной из важнейших составляющих испанских автономий. Возможно, именно поэтому статья об использовании языков в Испании числится в испанской Конституции под номером три, а об автономных образованиях говорится лишь в восьмой статье.

Статья о языке состоит из трех пунктов. Общий язык всего испанского государства – испанский (кастильский) – утверждает

первый пункт, во втором говорится о равноценном официальном признании других языков Испании на территориях соответствующих автономных образований, в третьем отмечается, что «лингвистическое богатство Испании – культурное наследие, объект уважения и специальной защиты».

Несмотря на разнообразие диалектов и наречий испанского языка, практически в каждой испаноговорящей стране можно услышать различия в произношении и лексике. Однако нужно отметить, что жители Южной и Центральной Америки бережнее относятся к испанскому языку. Коренные испанцы же, особенно молодое поколение, сокращают слова в текстовых сообщениях, не утруждают себя даже правильным спряжением глаголов.

Но, кроме диалектов и наречий, есть и самостоятельные языки, на которых говорит Испания – это баскский, галисийский, каталанский. Валенсийский «язык», на котором говорят жители автономного региона Валенсии, является наречием каталанского, валенсийцы же считают его самостоятельным.

Арагонский диалект сохранился только в некоторых деревнях. В последние десятилетия возрождается астурийский диалект, встречающийся в автономных регионах Астурии, Кастилии и Леоне, Эстремадуре и Кантабрии.

Баскский язык служит языком общения более миллиона людей несмотря на то, что ученые его относят к группе средиземноморских языков (древних мертвых языков). В Испании по-баскски говорят жители Страны Басков (включающей провинции Алава, Бискайя и Гипускоа), а также северной части

провинции Наварра; во Франции на баскском языке говорят в областях Нижняя Наварра, Лабур и Суль департамента Атлантические Пиренеи. Кроме того, многие люди, говорящие по-баскски, живут за пределами этого региона – в других частях Европы, а также в Северной и Южной Америке.

Французский филолог принц Луи-Люсьен Бонапарт (1813–1891 гг.) выделил следующие диалекты баскского языка: бискайский, гипускоанский, южный и северный варианты верхне-наваррского, лабурдинский, западный и восточный варианты нижне-наваррского, сулетинский. Сейчас многие лингвисты склонны считать отдельным диалектом ронкальский, на котором говорят на северо-востоке Наварры (Сулетинский район). Различия между диалектами невелики. В 1970 г. Академией баскского языка был разработан нормализованный вариант языка, основанный на его центральных диалектах – гипускоанском, наваррском и лабурдинском. Практически все говорящие по-баскски являются одновременно носителями испанского или французского языков. После смерти диктатора Ф. Франко в 1975 г. и восстановления в Испании демократии баскский был признан официальным языком так называемого Автономного сообщества Страны Басков, а также, с некоторыми ограничениями, провинции Наварра.

Любопытно, что из-за малой известности баскского языка, радисты-шифровальщики армии США использовали его, наряду с индейскими языками Северной Америки, во время Второй мировой войны.

Галисийский язык развился из народной латыни. Изменение латыни в галисийский язык шло медленно и поэтому сложно сказать, когда именно латынь перестала быть латынью и стала галисийским языком. Некоторые галисийские учёные считают, что уже в VIII веке произошли ощутимые изменения между церковным официальным языком латынью и «языком населения».

В галисийском языке традиционно выделяют три диалекта, каждый из которых имеет свои особенности. Западный диалект распространён в районе Риас Бахас (исп. Rías Bajas, галис. Rías Baixas), вплоть до Сантьяго-де-Компостела. Центральный диалект занимает большую часть территории Галисии, а восточный диалект распространён на крайнем востоке Галисии и в приграничных зонах Леона и Саморы.

На галисийском языке говорят свыше 3 млн. человек в Галисии и галисийских общинах в остальной Испании (Мадрид, Барселона), в Латинской Америке (в первую очередь, в Буэнос-Айресе, Каракасе, Монтевидео, Гаване и Мехико) и в Европе. Помимо Галисии, на галисийском также говорят на западе Эль Бьерсо (Леон) и в деревне Санабрия (Самора), согласно договору между Управлением образования правительства Галисии и Управлением образования Кастилии и Леона, в этих местах ведётся преподавание галисийского языка.

Каталанский язык – один из романских языков, по своей структуре занимает промежуточное положение между иберо-романской и галло-романской подгруппой. На каталанском языке говорят в автономной области Каталония (Испания), в области

Руссильон (Франция, департамент Восточные Пиренеи), в государстве Андорра, в г.Альгеро (Сардиния) и на Балеарских островах – всего около 8 млн. человек. Литературный каталанский язык сформировался на основе восточного диалекта (г.Барселона); западный диалект (г.Валенсия) испытал сильное влияние испанского (кастильского) языка. Первые памятники каталанского языка относятся к 11 веку, однако на территории Каталонии вплоть до середины 13 века литературным языком (особенно в поэзии) был провансальский. Структурная близость с провансальским долго препятствовала выделению каталанского в самостоятельный язык: вплоть до начала 20 века многие считали его диалектом провансальского. Благодаря творчеству знаменитого каталанского проповедника, философа, поэта и прозаика, автора 265 сочинений Р. Луллия (1233–1315 гг.), в 14 веке начался расцвет каталанской литературы. В настоящее время каталанский, хотя и не имеет статуса государственного языка, используется в Каталонии во всех сферах, включая административную. Преподавание в школе – и частично в университетах – ведется на каталанском. Несмотря на престиж испанской литературы, каталонцы сохраняют свою культурную и языковую автономию.

Большинство ученых считают валенсийский и каталанский одним языком, однако некоторые валенсийские организации ратуют за признание валенсийского самостоятельным языком. Существуют несколько вариантов названия всего языка и отдельных его частей: каталанский язык с несколькими

наречиями, одно из которых – валенсийское; каталано-валенсийский язык (реже – каталано-валенсийско-балеарский) с каталанским и валенсийскими вариантами; единый язык с разными названиями: в Каталонии – каталанский язык, в Валенсии – валенсийский.

Согласно исследованию, проведенному правительством Валенсии в июне 2005 г., около 94% населения Валенсии понимает по-валенсийски; 78% - говорит на нем; около 50% - может писать. Однако, согласно другому правительственному исследованию (Servei d'Investigació i Estudis Sociolingüístics), опубликованному в октябре 2005 г., только 39,5% говорят по-валенсийски дома, 33% общаются на нем с друзьями и лишь 18,8% используют его в супермаркетах.

Это исследование также выявило тенденцию к резкому снижению даже пассивного владения валенсийским из-за наплыва иммигрантов.

Согласно «Закону об использовании языка и образовании на нем», одобренном в 1982 г., валенсийский – это язык автономного сообщества Валенсия, граждане которого имеют право использовать его, как в устной, так и в письменной форме, в личной жизни и в общественных местах.

Таким образом, только будущее покажет, какие разновидности испанского языка и какие территориальные нормы будут появляться в различных регионах Испании и других испаноязычных странах.

Абанина И.Л.

(Россия, Алтай)

**Интертекстуальные включения сквозь призму процесса
глобализации языков и культур**

В начале XXI века особенно часто стал подниматься вопрос о глобализации мирового пространства. Глобализация на сегодняшний день представляет реальный процесс, влекущий за собой изменения самого типа цивилизационного развития. Суть данного изменения, по мнению современных философов, «состоит в необходимости перехода от односторонних установок на властное доминирование к диалогу культур» [Степин, 3]. Таким образом, возникает проблема противоречивого объединения всеобщего, общего и единичного. Проявление данного объединения на языковом уровне, по нашему мнению, можно проследить на примерах интертекстуальных включений. Особенно ярко они представлены в СМИ, т. к. современные медиа способствовали проникновению глобализирующих процессов в сферу массовой коммуникации, тем самым обуславливая появление единого информационного пространства.

Интертекстуальность имеет большое значение для современной медиакультуры, ибо в условиях тотальной глобализации и информатизации общества, характеризующих современный этап его развития, происходит активный процесс взаимодействия культур через взаимодействие текстов, ими порожденных. Осознание присутствия в них интертекстуальных

связей со стороны аудитории способствует адекватному восприятию заложенной в них информации, как, например, в статье американского журналиста:

I don't buy this gain-without-pain notion. Duality resides, indissoluble, at life's core — Faust's two souls within his breast, Anna Karenina's shifting essence. Life without death would be miserable. Its beauty is bound to its fragility. Dawn is unimaginable without the dusk. (The New York Times, July 15, 2009). – ‘Меня не подкупает идея такого изобретения. Двойственность является сутью самой жизни – две души Фауста в его груди, непостоянная сущность Анны Карениной. Жизнь без смерти была бы обездоленной. Её красота – в её хрупкости. Восход не мыслим без заката’. (Здесь и далее перевод автора).

Публицист использует интертекстуальные отсылки к текстам двух культур – немецкой и русской, объединяя их смыслы в контексте своей статьи. Подобное культурно-языковое пересечение ярко и эффективно доводит до читателя мысль автора. Журналисты часто пользуются приемом интертекстуальной конвергенции. Приведем еще один пример.

Basra is the Waterloo of the Napoleon of Downing Street. (The Sunday Times, February 25, 2007). – ‘Басра стала битвой при Ватерлоо для Наполеона из Даунинг Стрит’.

В данном случае в рамках одного высказывания сконцентрировано 2 топонима и 1 антропоним, как и в предыдущем примере, относящиеся к разным культурам. Благодаря их аллюзивной насыщенности автору удастся в одном

контексте свести несколько автономных культурных текстов. Проведение параллелей осуществляется сразу по нескольким направлениям:

- 1) события в Басре и битва при Ватерлоо;
- 2) характеристики Т. Блэра и Наполеона;
- 3) значение битвы при Ватерлоо для Наполеона и конфликта в Басре для Т. Блэра.

Сопоставив эти аллюзивные линии, читатель сможет декодировать смысл всего высказывания.

Интертекстуальные включения в силу своей насыщенности культурно-значимой информацией способствуют реализации принципа языковой экономии, дающего возможность меньшими средствами передавать максимум информации.

Частое использование в текстах СМИ универсально-прецедентных феноменов, представляющих один из видов интертекстуальных включений, является самым ярким примером проявления глобализации мирового пространства. Корректная интерпретация предложенных в публикации интекстов определяет степень ориентации читателя в культурно-историческом пространстве, объединяющем всех носителей единого культурно-языкового наследия. Общим является и знание культурных кодов. Рассмотрим примеры, наглядно иллюстрирующие эффективность употребления универсально-прецедентных феноменов в текстах британских и американских СМИ.

So politics is Mr. Clarke's life and, with the Stalinist-style devotion that old Lefties such as him always apply to whomever

happens to be in power at the time, he has given unfailing loyalty to all his masters, irrespective of their ideology or policy: until now. (The Daily Telegraph, June 28, 2006) – ‘Политика – это жизнь г-на Кларка, и со сталинской преданностью, которую всегда проявляют закоренелые радикалы, такие как он, по отношению к находящемуся у власти, он продемонстрировал строгую приверженность всем своим руководителям, несмотря на их идеологию или политику: вплоть до настоящего времени’.

I'm also suspicious of Stalinist-sounding state quotas that force ITV to spend money in certain sectors of the production industry. (The Daily Telegraph, April 11, 2008) – ‘У меня также вызывают подозрение государственные квоты, подобные сталинским, которые вынуждают ITV тратить деньги в определенных отраслях производства’.

Данный интекст вводит в повествование реалии «чужой» культуры, ставшей источником его заимствования. Однако этот факт не останавливает автора статьи, и он применяет интеркультурное заимствование, исторический контекст которого, по-видимому, наиболее полно способен передать его замысел. Такого рода параллель закладывает имплицитный смысл, постижение которого в обязательном порядке задействует фоновые знания читателя. Способность же британской аудитории адекватно интерпретировать данный феномен выводит его на уровень универсально-прецедентного. Идеологический контекст данного интекста в рамках англоязычной публикации не столь ярко выражен, на наш взгляд, как если бы он был употреблен в

русском издании. В этом смысле происходит некоторая смысловая потеря, однако общее коннотативное значение негативного оттенка сохраняется.

Сквозь призму интертекстуальных включений находит отражение современная реальность Великобритании, всегда считающейся консервативной. Однако глобализация, интеграция в Европу, взаимосвязь и взаимодействие с миром не чужды туманному Альбиону. Широкое использование в британских газетных публикациях слов и выражений из различных языков – наглядное тому доказательство. Обратимся к примеру.

Dollar weakness not a storm in a tasse de thé. (The Daily Telegraph, October 27, 2007) – ‘Ослабление доллара – не буря в чашке чая’.

В данном случае автору удалось в одном иноязычном выражении сконцентрировать несколько смыслов, способствующих передаче основной идеи публикации. Во-первых, игра слов, заменившая крылатое выражение «буря в стакане воды» на «бурю в чашке чая», направляет ассоциации читателя ни на что иное, как на Англию. Ведь именно в этой стране традиционный 5-ти часовой чай – незабываемый и до сих пор соблюдаемый ритуал. Во-вторых, выбранный автором французский язык олицетворяет Европейский Союз, в котором Франция председательствовала на момент написания статьи. Таким образом, в сложном культурно-языковом переплетении представлены Великобритания, Евросоюз и существующие проблемы, связанные с падением курса американской валюты.

Общим полем интеркультурного взаимодействия рассматриваемых нами британского и американского лингво-национальных сообществ являются библейские и мифологические мотивы. Так называемые «вечные темы», реализуемые посредством таких сюжетов, проявляют свой универсальный характер и не знают границ какого-либо одного культурного сообщества. Один из самых ярких эпизодов Ветхого Завета – история царя Иудеи Давида, сразившего филистимского великана Голиафа – является претекстом для ряда статей как американской, так и британской прессы. Вот некоторые случаи обращения журналистов к этим именам:

AMD's David takes on the Intel Goliath. (The Financial Times, October 16, 2006) – 'Давид AMD принимает вызов Голиафа Intel'.

And this: the "existential threat" to Israel is overplayed. It is no feeble David facing an Arab (or Arab-Persian) Goliath. Armed with a formidable nuclear deterrent, Israel is by far the strongest state in the region. (The New York Times, February 11, 2010) – «Реальная угроза» Израилю слишком преувеличена. Это не слабый Давид, встретившийся лицом к лицу с арабским (или арабо-персидским) Голиафом. Вооруженный грозным ядерным оружием, Израиль, несомненно, является сильнейшим государством данного региона'.

Продукция американской киноиндустрии пользуется известностью во всем мире. Великобритания не является исключением. Оказалось, например, что имя героя американского боевика «Рэмбо» не чуждо представителям британской нации и

активно ими используется, хотя прослеживается отрицательное отношение к подобного рода персонажам.

Washington must finally abandon the Rambo-style delusion that military hardware can solve all the problems of the world. (The Independent, June 23, 2000) – ‘Вашингтон должен наконец-то отказаться от иллюзии в стиле Рэмбо, что с помощью оружия можно решить все мировые проблемы’.

Если американская лингвокультура является источником для заимствования британцами кинематографических аллюзий, то английская художественная литература на примере своих ярких произведений демонстрирует более выраженное проникновение в американскую лингвокультуру. В ходе нашего исследования выявлены многочисленные аллюзии на произведения таких английских писателей, как Л. Кэрролл, Г. Уэллс, И. Во и др.

Британская и американская медиакультуры, развиваясь каждая автономно, тем не менее, являются участниками общего информационного пространства. Тексты, генерированные данными культурами, попадая в совокупное интеркультурное поле, могут как заимствоваться другими культурами, так и игнорироваться ими. Таким образом, происходит взаимовыгодное культурное проникновение с сохранением национальной специфики. Только во взаимодействии народов и их культур происходит развитие цивилизации на протяжении уже многих веков.

Грибанов И.С.

(Россия, Москва)

Стереотипизация национальных характеров и ее отражение в языке

Ежедневно, зачастую сами того не подозревая, мы сталкиваемся со стереотипными представлениями относительно той или иной группы людей, нередко целого народа, более того, принимаем активное участие в формировании и укоренении этих стереотипов.

В условиях стремительно развивающегося мира практически невозможно избежать обобщенных суждений, поджидающих на каждом шагу: ими изобилуют газеты, журналы, теле- и радиопередачи, кино и музыка.

Благодаря зафиксированности стереотипных единиц в языковом, в первую очередь, фразеологическом материале, они не только укореняются в сознании человека, сохраняясь на длительное время, но и обладают удивительной мобильностью, способны модифицироваться и транслироваться на другие культуры.

Обращение к проблемам возникновения стереотипных суждений разного типа, их изменения и укоренения в сознании человека показывает, что основой стереотипов могут служить как личный жизненный опыт, так и многообразные источники информации. Стереотипы являются неотъемлемыми компонентами индивидуального и массового сознания, несут

обобщенный, оценочный, нередко отрицательный характер, обладают эмоциональной окрашенностью и устойчивостью. Стереотипные представления могут быть в целом верными или полностью ошибочными. Они формируются на протяжении довольно длительного времени, способны изменяться со временем, фиксироваться в языке и терять свою актуальность. Суждения, содержащие стереотипы, выполняют ориентирующие и регулирующие функции в установлении межгрупповых отношений.

Стереотипные представления находят свое отражение как в английском, испанском, так и русском языке. При этом речь идет не только о стереотипах относительно других народов (гетеростереотипах), но и автостереотипах, которые могут кардинально отличаться или совпадать между собой.

Так, испанцы – люди страсти, по Де Мадариаге, – представляются нам жизнерадостной, беззаботной нацией, чья жизнь заключается в постоянных «фиестах» и «сиестах», карнавалах и вечерних серенадах под балконом. Многие считают испанцев ленивыми, грубыми и вечно кричащими. Другие же, скорее, отмечают их приветливость, готовность помочь и веселое настроение.

Знакомы высказывания известных исторических личностей об Испании и самих испанцах. Так, Э. Хемингуэй, большой знаток испанской истории и культуры, утверждал следующее: «Всякому тореро необходимо производить впечатление человека если не богатого, то, по крайней мере, солидного, поскольку в Испании

декорум и внешний лоск ценятся выше мужества». Испанский писатель Артуро Перес-Реверте в произведении «Капитан Алатристе» приводит следующий диалог: «– Нам остается только сражаться. – Сражаться против кого, дон Франсиско? – Против глупости, подлости, предрассудков, зависти и невежества. [...] А значит, против Испании...».

Стереотипы относительно испанского национального характера получили яркое отражение и в английском, и в русском языках. Более того, испанские источники предоставляют разнообразный материал об автостереотипах, буквально вошедших в историю.

Обратимся, в первую очередь, к фразеологическим оборотам в английском языке, значение которых помогают установить фразеологические словари. Рассмотренные единицы свидетельствуют о мечтательности и лени испанцев, с одной стороны, и о не всегда честном подходе к работе, корысти, с другой: *to build castles in Spain* / «*строить замки в Испании*», т.е. «строить воздушные замки», возлагать пустые надежды; *(old) Spanish practices (customs)* / «*(старая) испанская практика (традиция)*», т.е. прибегать к незаконным методам в работе ради получения выгоды. Отдельное внимание уделяется испанскому обычаю посещать бары и рестораны, подчеркивается, однако, злоупотребление гостеприимством хозяина заведения и несоблюдение норм поведения, вследствие чего посетителя могут «*проводить по-испански*» (*walk smb. Spanish*), т.е. выставить за дверь, взяв за шиворот.

Автостереотипы отражены, главным образом, в испанских пословицах и поговорках, определяющих национальный характер. Так, одной из черт типичного испанца, испанская паремиология признает индивидуализм и чувство собственности и братства: *Tres españoles, cuatro opiniones* / «У трех испанцев четыре мнения»; *Lo que hay en España es de los españoles* / «То, что есть в Испании, принадлежит испанцам», т.е. «свои люди – сочтемся; свои не обессудят». Испанцы также признаются в непостоянстве своих взглядов и весьма небольшой привязанности к друзьям: *En España, amigos de hoy, enemigos de mañana* / «Испанцы сегодня друзья, а завтра враги», а также в склонности к бунту и корысти: *En España lo primero es no obedecer y, luego, determinar lo más conveniente* / «В Испании принято сначала не повиноваться, а затем решать, что выгоднее».

В русском языке распространение получили стереотипы, связанные с жестокостью, имевшей место в Испании времен инквизиции. Наглядными примерами могут служить названия применявшихся тогда пыток: «испанский сапог», «испанский галстук».

И совсем по-другому Испанию представлял А.С. Пушкин. Очевидно, он видел то, что сами испанцы называют *la España de pandereta* / «опереточная Испания», т.е. ложное, далекое от действительности представление об Испании как о стране цыганских плясок и боя быков: «...в пленительных словах / Он стал рассказывать о ножках, о глазах, / О неге той страны, где небо вечно ясно, / Где жизнь ленивая проходит сладострастно, / Как

пылкий отрока восторгов полоный сон, / Где жены вечером
выходят на балкон, / Глядят и, не страшась ревнивого испанца, / С
улыбкой слушают и манят иностранца».

Образ же типичного англичанина для русского человека, да
и для представителей многих других наций, был традиционно
связан с хорошо известными литературными персонажами:
Джоном Буллем, Шерлоком Холмсом, – с присущими им
чопорностью, чрезмерной *«английской вежливостью»*,
невозмутимостью и закрытостью.

К сожалению, русский язык сохранил не так много
свидетельств об английском национальном характере.
Исключением, однако, могут служить многочисленные анекдоты и
шутки с участием жителей «туманного Альбиона»: «Английский
джентльмен сидит у камина, курит трубку и читает газету, вдруг
врывается слуга и с порога кричит: «Сэр! Темза вышла из берегов,
полгорода уже плавает! Вода со страшной скоростью продолжает
прибывать! Сэр! Пока не поздно нужно бежать!!! На что ему
джентльмен отвечает: «Джон, спокойнее. Начните всё сначала и
доложите так, как это должен делать благовоспитанный
английский дворецкий!» Джон выходит из комнаты и закрывает
дверь... Через пять минут Джон вновь распахивает дверь и громко
объявляет: «Темза, Сэр!»

Также мы часто приписываем англичанам такую
характеристику, как чувство юмора, одновременно вкладывая в
смысл фразы *«тонкий английский юмор»* и действительное
восхищение умением «островитян» одной репликой донести

меткое замечание в ироничной, даже саркастичной форме, и недоумевание по поводу произнесенной шутки («это, должно быть, тонкий английский юмор...»).

Называя кого-либо «*настоящим англичанином*», русские обычно имеют в виду человека, который «корчит барина», одним словом, чудака, который делает все по-своему. Настоящий же англичанин для носителя испанского языка, прежде всего, отличается столь не свойственной ему самому организованностью и пунктуальностью: *más puntual que un inglés* / «*пунктуальнее англичанина*». Он же признается, что англичане, несмотря ни на что, остаются для испанца нацией не доступных пониманию людей, с которыми не хочется иметь дело, тем более, быть связанными с ними рабочими отношениями: *Parece que hablo en inglés* / «*Как будто я по-английски говорю*», т.е. «чего же тут непонятного? Я ясно изъясняюсь»; *trabajar para el inglés* / «*работать на англичанина*» – «работать на чужого дядю», не получая никакой личной выгоды.

Более того, обобщенный образ англичанина в испанском языке неразрывно связан с представлением о богатом человеке, кредиторе: *inglés* / «*англичанин*» – кредитор; *estar aprendiendo inglés* / «*учить английский язык*» – задолжать денег, заложить что-либо; *le frien los ingleses* / «*его допекают англичане*» – «его донимают кредиторы».

Существующий стереотип относительно англичан отмечает и их «изолированность» от внешнего мира, подчас, одиночество и исключительную индивидуальность: «Не только Англия, но и

каждый англичанин – остров» (Новалис); *Más solo que inglés sin familia* / «Более одинокий, чем англичанин без семьи» – «оди-
одинешенек, один как перст»; «Англичане пишут слова «Я» и
«Бог» с большой буквы, но «Я» – с несколько большей, чем «Бог»
(П. Данинос).

Когда речь заходит о национальном характере русского
народа, думается, что расхожее выражение «*загадочная русская
душа*» как нельзя лучше описывает его суть. Недаром У. Черчилль
в одной из своих речей отметил: «Я не могу предсказать, чего нам
ждать от России. Россия – это загадка, завернутая в секрет и
окутанная тайной».

О непонимании в отношении русских также свидетельствует
фразеология испанского языка: *hablar en ruso* / «говорить по-
русски», т.е. говорить непонятно, разговаривать на тарабарском
нареции (ср. «Русским языком говорить» – говорить ясно,
понятно).

Стереотипные представления о России иностранцев, как
правило, сводятся к безграничным заснеженным просторам,
бродящим по улицам медведям и укутанным в меха бороатым
суровым мужчинам. В представлении иностранца чертами
русского национального характера, пожалуй, считаются: «широта
души», склонность к экстремальности, физическая и психическая
выносливость, отзывчивость, меланхолия, отсутствие
пунктуальности.

К стереотипным представлением о русских относится также
любовь к литературе, их восприятие истории, пронизанное

преувеличенным и обращенным в прошлое патриотизмом; их приверженность к коллективизму и иерархическим структурам; противоречивое отношение к техническому прогрессу и цивилизации.

Удивительно, что эти гетеростереотипные черты русского человека с удивительной точностью отражены в русском языке, другими словами, мы наблюдаем практически полное их совпадение с автостереотипами, характеристиками, приписываемыми самим себе: «*Русская душа нараспашку*» (посл.); «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине» (Н. Бердяев).

О приверженности к коллективизму, стремлении жить в окружении родных людей говорят и слова В.И. Даля: «Не может русский человек быть счастлив в одиночку, ему нужно участие окружающих, а без этого он не будет счастлив», и народные изречения: «*Русский человек без родни не живет*».

Русский национальный характер также не представляется без таких важных черт, как самоотверженность, храбрость, готовность бороться до конца, «*русская удаль*»: «*если по-русски скроен, и один в поле воин*»; «*русский повалится и то на врага упадет*»; «*русский солдат сметкой богат, умом порешит, штыком подкрепит*».

Одними из главных национальных черт русские считают свои гостеприимство и щедрость, чем очень гордятся: *«русский человек хлеб-соль водит»*, т.е. всегда рад гостям; *«на русскую руку»* – щедро, широко.

Образ русских в других странах, как мы отмечали ранее, всегда ассоциировался с выносливостью, недюжинной силой. Так, типичным представителем русского народа, согласно языковой картине мира испанцев, является казак (*cosaco*), т.е. могучий человек, богатырь. Этот этнический образ просматривается во фразеологии: *Beber como un cosaco* / *«пить, как казак»*, другими словами, пить часто и много, при этом совсем не хмелея.

Испанцы также отмечают другие особенности характера русского народа: упование на судьбу, нежелание планировать и доводить дело до конца и безразличие к результатам; ср. испанскую поговорку *El ruso tiene tres principios: quizá, de alguna manera, no importa.* / *«Русский живет согласно трем принципам: «может быть», «как-нибудь» и «не важно»*. Подобная жизненная позиция, в действительности, очень созвучна русскому «авось».

Подводя итоги, хотелось бы в очередной раз подчеркнуть, что фразеология с ее богатым материалом не способна в полной мере и достоверно описать национальный портрет, охватить все его аспекты. А значит, в лингвистическом исследовании национального характера и связанных с ним стереотипов еще очень рано ставить точку и, обращаясь к другим уровням языка, необходимо продолжать изучение этой исключительно важной

темы, влияющей на различные сферы жизни общества и диалог культур.

СЕКЦИЯ 3

Современная языковая политика

Исаева Е.Ф.

(Россия, Москва)

Номинация с использованием прозвищ в художественном тексте (на примере текстов испанских авторов)

Степень активизации и реализации семантического потенциала неодинакова у разных типов антропонимов (имен, фамилий, прозвищ, прозваний). Участие литературных антропонимов в создании художественного образа зависит от его семантического потенциала, характера соотношения литературных имен собственных с нарицательными.

Анализ литературных имен собственных по степени их близости или отдаленности к/от нарицательных имен, наличия/отсутствия активной реализации внутренней формы, позволяющей выявить типичные приемы этой реализации для каждого из разрядов литературных собственных имен в том или ином произведении, является одним из перспективных подходов к выявлению своеобразия индивидуально-авторского стиля,

специфики каждого из разрядов литературных собственных имен в антропонимической системе.

Наименьшая семантическая соотнесенность с нарицательными именами характерна для личных имен, внутренняя форма которых обычно не принимается во внимание в практике общения. В художественной же речи этимология личного имени используется для характеристики его носителя.

Самым высоким семантическим потенциалом обладают прозвища - наиболее древняя антропонимическая категория, которую принято считать промежуточным этапом между нарицательным именем и литературным именем собственным. Высокая степень «нарицательности», активизации семантических потенциалов прозвищ дает основание для оригинального, нестандартного их использования, но стилистическая и эмоционально-эстетическая соотнесенность данного типа имен оказываются важнее для его ономастической семантики, чем первичная апеллятивная семантика мотивирующей его основы [Суперанская, 305].

Семантика прозвищ обычно соответствует действительным признакам их первоначальных носителей [Щетинин, 66]. Прозвища, по сравнению с прочими антропонимами, обладают наибольшими различительными возможностями: они не задаются списком, особо не подчиняются моде, как имена личные, а свободно создаются на базе лексического состава родного языка и сохраняют свое постоянное разнообразие.

Каждое прозвище, как и любое другое имя собственное, утрачивает все прочие характеристики, свойственные мотивирующему имени нарицательному, кроме одной, которая становится ведущей для данного конкретного акта именования. Каждый раз ведущая черта может быть иной, обусловленной индивидуальными особенностями именуемого прозвищем лица, следовательно, один человек может иметь несколько прозвищ. Они так или иначе мотивированы, обусловлены элементами сходства человека с предметом, мотивирующим прозвища [Redondo, 860]. Иногда же сходство это очень отдаленно и наименование кажется случайным. Тематические основы личных имен и прозвищ в испанском и во многих других европейских языках группируются по следующим семантическим признакам:

1) физическая характеристика;

a) *Es verdad que todos me conocen por **El Chepa**. No se llamen ustedes a engaño, sin embargo: mi espalda está virgen de joroba alguna, mi espalda es tersa y lisa como membrana de tambor...* (Меня и правда все знают как **Горба**. Но не идите на поводу у этого прозвища, на моей спине все чисто, никакого горба, спинка гладкая и блестящая, как барабан...) [Montero, "Paulo Pumilio" 2006, 13].

b) *Tengo cuarenta años, soy muy fea y estoy casada con un ciego. Sé lo que mis compañeros dicen de mí a mis espaldas, las burlas, las bromas, los apodos: **señora Quitahipos, la Ogra Mayor**...* (Мне сорок лет, я некрасива и мой муж слепой. Я знаю, что мои друзья обсуждают это за моей спиной, их шутки, насмешки, клички:

сеньора Прощай Икота, Великая и Ужасная...) [Montero, "Amor ciego" 2006, 209].

2) личностные качества:

а) *No era moro Ali, sino español, nacido en Algeiras y llamado Juan en el bautismo; pero todos le conociamos como el **gran Ali**, en parte porque prefería reservar su verdadero nombre como prevención ante conflictos policiales, pero sobre todo porque en verdad era grande y portentoso. (Али не был мавром, он был испанцем, родился в Алжире и по крещению был назван Хуаном; но все его знали как **великого Али**, отчасти потому, что он предпочитал приберечь свое настоящее имя для контактов с полицией, но, по большей части, потому, что и в самом деле был большим и удивительным)* [Montero, "Paulo Pumilio" 2006, 18].

3) Прозвища могут быть как **положительными** по своей качественной оценке, так и **отрицательными**. Они могут носить шуточный характер, быть ироничными, уничижительными, оскорбительными, т.е. могут передавать всю гамму отношений между людьми.

а) ***El Oráculo**. Años atrás, él le había puesto a Miguel el sobrenombre del **Oráculo**. Era un apodo burlón y chistoso pero también certero, porque, a menudo, entre las frases pueriles o en apariencia incomprensibles que el chico decía, se colaban significados extrañamente atinados, augurios de finura escalofriante. (Оракул. Несколько лет назад он дал Мигелю прозвище **Оракул**. Это было шуточное и веселое, но в то же время очень точное прозвище, потому что часто между ребячливыми и, на первый взгляд,*

непонятными фразами, которые произносил этот парень, проскальзывали поразительно точные и до жути меткие предсказания) [Montero, El corazón del tártaro 2001, 156].

б) *Lo que Zarza no sabía, ... era que **Martillo** se llamaba Martillo a causa de un pequeño incidente que protagonizó a los nueve años, cuando hundió la cabeza de uno de los amantes de su madre con una maza de partir nueces. ... la hazaña de Martillo le proporcionó una gran fama en el barrio, una breve estancia en el reformatorio y el nombre que llevaba. (Чего Сарса не знала, так это того, что **Молотка** звали Молотком в связи с небольшим происшествием, которое произошло с ним в 9 лет, когда он проломил голову одного из маминых любовников молотком для колки орехов... геройский поступок Молотка принес ему не только славу в районе, но и срок в исправительном доме и собственное имя)* [Montero, El corazón del tártaro 2001, 179].

в) «- *Este chico nos da suerte. Desde que está él todo nos sale bien. Es nuestra mascota. A partir de entonces Buenaventura empezó a llamarme **Fortuna**, y con ese nombre me quedé; —. Yo era Fortuna porque era auténticamente afortunado, y pensaba comerme el mundo ayudado por mi buena estrella*». («Этот тун приносит нам удачу. С тех пор как он с нами, все стало получаться. С того дня Буэнавентура начал звать меня **Фортуной**, так и повелось. — Меня звали Фортуной, потому что я был по-настоящему удачливым, и думал о том, чтобы завоевать весь мир, следуя за своей счастливой звездой») [Montero, La hija del caníbal 2001, 29].

Л.А. Сергеева пишет, что прозвища являются коннотирующими именами, способными не только называть, но и обозначать что-либо, "имплицировать" атрибут [Сергеева, 107]. В отличие от официальных наименований, прозвища всегда связаны с образными переживаниями и выражают эмоциональную оценку, в любом случае, они оценочны по своей природе. В современных прозвищах усиливается оценочный элемент, наблюдается стремление отразить в прозвищном наименовании не столько реальные свойства человека, сколько дать ему социальную, преимущественно ироническую оценку. Под современными прозвищами обычно понимают неофициальные оценочные имена, присваиваемые лицам в различные периоды их жизни и содержащие представление о субъекте [Данилина, 281].

Эмоциональная оценка прозвищ характеризуется определенными закономерностями возникновения и особенностями восприятия. Прозвища, таким образом, выполняют эмоционально-экспрессивную характеризующую функцию, заключая положительную или отрицательную экспрессию в самой семантике производящего апеллятива. Они, выполняя в произведении *эмоционально-экспрессивную характеризующую функцию*, создают общее оценочное представление о денотате, прежде всего, за счет семантической мотивированности имен собственных. Благодаря семантике лежащего в основе прозвища нарицательного имени, читатель осознанно приписывает ему характеристики, в большинстве случаев адекватные текстовым.

Данные онимы, обладая эмоционально-экспрессивным потенциалом, участвуют в формировании аксиологии номинируемых образов и создают общий эмоциональный колорит произведения.

Анахаева А.А.

(Россия, Москва)

**Диалекты в австралийском национальном варианте
английского языка**

Язык как один из основных признаков нации выражает культуру народа, который на нем говорит, то есть национальную культуру. При этом язык рассматривается в тесной связи с фактами общественной жизни его творцов и носителей, с их историей, географией, бытом, культурой и литературой.

Австралия – одна из стран мира, в которых национальная идентичность развивала равенство культур и языков населяющих ее народов. Австралийский вариант английского языка (Australian English) является лингвистическим маркером самобытности Австралии и ее освобождения от британского колониализма. Кроме того, австралийский вариант английского языка позволяет носителям различных языков общаться и взаимодействовать в австралийском обществе, внося в него модели общения, принятые в их первых языках и культурах.

Развитие и становление «австралийского английского» отличалось значительной сложностью и неравномерностью. Наибольшая интенсивность процессов формирования австралийского английского падает на ХХI век. Этот период характеризовался рядом процессов, среди которых наиболее существенными для дальнейшей судьбы австралийского английского были: процесс взаимодействия и «выравнивания» различных диалектов, завезенных их носителями из Великобритании во времена «транспортировки»; первая волна заимствований в результате языковых контактов; начало постепенного накопления элементов субстанции и структуры национального варианта литературного.

По своему происхождению английский язык в Австралии является «языком рабочего класса», т.е. «языком людей, которые бедны и по большей части необразованны». На характер «австралийского английского» в этот период наложили отпечаток и другие экстралингвистические факторы – естественно-географические и социальные условия.

Австралию той эпохи характеризовал низкий уровень материальной и духовной культуры, отсутствие национальной литературы, необходимость непрерывной борьбы со стихией, хищными зверями, змеями и т.п. Подобные факторы не могли не способствовать определенному «огрублению» и нравов, и языка. Все эти языковые разновидности смешались и находились в постоянном взаимодействии в Австралии, чего никогда не случалось в Англии. Австралийский вариант развивался в таком

обществе, которое с самого начала отличалось постоянным передвижением с места на место и социальной подвижностью».

Человек, говорящий на одном из мало распространенных диалектов английского языка, не хочет привлекать к себе внимание и поэтому стремится изменить свою речь негативным способом, изменяя специфические черты своей речи, которые очень индивидуальны, либо наиболее положительным способом приспособливая свои языковые привычки к привычкам большинства» [Mitchell 1970, 9 – 10].

Принято, вслед за Митчеллом и Делбриджем [Mitchell and Delbridge 1965], выделять на основе фонологических признаков три разновидности австралийского варианта английского языка: “Cultivated” («культивированный»), “General” («общий»), “Broad” («широкий»).

Указанное деление на CAu, GAu, BrAu в известной степени условно. Согласно многочисленным исследованиям социальной языковой вариативности грамматики австралийского английского выделяют три разновидности: Australian Vernacular English (AusVE), Standard Australian Colloquial English (StAusColE) и Standard Australian Formal English (StAusFE).

Фактически картина гораздо сложнее.

Территориальная вариативность языка - это универсальное свойство, обеспечивающее развитие и функционирование языка. Объектом нашего исследования является стандартный австралийский разговорный английский.

Данная проблема требует дальнейших исследований.

Штепа А.

(Россия, Москва)

Грамматическая синонимия современного английского языка

Синонимия является одной из современных, наиболее сложных проблем. Само существование слов, которые называются синонимами, оспаривается многими лингвистами. Природа и сущность отношений между этими словами обсуждается и рассматривается представителями разных лингвистических школ.

Изучение синонимических отношений языковых единиц давно привлекало внимание как зарубежных, так и отечественных авторов (Виллюман В.Г., Апресян Ю.Д., Пальмер Ф., Ульман С., Реформатский А.А., Григорян А.Г., Евгеньева А.П., Коллинсон В., Звягинцев В.А. и т.д.).

Несмотря на существование сравнительно большого числа исследований, посвященных раскрытию различных сторон синонимии, до сих пор нет единства взглядов в отношении определения синонимов, методов их изучения, принципов выделения и классификации синонимичных единиц.

Большинство ученых сошлись во мнении, что синонимы – определенная микросхема языка, которая характеризуется своими собственными отношениями и тем, что входит в качестве составной части в лексическую систему языка в целом. Что касается определения синонимии, то здесь не существует единства мнений: одни ученые исходят из значения слова, другие говорят о

соотнесенности смыслового и предметно-логического начал, третьи исходят из общности структурной модели употребления и одинаковой сочетаемости слов.

Что касается критериев синонимичности, мы придерживаемся мнения В.Г. Вилюмана, который утверждает, что синонимия имеет место при двух условиях – семантико-смысловой общности слов и их взаимозаменяемости, а те слова, которые отвечают лишь одному из этих условий, синонимами не являются.

До недавнего времени считалось, что синонимичные отношения возможны только между единицами, принадлежащими одному уровню языковой системы (слово-слово, словосочетание-словосочетание). Однако в современной лингвистике принято считать, что синонимами могут являться разноуровневые единицы (например, слово-словосочетание: *quickly-in a quick manner way*).

На основании проведенного нами исследования представляется возможным сделать следующие выводы:

➤ каждое данное на сегодняшний момент определение понятию синонима раскрывает лишь одну определенную сторону данного понятия;

➤ каждая классификация синонимических единиц, известная и изученная на данный момент, раскрывает суть синонимичных отношений и является по своему верной, однако эта проблема продолжает быть причиной дискуссий многих лингвистов;

➤ грамматическими синонимами могут являться не только такие конструкции, как, например, слово-слово или

словосочетание-словосочетание, а также различные грамматические конструкции, синонимичные друг другу.

Ролью синонимов является избежание повторов в речи говорящего. Тщательно и правильно подобранное слово из ряда синонимов является ценным качеством не только на листе бумаги, но и в высказывании говорящего. Правильный выбор слова, наиболее подходящего для данного контекста и данной ситуации, является важной частью процесса изучения языка.

Борисова А.С.

(Россия, Москва)

Приемы языкового манипулирования во французских рекламных текстах

Условия рыночной экономики вызвали стремительное развитие рекламы как социального института и области профессиональной деятельности сотен тысяч людей во всём мире. Современные средства массовой информации дали новый толчок распространению международной рекламной деятельности. Сегодня в мире не существует практически ни одной сферы деятельности человека, в которой не была бы задействована реклама. Из обычного торгового предложения реклама превратилась в изощрённый механизм воздействия на

потребителя. Каждый товаропроизводитель борется за своего покупателя и ищет свою нишу на рынке. Реклама воздействует на покупателя и способствует его действиям по приобретению рекламируемых товаров и услуг. При этом используется целый ряд различных методов и приемов, воздействующих на различные психические структуры человека, как на сознательном, так и на бессознательном уровнях.

В статье представлены результаты исследования, проведенного с целью выявления и описания приёмов языкового манипулирования в текстах французской печатной рекламы. Был проведён анализ современных рекламных текстов на французском языке за период с 2005 по 2007 год. Источниками послужили следующие французские периодические издания: «Madame Figaro», «Cosmopolitaine», «Elle», «Vogue», «Harper's Bazar», «Glamour», «Epica», «Diva», «Gala». В общей сложности было проанализировано около 200 рекламных текстов.

Под языковым манипулированием понимается *«вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент»* [Быкова, 99].

К основным характеристикам языковой манипуляции относятся: неосознанность объектом манипуляции осуществляемого над ним воздействия; одновременное воздействие на разум и эмоции адресата; преднамеренное искажение действительности, создание иллюзий, мифов и т.д.;

достижение манипулятором своих целей посредством объекта манипуляции.

Под термином «*манипулятивный приём*» подразумевается принцип конструктивной организации вербальных и невербальных средств в рамках рекламного сообщения, соответствующий авторскому замыслу.

В ходе исследования во французских рекламных текстах были выявлены следующие языковые манипулятивные приемы: *переакцентуация* (привлечение внимания потенциального потребителя исключительно к положительным свойствам рекламируемого товара); *подмена целей* (создание иллюзии того, что приобретение рекламируемого товара выгодно только для адресата, а сам адресант забывает о своих коммерческих интересах и заботится только о выгоде потребителя); *игра мотивом* (внедрение во внутренний мир адресата через возбуждение его основных физиологических и духовных потребностей); *надевание маски* (автор рекламного текста занимает определённую позицию по отношению к покупателю, т.е. надевает «маску», желая скрыть свои истинные намерения и добиться поставленной цели).

Подводя итоги рассмотренному в статье материалу, можно заключить, что языковые манипулятивные приемы, используемые в текстах французской печатной рекламы, выполняют контактоустанавливающую функцию и способствуют усилению прагматического воздействия рекламного текста на реципиента. Кроме того, знание механизмов языковых манипулятивных приемов даёт возможность потенциальным покупателям

соотнести и сравнить рекламную ситуацию, какой ее сознательно создает рекламист, с реальным положением вещей.

Кутьева М.В.

(Россия, Москва)

Гендерная полемика в испанской периодике

Возрастающее внимание СМИ к гендерной проблематике во многом обусловлено влиянием феминизма. В Испании женщины всё громче заявляют об ущемлении их прав, в том числе, и на уровне языка. В качестве важного лингвистического аргумента приводится тот факт, что *hombre* по-испански – это и человек, и мужчина (но не муж), а *mujer* – женщина и жена (но не человек). Используя испанское слово *hombre* в значении ‘человек’ – *hombre mortal*, *hombres de negocios*, *hombres jornaleros*, *hombres en la calle*, *la vida del hombre*, *evolución del hombre*, - мы не задумываемся о том, что речь может идти и о женщине. Значение ‘женщина’, формально входящее в дефиницию ‘человек’, фактически в узусе вытесняется из семантики этого весьма употребительного слова, а общечеловеческое понятие *hombre* оказывается всецело принадлежащим сфере маскулинности.

По наблюдениям Н.М. Фирсовой, гендерный контраст выражен в испанском языке интенсивнее, чем в русском [Фирсова, 77]. Словари (в частности, DRAE) изобилуют указаниями на то, что в переносной семантике парных существительных (например,

caballo-yegua - конь-кобыла) мужской коррелят нейтрален или окрашен положительно, женский – чаще пейоративен. Пейоративность в основном заключается в аллюзии на низкий интеллектуальный уровень и/или недостойный моральный облик женщины: caballo - persona que posee amplios conocimientos o habilidades para hacer algo (Cuba); yegua – mujer grosera (Cuba); gallo - hombre fuerte, valiente; hombre que trata de imponerse a los demás por su agresividad o jactancia; gallina - persona cobarde, pusilánime y tímida; puta; golfo - masa de agua marina, parcialmente rodeada de tierra; golfa – puta; guayabo - muchacha joven y agraciada; guayaba - mentira, embuste (Am.); lechuzo - hombre que anda en comisiones, y se envía a los lugares a ejecutar los despachos de apremios; lechuza - persona aficionada al fisgoneo; puta. В работах А. Грихельмо имеются подтверждения нашего тезиса: «zorro - un tipo muy astuto, zorra - una prostituta ambulante; comadrón - cirujano que asiste a la mujer en el parto, comadrona - partera, mujer que, sin tener estudios ni título, ayuda a la parturienta» [Grijelmo, 142, 364].

Язык газеты смакует инвективы, в частности, затрагивающие половую сферу мужчин и женщин. Это отмечает Н.М.Фирсова: «В испанском обществе постепенно трансформируются речевые вкусы, в первую очередь, в сторону устранения дистанции между коммуникантами, интимизации общения, раскованности, непринуждённости, упрощенности, этической сниженности речи» [Фирсова, 119]. При этом наблюдается существенная аксиологическая разница в использовании прессой абсцентной лексики соответственно мужской и женской сфер. Так,

стилистически сниженный эпитет *cojonudo* выступает в качестве хвалебной квалификации. Он звучит в адрес высокопоставленных лиц из уст политических деятелей Испании на публичных заседаниях. Сенсационным оказался заголовок: «Díaz Ferrán sobre Aguirre: "Es que es cojonuda"» (Диас Ферран сказал об Эсперансе Агирре, что у нее есть яйца) [El País - 06.05.2009]. Эта речевая оплошность Д. Феррана живо и с массой шутливых комментариев обсуждалась в центральной печати: «En nuestra historia ya va siendo hora de honrar a los cojones, los lleve quien los lleve. En nuestro caso, por lo oído, son atributos preferentemente femeninos» [El País – 09.05.2009] («В нашей истории пробил час воздавать хвалу яйцам, кому бы они ни принадлежали. В данном случае, как мы слышали, это атрибут преимущественно женский»).

Номинация женского полового органа *coño*, выступая в роли междометия, служит «для выражения разных настроений, особенно удивления или злобы»: «para expresar diversos estados de ánimo, especialmente extrañeza o enfado» [DRAE <http://buscon.rae.es/draeI>]. О чем-то неинтересном и утомительном говорят, употребляя аументатив от *coño*: “Es un coñazo!” Эта лексема отмечена в высказывании испанского президента Хосе Марии Азнара: «"¡Vaya coñazo que he soltado!" - dijo en 2002 el entonces presidente español, José María Aznar, en el Parlamento Europeo, tras exponer los resultados de la Cumbre de Barcelona» [El Mundo – 21.03.2002]. (Ну и ерунду я сморозил! - сказал в 2002 г. тогдашний президент Испании Хосе Мария Азар в Европейском

Парламенте, изложив результаты встречи на высшем уровне в Барселоне).

Словарь Королевской Академии даёт этой лексеме следующую дефиницию: “coñazo - (m. coloq.) persona o cosa latosa, insoportable” (надоедливый, невыносимый (о ком-либо или о чём-либо)); тогда как cojonudo, -da. – означает (adj. vulg.) ‘estupendo, magnífico, excelente’ (великолепный, чудесный, отличный). Эта проблематика затрагивается в работах О.С. Чесноковой о мелиоративном значении слова padre и пейоративном слова madre в речи мексиканцев (в переносной семантике) [Чеснокова, 225].

Вышеприведенная антиномия cojonudo-coñazo является отражением machistских ментальных стереотипов носителей испанского языка, отголоском мизогинии (от греч. misos – отвращение и gyne – женщина), свидетельством андроцентричности языка и ущербности образа женщины в языковой картине мира.

Темы половой дискриминации в испанском языке находятся в центре внимания специальных научных мероприятий – например: Дней Речи и Рода (Jornadas de Lenguaje y Género), организованных Центром Исследования прикладных языков (Centro de Investigación de Lenguas Aplicadas) в Университете Ла Рьеха. Поднимаются вопросы об отсутствии реального равенства в речевом поведении мужчин и женщин, приводятся хронометрия их выступлений (теле-ток-шоу, диспуты в университетах). Выводы испанских исследователей таковы: мужчина перебивает женщину и не терпит, чтобы женщина перебивала его [ABC - 27.08.2004;

La Gaceta de los Negocios - 18.12.2007]. Академик Х. Мартин Ариста из Университета Ла Рьоха отмечает, что в смешанных группах мужчины говорят больше и дольше, чем женщины. Со времен Средневековья известно предубеждение, будто женщины – болтушки и сплетницы. «Эта женоненавистническая точка зрения появилась в литературе того времени, чтобы очернить женщину», - пишет Х. Мартин Ариста [Martin Arista J., 121]. Ученый считает: пока мачизм живёт в обществе, он будет отражен в языке; задача испанского общества - изменить мужскую ментальность в сторону большей гибкости и уступчивости.

Эту точку зрения разделяет Х. Л. Альяга Хименес [Aliaga Jiménez J., 478] из Университета Сарагосы, сетуя на то, что в западной культуре женщина изначально была объектом отрицательных суждений. «Оценка основывалась на андроцентрических предрассудках (мировидение с мужской точки зрения, мужской подход к интерпретации мира). Это модель служила для того, чтобы презирать любую черту, свойственную женщине». Нейтральным и нормативным считалось поведение мужчины. Х.Л.Альяга указывает еще на один ныне изжитый предрассудок: «В свое время также полагали, что женщина менее способна выражать сложные мысли с помощью специального лексикона или синтаксиса, отягощенного сложноподчинительными связями» [Aliaga Jiménez J., 49]. Данные психологии и социологии опровергают тезис о том, что женщины склонны к болтливости, клевете, сплетням в большей степени, чем мужчины. В этом мужчины их опережают. [El País - 11.03.2009].

Испанская Королевская Академия создала специальную комиссию по разработке новой грамматики, которая должна учитывать гендерную проблематику. Деятельность этой комиссии затрагивает разнообразные вопросы общественной жизни. Так, до недавнего времени в Испании существовал закон о Солдатах и матросах - *La Ley de Soldados y Marineros*. Так как в армии могут служить и женщины, название закона изменили на *Ley de Tropa y Marinería* – Закон об Армии и Военно-морских силах.

Названия должностей и профессий – вот поле сражения, где скрестились шпаги традиционной лингвистики и феминизма. Оно охватывает и название национальностей - *vascos* у *vascas*, а также виды обращений к публике: *compañeros* у *compañeras*. Противники родового расщепления иллюстрируют свою позицию примером со словом день - *día*, которое в определенных контекстах включает и сам день, и ночь. Феминистским установкам противоречит и закон экономии языковых средств, который гласит, что нужно выражать максимум информации с использованием минимума слов.

В испанском языке мужской род, как известно, имеет обобщающий характер, что создает определенную трудность для понимания и перевода: *los reyes* (король и королева), *los hermanos* (братья и сестры), *los padres* (отец и мать), *los hijos* (сын и дочь), *los novios* (жених и невеста).

Грамматисты Испанской Королевской Академии напоминают, что в романских языках мужской род – это так называемый немаркированный род, т.е. он охватывает представителей обоих полов – людей и животных. «Cuando alguien

dice que el oso es una especie en peligro de extinción incluye tanto a machos como a hembras» («Когда говорят, что медведь – это исчезающий вид, то имеют ввиду как самцов, так и самок») – так иллюстрирует свою мысль о включенности женского рода в категорию мужского член Королевской Академии Игнасио Боске (Ignacio Bosque). Ученый считает, что тенденция к родовой дифференциации как ресурс политкорректности еще больше отдалит язык политиков от языка обиходного. Он замечает: "Si uno habla del nivel de vida de los españoles, es absurdo añadir 'de las españolas'. Suena incluso ridículo. Si yo le pregunto a alguien cómo están sus hijos se entiende que también le pregunto por sus hijas. No creo que sea discriminatorio" (Если мы говорим об уровне жизни испанцев, то абсурдно добавлять «и испанок». Это звучит даже смешно. Если я спрашиваю кого-либо, как поживают его дети (сыновья), то ясно, что я имею в виду и мальчиков, и девочек (и дочерей). Я не вижу в этом дискриминации). [El País - 05.12.2006]. Академик И. Боске, ныне возглавляющий комиссию по разработке новой испанской грамматики, призывает не доходить до крайности и не пытаться искоренить следы патриархата во всех грамматических построениях: «En "Juan y María han ido juntos", "juntos" es un masculino plural. Así es el idioma, no hay otra forma de decirlo» [там же]. «Во фразе «Хуан и Мария идут вместе» слово juntos стоит в мужском роде во множественном числе. Таков язык, и нет другого способа сказать это». И. Боске настаивает на том, что родовое раздвоение – феномен искусственный, политизированный, а в языке ничто не должно насаждаться

насиленно. Мерседес Бенгоэчеа из Университета г.Алкала де Энарес также считает, что постоянно добавлять после существительного мужского рода его коррелят рода женского – это невыносимо: "Ya sé que cuando alguien dice 'telespectadores' no tiene intención sexista", dice. "Es una herencia cultural. Como los toros. También heredamos palabras". «Я знаю, что когда говорят уважаемые телезрители, то здесь нет сексистской интенции. Это культурное наследие. Как бой быков. Слова достаются нам в наследство» [El País - 10.04.2008].

Чтобы избежать гендерных проблем, предлагается вообще убрать такие наименования, как jueces y juezas и вместо них использовать magistratura o justicia, а вместо Colegio de abogados - Colegio de la abogacía, чтобы не обидеть адвокатов-женщин. В государственные документы вносятся существенные поправки гендерного характера. В ноябре 2006 года Конгресс добавил к "andaluces" (андалусцы) "andaluzas", "pueblo andaluz" y "ciudadanía andaluza", добавлены также "funcionarias" y "ciudadanas". Мэрия Мадрида приняла решение: в бланках, анкетах и формулярах заменить наименования мужского рода: "el titular", "el firmante", "el que suscribe" на "persona que".

Газета «Эль Паис» опубликовала анкету. В ней читателям предлагается ответить на вопрос: «¿Crees necesario cambiar el nombre al Congreso de los Diputados?» (Ты считаешь нужным изменить название Конгресс Депутатов?). Отвечая, нужно выбрать один из вариантов: 1. Sí, porque discrimina a las diputadas; 2. No, porque gramaticalmente es correcto (1. Да, потому что это

дискриминация депутатов; 2. Нет, потому что los diputados грамматически правильно). Таким образом, в конфликт вступили социальные требования равенства мужчин и женщин и речевые нормы [El País - 10.04.2008].

Пандемия гендерных претензий, навязанная СМИ и требованиями политкорректности, противоречит закону экономии языковых средств, вызывая негативную реакцию ведущих испанских лингвистов: "La Academia refleja el uso que los hablantes hacen del idioma, no el que los políticos dicen que debe hacerse. Y es evidente que en la lengua común el desdoblamiento, por ejemplo, no se usa porque no hace ninguna falta" [El País - 10.04.2008] (Академия отражает язык к том виде, в котором его используют говорящие, а не в таком виде, который требуют политики. Очевидно, что во всеобщем языке расщепления по родовому признаку не происходит, потому что оно абсолютно не нужно).

Сегодня традиционные стереотипы маскулинности/фемининности вступили в противоречие с фактором социального равноправия между мужчиной и женщиной. Когнитивная сфера, стоящая за словами мужчина и женщина, не является застывшим, герметичным образованием. Это динамичная, подвижная сущность, с отставанием во времени, но все же отражающая метаморфозы национальной языковой картины мира.

Усманова З.А.

(Россия, Москва)

Роль языка-посредника в эпоху глобализации

Глобализация — это сложный многомерный процесс, проявляющийся в экономической, политической, информационной и культурной сферах, когда территориальность исчезает как организующий принцип социальной и культурной жизни. Процессы глобализации охватывают все стороны жизни человеческого сообщества — экономику, финансы, трудовые, информационные, интеллектуальные ресурсы, сферы образования, науки, искусства.

Язык же в данной ситуации является проводником, позволяющим представителям разных стран и этнических сообществ в сжатые сроки усваивать целые пласты мультикультурной субстанции, неизбежно формирующейся при их взаимодействии.

При этом велики роль и значение языка-посредника. По мнению некоторых исследователей (А.В.Подстрахова), под языком-посредником подразумевается такая разновидность языка, которая лишена культурно-специфических черт и не дискриминирует говорящих по политическим, социальным, возрастным, религиозным, культурным и другим признакам и

является универсальным средством общения в самых различных сферах.

От него зависит качество процесса коммуникации и его успех. За счет языка-посредника идет значительное пополнение словарного состава национального языка. Поскольку в период глобализации языков-посредников не может быть много, так как это противоречило бы самой ее сути, то параллельное функционирование многочисленных заимствований в разных языках из одного языка-посредника способствует укреплению его статуса как средства межнационального, глобального общения.

При осуществлении межкультурной коммуникации, где ни один из участников не является носителем языка-посредника, совершенно необходимо не только уметь выражать свои мысли, доступно и убедительно их аргументировать, как в случае контактов внутри единого культурного сообщества, но также важно пользоваться языком-посредником таким образом и в такой манере, которые были бы уместны и адекватно восприняты в данной среде. Что, безусловно, подразумевает нестандартное его использование в зависимости от требований экстралингвистических реалий.

Так, каждый человек, являясь представителем определенной национальной культуры, включающей национальные традиции, историю, литературу, пользуется языком-посредником, исходя из своего опыта, воззрений, ценностей и привычек, а также учитывая, в меру своей осведомленности и представлений, ценностную

шкалу своего партнера. Исходя из этого, язык-посредник выступает, прежде всего, в роли инструмента.

Сложность процессов взаимодействия языков в эпоху глобализации делает целесообразным разграничивание в дидактических целях языка как инструмента и хранителя культуры и языка как средства коммуникации. Каждый существующий язык представляет собой абсолютную ценность и должен сохраняться и развиваться как часть культурного разнообразия мира. Данные исследования и практика свидетельствуют о том, что чем меньше посредников, тем лучше, эффективнее идет процесс взаимодействия.

СЕКЦИЯ 4

Воспитание толерантности в современном мире

Николаева Ю.А.

(Россия, Москва)

Отрицание в английских, американских и русских информативно - регуляторских текстах

Примером различий в употреблении отрицания на коммуникативном уровне являются информативно-регуляторские тексты. К ним относятся объявления, указатели, призывы и инструкции, которые регулируют общественное поведение. Они могут быть как письменными, так и устными. Интерес к этой сфере языкового употребления обусловлен тем, что в ней «взаимодействуют функция воздействия, осуществляемая с помощью так называемых свободных форм и словосочетаний, и функция сообщения, выполняемая посредством устойчивых единиц» [Тер-Минасова, 239]. Из этого естественным образом вытекает то, что способы лексико-грамматического оформления подобных текстов в разных языках будут различаться.

Поскольку иллюкутивная сила текстов объявлений и призывов чаще всего соответствует речевым актам приказа (запрета), команды, указания или инструкции, то их можно отнести к

директивным речевым актам. Под такими актами, именующимися директивами, понимают речевые акты, «предполагающие действие слушающего в интересах говорящего (иногда в интересах слушающего <...>), обязательное для выполнения» [Ларина 2009, 210]. Исследователи П. Браун и С. Левинсон относят этот тип к «угрожающим лицу речевым актам» (Face Threatening Act – FTA), что уже сигнализирует о высокой степени взаимосвязанности языкового оформления и воздействия на адресата.

Если сравнить способы выражения запрета в английских, американских и русских информативно-регуляторских текстах, то можно заметить ряд интересных различий, главное из которых связано с формой императива. Как в английской, так и в американской культурах, являющихся крайне индивидуалистическими, важнейшей культурной ценностью является зона личной автономии, или *privacy*. Это безэквивалентный концепт, который содержит важнейшую информацию о коммуникативном сознании представителей данной культуры, о принятых нормах и правилах коммуникации. В речевом общении зона личной автономии определяет ту допустимую степень воздействия на адресата, которая устанавливает права говорящего осуществлять тот или иной акт и тот предел, до которого слушающий считает это воздействие возможным [Ларина 2009]. Именно поэтому в них накладываются строгие ограничения на использование императива. В силу того, что запрет является отрицательной, еще более сильной по степени

воздействия формой императива, то количество случаев его употребления ничтожно мало.

На конкретных примерах можно увидеть, какие основные «приемы» используются в английском языке для избегания посягательства на зону личной автономии индивида в информативно-регуляторских текстах:

Keep out – Не входить.

Keep clear of the gate – Не заслоняйте дверь.

Keep off the grass – Не ходите по траве.

В данных примерах воспринимаемые нейтрально запреты в русском языке передаются в английском с помощью глагола в утвердительной форме и постпозиционной частицы, аналога которым в русском языке нет. Это довольно распространенный способ позитивного оформления негативной мысли на лексическом уровне языка (пример из учебника Headway: *The house is going to feel very empty with you and Sally away.* – Дом будет пустовать **без** тебя и Сэлли или Дома будет **не** хватать тебя и Сэлли.).

Тот же самый глагол *keep* также встречается в обиходных выражениях *Keep your eyes open (Не зевай!)* и *Keep the door open (Не закрывай дверь!)*. Интересным для темы данного исследования является функционирование этого глагола в девизе американского образа жизни *keep smiling* – «чтобы ни случилось – улыбайся». Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, проводя сравнение одной и той же рече-поведенческой тактики в двух национальных культурах, по этому поводу пишут: «Так, тактика «*Не поддавайся*

печали! Don't worry!» в англо-американской культуре, как кажется, построена на напоминании о необходимости не подавать вида, что вас постигло несчастье, тогда как аналогичная тактика, принятая у русских, имеет перлокутивный целью реальное изгнание печали» [Верещагин, Костомаров 1999, 17]. Кроме того, авторы отмечают, что вокруг этого расхожего выражения и связанной с ним тактики сложилась целая национальная философия – моральная философия успеха (philosophy of success). Представляется, что ядром этой формулы успеха является именно positive thinking.

Также можно отметить другие примеры запретов в английском языке:

«*Only food and drinks bought here **may be consumed** on the premise*» – «**He** *проносите* на территорию заранее купленные продукты и напитки»; «*Please, **refrain from** taking photographs*» – «**He** *фотографировать*»;

«*Please, **maintain** your personal belongings with you in all times*» - «**He** *оставляйте* ваши личные вещи без присмотра».

«*You are asked to **keep** any luggage **close** by you at all times when traveling and to **avoid putting** your baggage on seats or in gangways*» - «Мы просим вас держать багаж рядом с собой во время всей поездки и **не** ставить его на сиденья или в проходах».

*Please, **remember** to take all your belongings with you when you leave the train.* – «Выходя из поезда, пожалуйста, **не** забывайте свои вещи».

Последний пример отражает традиционное использование слова *remember* в тех контекстах, где по-русски имеется в виду не

«помни», а именно «**не забудь**» (так же как *cheer up* означает не «развеселись», а «**не грусти**»), несмотря на наличие в языке эквивалентной формулы *don't forget* (или *don't get downhearted*). Употребление этих единиц является специфичным для английского языка.

Конечно, можно встретить случаи параллельного употребления, а также расхождения в употреблении как отрицательных, так и утвердительных форм, например:

***Would** you kindly **stop** smoking please / Thank you for **not** smoking – **He** курить (**Перестаньте**, пожалуйста, курить) / Курить **запрещается** / У нас **не** курят*

*The use of Internet should be **restricted** to... – Пользование Интернетом **запрещено**...*

*Seats are **not** for feet – **He** кладите ноги на сиденья*

***Authorized personnel only** / **Only private** guests are **welcomed** / **PRIVATE** – Посторонним вход **воспрещен**.*

Однако на самом деле приведенные примеры демонстрируют применение различных стратегий вежливости, цель которых в данном случае – минимизировать категоричность смысловой нагрузки высказывания (запрета) и максимально понизить степень императивного воздействия на адресата.

Для эффективного осуществления данных стратегий применяются такие языковые средства, как оформление директивов в виде вопроса; употребление модальных глаголов (в сослагательном наклонении); использование глаголов абстрактного действия (*avoid*, *refrain*); использование

модификаторов (*please, kindly*), смягчающих императив [Ларина 2009, 265, 274].

В целом, можно отметить, что в информативно-регуляторских текстах и речениях категория отрицания гораздо более характерна для русского стиля коммуникации, нежели для английского. Ее употребление или неупотребление является национально-специфичным, поскольку ее относительное отсутствие свидетельствует о неимпозитивности⁹, косвенности, некатегоричности, имплицитности, личностной ориентированности, а также ориентированности на высокий уровень вежливости как характерных чертах английского стиля коммуникации [Ларина 2009, 304]. И наоборот, частотность употребления категории отрицания в русских речевых актах коммуникации позволяет охарактеризовать русский стиль как контактный, импозитивный, прямой, категоричный, центрированный, статусно-ориентированность и ориентированный на средний и низкий уровень вежливости [Ларина 2009, 433-435]. Нормативный характер информативно-регуляторских высказываний в русском языке сближает их с рече-поведенческой тактикой указания на норму через отрицание (*Вы только не волнуйтесь! Не обижайтесь! Не ленись, Не забудь* и т.д.), которую Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров указывают в числе 14 наиболее

⁹ Под импозитивностью (неимпозитивностью) мы, вслед за Т.В. Лариной, называем допустимость (недопустимость) оказания прямого воздействия на собеседника.

распространенных тактик русской коммуникативной культуры [Верещагин, Костомаров 1999].

Солдатова О.С.

(Россия, Москва)

**Национальный стиль коммуникативного поведения англичан
и русских на примере ситуации «похвала»**

Данная статья посвящена проблеме, связанной с национально-культурной спецификой коммуникации представителей английской и русской лингвокультур, а именно различиям в проявлении/демонстрации эмоций. Изучению эмоционального компонента межкультурного общения в последнее время уделяется все большее внимание. И это не случайно, поскольку, несмотря на тот факт, что эмоции носят универсальный характер и свойственны людям в целом, их проявление, значение, функции имеют свою культурную специфику, что находит отражение в языке и речи [Шаховский 1987, Красавский 2001, Wierzbicka 1994 и др.]. Не случайно проявление эмоций некоторые исследователи относят к одному из важнейших различий между культурами [Trompenaars 1993]. Различные способы проявления эмоций являются характеристикой

национального менталитета представителей той или иной этнической культуры, эксплицируемого в их поведении. Из-за существующих различий в процессе межкультурной коммуникации эмоции часто находят неверную интерпретацию, что существенным образом затрудняет общение и приводит к коммуникативным сбоям и даже конфликтам. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, в отличие от языкового барьера, культурный барьер невидим и не осязаем, возможность видеть мир вокруг себя, жить по определенным, родным правилам, в соответствии с общепринятыми нормами, традициями и привычками, осознание своей культуры как одной из многих, отдельной, особенной, приходит только при столкновении с иной культурой, особенно той, которая живет в иных странах, то есть иностранной [Тер-Минасова, 46]. В результате поведение инокультурного партнера получает неадекватное толкование, что существенным образом затрудняет процесс общения. Это касается и эмоциональной деятельности человека, особенно в сфере фатической коммуникации.

Всем известны различия между английской (американской) и русской улыбкой. Однако особенности невербальной коммуникации, как правило, находят отражение и в вербальной коммуникации, где мы видим те же различия: экспрессивное, демонстративно позитивное, направленное на собеседника поведение англичан, из-за чего оно часто воспринимается как неискреннее, и более сдержанное, умеренное, более естественное поведение русских.

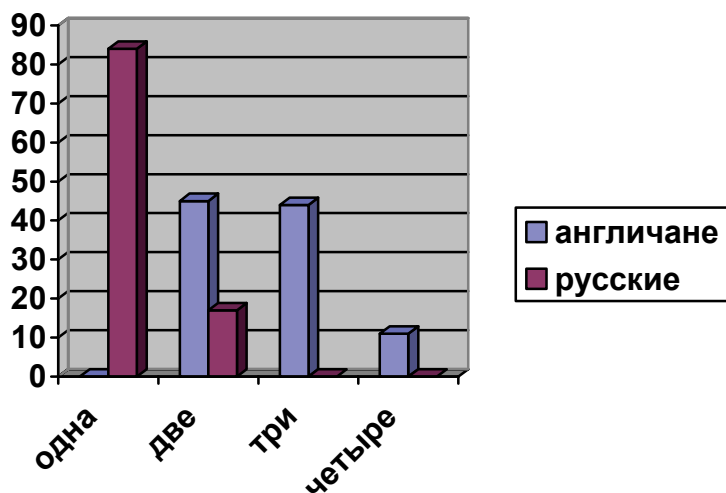
Чтобы понять данные противоречия в разных культурах считаем необходимым, вслед за Т.В. Лариной, различать два типа коммуникации – эмотивную и эмоциональную. Эмоциональная коммуникация – это спонтанная, незапланированная, естественная демонстрация эмоций говорящего как проявление его эмоциональных внутренних состояний, необязательно учитывающая реакцию собеседника или окружающих. Эмотивная коммуникация – это сознательная, контролируемая демонстрация эмоций, которая ориентирована на собеседника и используется в стратегических целях: воздействие на окружающих, демонстрация лояльности, доброжелательности, предупреждение возможного конфликта, т.е она выполняет социальную функцию [Ларина 2005, 153]. Наши наблюдения показывают, что эмотивность является неотъемлемой чертой английского стиля коммуникации, который предписывает проявлять внимание к собеседнику, преувеличивать свой интерес и симпатию к нему.

В качестве иллюстрации приведем некоторые данные сопоставительного анализа одной из ситуаций из проведенного нами эмпирического исследования: *«Ваша дочь (сын, сестра, брат) принимал (а) участие в соревновании (конкурсе талантов) и занял (а) первое место»*. Сопоставительный анализ коммуникативного поведения англичан и русских в данной ситуации общения показал, что в коммуникативном поведении англичан и русских были замечены как сходства, так и различия. И англичане и русские оценивали участника и выражали личное отношение.

Тем не менее, в отношении предпочтения, отдаваемого той или иной реплике, экспрессивности ответа, его длине, выявляются существенные различия, указывающие на использование различных коммуникативных стратегий, характерных для сопоставляемых лингвокультур. Остановимся на важнейших из них. Одно из важных различий касалось количества реплик.

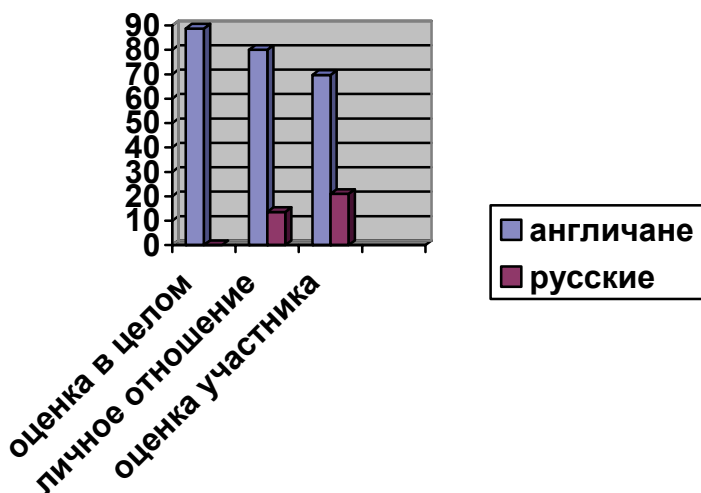
Англичане	Русские
1 реплика – 0%	1 реплика – 84%
2 реплики – 45%	2 реплики – 17%
3 реплики – 44%	3 реплики – 0%
4 реплики – 11%	4 реплики – 0%

Как видно из таблицы, больше половины англичан употребили две либо три реплики, в то время как почти все русские ограничились одной. В английских ответах одиночные реплики нами выявлены не были.

Процентное соотношение количества реплик наглядно представлено на диаграмме. Таким образом, стратегия *будьте многословны*, оказалась более типичной для английского коммуникативного поведения.

Второе различие касалось семантики реплик. В английском материале преобладающей репликой была оценка, которую англичане давали почти в 7 раз чаще, чем русские, что наглядно представлено на диаграмме.

При этом английские респонденты широко употребляли экспрессивные эмоционально-оценочные единицы.

Общая оценка в целом 80%: *Awesome job! / Marvelous performance / Fantastic show / Excellent job / Gorgeous show / It was incredible / Tremendous concert / It was absolutely incredible / It was extremely fantastic / It was so wonderful.*

Личное отношение 73,6%: *I am so happy for you / I am so proud of you / I really enjoyed watching it.*

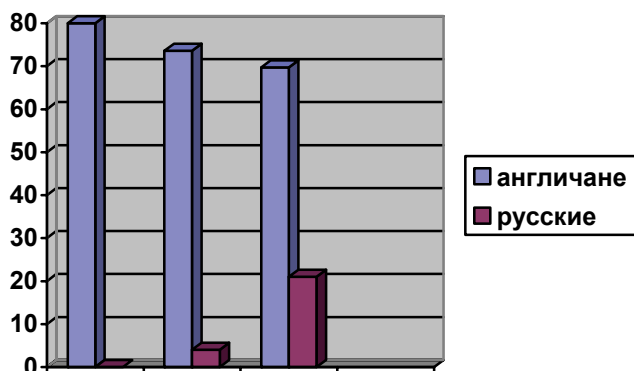
Оценка участника 69,7%: *You are a genius / You are brilliant / You were so charming / You are so talented.*

Русские тоже употребляли экспрессивные эмоционально-оценочные единицы, но гораздо реже англичан.

Личное отношение 4%: *Я была в восторге.*

Оценка участника 21%: *Ты молодец / Ты мой герой / Умница*. Следует отметить тот факт, что общую оценку событию русские не давали.

Из приведенных примеров видно, что экспрессивные эмоционально-оценочные единицы употреблялись русскими в единичных случаях. В данной ситуации англичане употребляли экспрессивные эмоционально-оценочные единицы в 9 раз чаще, чем русские. Эту разницу отчетливо видно на представленной диаграмме.

Приведем примеры наиболее типичных английских и русских диалогов:

1. <i>Marvelous performance. I really enjoyed watching it</i> –	1. Прими мои поздравления – Спасибо.
---	--------------------------------------

<i>Thank you so much for your support. I am very happy to have won.</i>	
<i>2. Wow! It was incredible. You are a star – I am very grateful to you for your help. I am so pleased I have won.</i>	<i>2.Поздравляю! – Большое спасибо.</i>
<i>3.Fantastic show! You were extremely wonderful. I really enjoyed it. Very many thanks – Thanks a million. I am so glad you enjoyed the show.</i>	<i>3. Ну и удивил! Ты молодец – Спасибо. Я счастлива.</i>

Из приведенных примеров видно, что ответы англичан были, не только многословны, но и экспрессивны. Английские респонденты широко использовали оценочные формулы в большинстве своем с экспрессивными эмоционально-оценочными единицами.

Ответы русских, в большинстве случаев, были лаконичны и малоэкспрессивны. Предпочтение отдавалось нейтральной формуле: *Поздравляю*. Подчеркнем, что это наиболее типичные диалоги. Важно подчеркнуть, что выявленные нами различия проявились и в ответных репликах, что видно на этом примере.

Выявленные различия позволили нам выделить следующие черты английского и русского стилей коммуникации.

Английский стиль фатической коммуникации отличаются *гиперболизированная оценочность* (т.е. предпочтение экспрессивных эмоционально-оценочных единиц), эмотивность, экспрессивность, многословие, в то время как для русской фатической коммуникации характерны такие черты, как эмотивная умеренность, *меньшая экспрессивность, сдержанность, лаконичность.*

Выделение доминантных черт коммуникативных этностилей имеет важное теоретическое и практическое значение и может найти широкое применение в практике. При написании учебных пособий по английскому языку и английской разговорной речи, по русскому языку как иностранному, также использоваться в переводческой и преподавательской практике, в лекционных курсах по теории межкультурной коммуникации и культуре речи, в спецкурсах по национально-культурной специфике коммуникации.

Шипилова О.В.

(Россия, Москва)

**Сопоставительный анализ мифологизмов английского,
французского и русского языков**

В настоящее время интерес к мифам и фразеологизмам

мифологического происхождения не угасает, а, напротив, возрастает повсеместно. На сегодняшний день одной из актуальных тем является фразеология мифологического происхождения. Современный мир - это мир мифологизмов и связанных с ними по духу крылатых выражений. В рекламах, заголовках и слоганах - везде встречаются мифологизмы. Наше представление о материальном мире отчасти тоже метафорично, поэтому фразеологизмы мифологического происхождения играют существенную роль в нашей жизни. Под фразеологией мифологического происхождения понимается фразеология, источником которой является Античная Мифология: сюжеты Древней Греции и Древнего Рима. Поскольку Античная Мифология - это важный фактор в культуре народов, а также один из источников интернациональной фразеологии, то фразеологию мифологического происхождения можно считать связующим звеном между европейскими языками. В разных языках на основе сюжетов Античной Мифологии образовались фразеологические единицы мифологического происхождения, которые далее будут обозначены как мифологизмы. Фразеологизмы мифологического происхождения давно проникли в нашу речь. Мы говорим: «олимпийское спокойствие»/ «calme olympien»/ «olympian calm»; «сизифов труд»/ «rocher de Sisyphe»/ «Sisyphean labour»; «танталовы муки»/ «le supplice de Tantale»/ «the torments of Tantalus» и тем самым способствуем образности и яркости своей речи. Всем известны такие устойчивые единицы, как: «авгиевы

конюшни»/ « écuries d'Augias»/ «the Augean stables» (очень грязное место, беспорядок, запустение); «Ахиллесова пята»/ «talon d'Achille»/ « Achilles' heel, the heel of Achilles» (слабое, уязвимое место); «бездонная бочка» (бочка Данаид)/ « le tonneau des Danaïdes » / «Danaïdes' work» (бесплодный, бесполезный труд, бесконечная, бесцельная работа); «время - лучший врач» / « Le temps guérit tout » / « Time cures all things » («Время - врач всех болезней»); «золотой век»/ « âge d'or » / «the Golden Age» («счастливая пора в истории человечества»); «яблоко раздора»/ « Pomme de discorde », « apple of discord » («причина ссоры»); «ящик Пандоры»/ « boîte de Pandore»/ «Pandora's box» («вместилище всех пороков всех человеческих страданий»), но мало кто задумывается о происхождении этих выражений. Лаконизм фразеологических единиц мифологического происхождения и близких к ним крылатых выражений, пришедших из античной эпохи, служит украшением нашего разговорного языка, они часто встречаются в прессе, особенно в заголовках. Следует также отличать мифологизмы от близких к ним по духу крылатых слов. К крылатым словам относятся широкоупотребительные меткие слова, образные выражения, изречения исторических лиц, краткие цитаты, имена мифологических и литературных персонажей, ставшие нарицательными. Из данного выше определения с очевидностью следует, что крылатые слова не являются строго лингвистической категорией. Они образуют некое подмножество фразеологизмов мифологического происхождения. Бесспорно, к крылатым выражениям относятся известные слова

Юлия Цезаря, произнесенные при переходе реки Рубикон: «жребий брошен»/ «le sort en est jeté»/ «the die is cast»; «верный друг познается в беде»/ «au besoin, on connaît l'ami»/ «a friend in need is a friend indeed»; также слова Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже»/ «Platon est mon ami , mais la vérité est plus précieuse»/ «Platon is my friend, but the truth is more precious»; «золотая середина» (одно из основных положений житейской философии Горации)/ « juste milieu»/ « the golden mean»; «я мыслю, следовательно, я существую» (Декарт) / «je pense, donc je suis»/ «I think therefore I am»; «привычка – вторая натура»/ «L'habitude est une seconde nature»/ «habit is a second nature»; «разделяй и властвуй»/ «diviser pour régner»/ «divide and rule»; «пришел, увидел, победил» (латынь: veni, vidi, vici)/ «venu, vu, conquis»/ «I came, I saw, I conquered» и многие другие. Античные и библейские мифы, фольклор, мировая художественная и научная литература, публицистика, мемуары, речи политических и общественных деятелей - источники крылатых выражений. Следует отметить, что интерес к мифологическим выражениям не только не угас, но даже усилился. Следствием этого стало увеличение удельного веса мифологизмов в новейших словарях и справочниках, в живой повседневной, а также в публицистической речи. Обнаруживается даже тенденция к злоупотреблению меткими фразами мифологического происхождения. Люди зачастую употребляют мифологические выражения без точных знаний их значений. Некоторые фразеологические единицы мифологического происхождения

настолько вошли в плоть русского и других языков, что уже не воспринимаются как мифологизмы. Например, «из мухи делать слона»/ «faire d'une mouche un éléphant»/ «to make a mountain out of a molehill» (писатель-сатирик Лукиан); «из двух зол избрать меньшее»/ «de deux maux il faut choisir le moindre»/ «of two evils choose the least» (Аристотель) и многие, многие другие. Несомненно, что знакомясь с иностранным языком, усваивая и изучая его, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком.

Вечернее заседание

СЕКЦИЯ 1

Контактные языки и диалекты

Борисова Е.С.

(Россия, Москва)

Соотношение языка и диалекта в несобственно-прямой речи на примере итальянской художественной прозы

Понятие «общий итальянский язык» в Италии имеет несколько вариантов: italiano comune, italiano nazionale и italiano

standart. Это - государственный язык Италии и общелитературный язык всей страны. На нем говорят и пишут все итальянцы, его используют в средствах массовой информации. «Но italiano comune, особенно в его устной форме, далеко не единообразен. <...> При несомненном тосканском, точнее флорентийском, происхождении литературного языка, далеко не все в речи даже образованного флорентийца воспринимается как принадлежность литературного языка» [Алисова, 3]. Языком итальянской нации italiano comune стал лишь в период Рисорджименто, завершившийся созданием единого итальянского государства в 60-е гг. XIX в.. До Второй мировой войны и распространения радио и телевидения italiano standart был только письменным общим языком. Устно им владели лишь образованные тосканцы и узкая прослойка образованных людей в других регионах. Неграмотные люди знали только свой диалект. «Национальным же литературным языком, в каком этот термин приложим к современным полифункциональным языкам, итальянский становится лишь в XX в.... Тогда складывается устная форма общеитальянского языка и восстанавливается связь между письменным литературным языком и живой речевой стихией» [Алисова, 15].

Общезыковое явление несобственно-прямой речи (НПР), возникшее одновременно в Италии, Франции, Германии и Англии во время утверждения веризма и психологизма, когда литературный язык достиг «максимальной лексико-грамматической и синтаксической свободы» [Vita, 13], связано с

проникновением диалекта в художественную прозу. Конструкция НПР - литературного происхождения, этим объясняется ее редкое появление в разговорной речи, присутствие в ней единиц диалекта, делает ее более выразительной и, следовательно, ярче передающей речь персонажа. Итальянский поэт, писатель и кинорежиссёр Пьер Паоло Пазолини, настаивающий на социологической основе несобственно прямой речи (НПР), приводит слова французского семиотика и философа-постструктуралиста Ролана Барта, смысл которых заключается в том, что любой индивид – это пленник своего языка: «когда он находится вне своего класса, его обличает первое же слово и характеризует его во всей его полноте» [Pasolini, 115]. А в НПР, контаминирующей в себе как общелитературный язык, так и разговорный узус, диалект именно *выдает* голос персонажа, не позволяя читателю более сомневаться в принадлежности того или иного отрезка текста к полюсу нарратора или персонажа.

Значимый в истории итальянского языка и литературы роман Джованни Верги *Malavoglia* (*Семья Малаволя*) был написан в 1881 г. Инновационный натуралистичный тип письма получил название «реализма» или «веризма». Нельзя забывать, что это была общеевропейская тенденция, состоящая в стремлении создать реальную картину, методом «полной безличности». Согласно этому методу автор должен «скрыться» за «жизнью своих персонажей», «видеть происходящее их глазами и говорить их словами», так, чтобы читатель оказался «лицом к лицу с

обнаженным и чистым фактом» [цитаты взяты из писем Верги 80-х гг. см. Baldi 1980, 4].

В связи с историческими особенностями развития итальянского языка в конце XIX в. еще не могла происходить контаминация языка и диалекта в НПР (причины указаны выше). Верга не злоупотребляет диалектом и не использует его как региональную особенность, в его романе появляются диалектные слова, известные по всей Италии. Следы сицилийского диалекта – это прозвища персонажей (*padron 'Ntoni, la Zuppidda, Cinghialenta* и т.д.), использование многозначного *che*, скалькированного с сицилийского *ca*, обилие местоимений, таких как *ci attualizante (averci)*, использование *gli* вместо *loro*, удвоения, синтаксические и лексические повторы [Testaverde 2003, 114-115].

В следующем характерном отрывке НПР, несмотря на синтаксическую зависимость текста персонажа от текста нарратора (транспозиция времен и личных местоименных и глагольных форм), в частности, от глагола группы *verba dicendi*, осложненного неполнозначным фазовым глаголом (*si mise... a gridare*), очевиден голос персонажа:

La Zuppidda saltò su tutte le furie all'udire quello che le mandava a dire suor Mariangela con don Giammaria, e si mise sul ballatoio a gridare che lei non ne voleva roba degli altri, aprisse bene le orecchie la Santuzza! che se vedeva passare don Michele per la sua strada voleva cavargli gli occhi con la conocchia che teneva in mano, in barba alla pistola che portava sulla pancia, giacchè ella non aveva paura nè delle pistole nè di nessuno, e sua figlia non l'avrebbe data a

uno che si mangiava il pane del re e faceva lo sbirro, ed era nel peccato mortale colla Santuzza per giunta, glielo aveva detto don Giammaria sotto sigillo di confessione, ma ella se lo teneva nelle ciabatte, il sigillo della confessione, quando ci andava di mezzo la sua Barbara, - e ne disse tanti e tanti degli impropri... [Verga 1991, 154].

Экспрессивность текста персонажа достигается не за счет диалекта, а за счет элементов, свойственных разговорной речи: синтаксических повторов (*che lei non ne voleva roba degli altri, che ... voleva cavargli gli occhi*), местоименной частицы *ne*, дублирующей заменяемое ею дополнение, и поэтому выполняющей выделительную функцию, *Congiuntivo* в независимом предложении (*aprisse bene le orecchie la Santuzza!*), фразеологических выражений (*cavare gli occhi, mangiava il pane del re, ci andava di mezzo*), вынесения прямого дополнения влево (*sua figlia non l'avrebbe data*), разговорной лексики (*sbirro*), уточняющего наречия (*per giunta*) и вводных предложений (*ma ella se lo teneva nelle ciabatte, il sigillo della confessione*), ускоряющих темп высказывания.

Даже если в романе речь идет о сицилийской деревне, в силу исторического разграничения общелитературного языка и диалекта, НПР, обладая свойственной ей экспрессивностью, передана именно на *italiano comune*. Но, несмотря на это, она «усиливает объективность повествования», отражает желание автора «представить реальность без фильтров» и передает его стремление быть понятным своей публике, т.е. образованному обществу, владеющим литературным нормой. По этим причинам

Верга вынужден был использовать язык, основой которого был язык Данте, Петрарки и Боккаччо [Тогно, 55].

В свою очередь в романе Карло Эмилия Гадды 1957 г. *Quer pasticciaccio brutto de via Merulana* (Пренеприятнейшее происшествие на улице Мерулана) вопрос соотношения языка и диалекта во всем тексте и, в частности, в НПР, решается уже по-иному. Роман написан в послевоенные годы, когда диалект проникает в литературу. Эта тенденция была реакцией на стремление расширить сферу использования литературного языка во второй половине XIX – нач. XX в.: «Импульс для распространения литературного языка дала Первая мировая война, ибо солдаты не могли общаться между собой на диалектах. После Второй мировой войны началась интенсивная миграция с юга на север, из сельской местности в города, которая происходит до сих пор. Началось массовое овладение литературным языком, к которому итальянцы приобщались через школу и средства массовой информации. Одновременно были «реабилитированы» диалекты как выражение национальной специфики Италии» [Челышева 2001, 63]. Яркий тому пример - проза Гадды, в которой НПР является откликом на лингвистическую ситуацию Италии во второй половине XXв.:

Venne rintracciato Cristoforo, il fattorino del Balducci. Parve lo schiantasse una folgora. *Era uscito alle sette emmezzo dopo un caffè-corretto a cui Liliana lo aveva gentilmente sforzato: latte nun ne poteva beve, je faceva male a lo stomaco. Sì, un po' prima della Gina, che*

annava ar Sacro Core alle otto. Non volle sostare a quilla vista: ‘Nun me riesce de guardalla’ [Gadda 1963, 69].

После слов автора идет выделенный курсивом отрезок текста в НПР. Эллипсис вводящего глагола группы *verba dicendi* (*disse*) и изъяснительного союза (*che*) не позволяет читателю отнести следующий за ними текст голосу нарратора, т.к. *Trapassato prossimo* (*era uscito*) указывает на значимое отсутствие глагола пропозициональной установки, от которого зависит транспозиция глаголов в план прошедшего (*Disse che era uscito... aveva... sforzato... poteva... faceva... annava*). Таким образом, перечисленные глаголы в *Trapassato prossimo* и в *Imperfetto* при передаче высказывания в прямой речи стояли бы в *Passato prossimo* и *Presente*, тем более, что следующее графически оформленное высказывание персонажа, являющееся логическим продолжением НПР, относится к плану настоящего. Но если прямая речь, непосредственно вносящая голос персонажа в повествование, может быть целиком на диалекте, как в данном случае, то в НПР, объединяющей в едином синтаксическом целом голос персонажа и голос нарратора, появляются только диалектальные вкрапления (*emmezzo, nun ne poteva beve, je, a lo, annava, ar, Core*). Подобное явление Элеонора Кане называет немецким термином *Sprachmischung*, т.е. взаимодействием языка и диалекта.

Персонажи Гадды, «яркого представителя полилингвизма», говорят на диалекте, включение которого в НПР позволяет читателю отделить голос персонажа от голоса нарратора, несмотря

на то, что в романе эти голоса часто смешиваются. «У Гадды конструкции НПП – это не что иное, как способ выразить разные грани все время меняющейся действительности» [Cane 1969, 97-132].

Подводя итоги, можно сказать, что на примере проанализированных отрывков из романов Верги и Гадды можно проследить межкультурное взаимодействие языка и диалекта в Италии после ее объединения и до 50-х годов XXв. В первом примере диалект проникает в текст в виде отдельных элементов, они не столько региональны, сколько характерны для разговорного литературного языка. Это связано с несовместимостью понятий языка образованного общества и народного диалекта. Во втором примере в силу исторических особенностей развития итальянского языка и литературы диалект проникает в текст как свидетель подлинного голоса персонажей, говорящих именно на диалекте, а не на *italiano comune*. Таким образом, НПП, контаминирующая в себе голос нарратора, в большинстве своем переданный общим итальянским языком, и голос персонажа, говорящего на диалекте или использующего отдельные его элементы, отражает особенности лингвистической ситуации в Италии в определенный исторический период.

Бекеева А.Р.

(Россия, Москва)

Особенности национального варианта английского языка в Новой Зеландии

Языковая ситуация, по мнению А.Д. Швейцера, может быть определена как модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения или культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых коллективов [Швейцер 1983, 32].

Новая Зеландия являет собой основную группу Южного и Северного островов на юго-западе Тихого океана. Аборигенами страны являются Маори, назвавшие страну Aotearoa (страна белых длинных облаков). Племя маори освоили острова Новой Зеландии к моменту прибытия европейских открывателей. Маори являются потомками полинезийцев The Tangata Whenua или 'People of the Land' первых поселенцев Южного и Северного островов. Среди первых европейских открывателей Новой Зеландии был голландец А.Тасман. В 1642 г. он открыл остров и назвал его Stateen Landt (позже Nieuw Zeeland с голландского языка new sea-land). Во избежание развязывания конфликта с маори, голландцы покинули остров и отправились к северной части Тихоокеанского региона.

Британский мореплаватель и капитан экспедиций Д.Кук приплыл к островам Новой Зеландии с острова Гаити на судне *Endeavour*.

В 1790 г. Новая Зеландия стала новой колонией Британской Империи. К тому времени английский язык стал основным языком юга страны. Прибытие христианских миссионеров в 1810 г. способствовало большому потоку британских переселенцев. В то время начались разногласия британцев с маори из-за языкового барьера и разных религиозных конфессий.

С официальными английскими властями племени маори столкнулись в 1840 г., когда был подписан договор Вайтанги, по которому маори становились подданными английской короны. Потеря политического господства в стране компенсировалась правом собственности на землю. Однако, подписав договор, маори утратили не только политическое господство, но и земли, поскольку последовавший в страну поток переселенцев оседал в наиболее плодородных прибрежных районах, оттесняя местное население вглубь страны. Политика колонизаторов вызвала волну кровопролитных войн (*bush fighting*), которые продолжались с переменным для англичан успехом с 1843 по 1872 гг. [Лагоденко 2003, 118].

Своему происхождению лексика новозеландского варианта английского языка в первую очередь обязана австралийскому варианту английского языка, т.к. большая часть разговорного языка, а также сельскохозяйственной и общественной терминологии были завезены из соседней колонии. Другой

источник - слова из языка маори, коренного населения Новой Зеландии.

Одно из самых употребляемых слов маорийского языка является «маори». Например, Maori car- старый, разбитый автомобиль, Maori day off- беспричинное отсутствие на работе, Maori holiday – невыход на работу на следующий день после зарплаты, Maori hen- бескрылая пастушка, Maori broom- ракитник, Maori celery- сельдерей.

Слова, выражающие и другие значения, проникают в литературный язык лишь в незначительном количестве, оседая преимущественно в разговорном языке и сленге. Маорийскими по происхождению являются слова whare- хижина, kai-еда , kit-продуктовая корзинка, wahine- женщина, goody- дворняшка, rakau-лес, tapu-табу, pakeha-белый, pa- маорийское население, hoot-деньги, mana- власть, tapu- табу. Отметим, что в маорийском языке слово utu имеет значение ‘мечь’, так же маори стали называть и денежные возмещения, которыми компенсировали различного рода обиды и убытки, нанесенные коренным жителям страны. Ассимилировавшись в английском языке в форме hoot, это слово сохранило новое значение [Беляева, Потапова 1961, 47-51].

В разговорном языке широко известны и употребительны такие слова, как: ruhi – живот, pukarua – бесполезный, karai – хороший, to be pie on smth – быть искусным в чем-либо, tena кое-приветствие типа английского hello, e hoa – эй, послушайте (чаще употребляется в форме heehaw: give us a fork, heehaw!), taihoa- подождите!, kia ora- удача, счастливый случай.

Наряду с заимствованиями, следует отметить и другой, не менее продуктивный способ пополнения словарного запаса – новые слова, образованные на базе общеанглийских слов (jet boat – ‘моторная лодка с подводным винтом’, solo mother – ‘мать, воспитывающая детей одна’, так и новозеландизмов (daggy – ‘вышедший из моды’, kaka-beak – ‘кустарник, цветы которого имеют такую же форму, что и клюв новозеландского попугая кика’, tama, huia, koha – ‘рожь’, Supernui и Zeronui – ‘земледельцы’, pavlova – ‘пирог, приготовленный в честь русской балерины Анны Павловой’). Среди этих слов можно выделить следующие группы по сферам использования: 1) флора и фауна, где представлены в основном синонимические ряды из слов маорийского и английского происхождения. По тому, какое слово стоит на первом месте, можно судить о том, какому языку отдается предпочтение при использовании данной лексической единицы. Kokako- wattle bird, kumara- sweet potato, rimu- red pine, tui- parson bird, wodhen-weak, batterfish-marari, ti-cabbage tree, tarata- lemonwood, ponga- silver fern; 2) сельское хозяйство – другая группа слов, объясняющая важность этого вида деятельности для социального и экономического развития страны. Многие сельскохозяйственные термины употребляются во всем англоговорящем мире, другие совпадают с австралийскими терминами, но существует также ряд слов, которые свойственны только НЗЕ. Например, cattle-stop – ‘загон для овец’, eye-dog – ‘собака, охраняющая овец’, high country – ‘пастбища, у подножия гор Южного острова’, meat works – ‘замораживание мяса’, sheep-

run – ‘пастбища, отведенные для овцеводства’, retirement plans – ‘земли, освобожденные от земледелия’, Castlepoint daisy – ‘исчезающие виды растений’; 3) население, быт и обычаи новозеландцев, где часть слов обозначает явления и предметы, имеющиеся и в других странах, а другая – специфична только для Новой Зеландии. Например, All Blacks – ‘национальная команда по регби’, All White – ‘национальная команда по европейскому футболу’, first fifteen – ‘первый состав колледжа по регби’, zorbing, blackwater rafting – ‘экстремальные виды спорта’, Planket baby – ‘ребенок, которого кормят строго по часам’, Silver fern – ‘член волейбольной команды Новой Зеландии’, tall poppy – ‘очень удачливый человек, вызывающий зависть у других’, buzzy bee – ‘деревянная игрушка в форме разноцветной пчелы’, down parade – ‘военный парад, который проводится на рассвете в честь Anzac Day’, Instant Kiwi – ‘название национальной лотереи’, judder bar – ‘неровности на дороге для ограничения скорости’, lemon fish – ‘мясо акулы’, play lunch – ‘завтрак, который ребенок берет с собой с собой в школу и съедает во время утренней игровой перемены’, show day – ‘скотоводческая и овцеводческая ярмарка’, working bee – ‘добровольная, неоплачиваемая работа в благотворительных целях’, roorman’s orange – ‘небольшого размера грейпфрут, используемая для приготовления джема’, weather bomb – ‘сильный шторм’.

Подводя итоги, можно сказать, что положение английского и маорийского языков в Новой Зеландии крайне противоречиво. Английский язык занял доминирующее положение в стране.

Данное положение обуславливалось социально-коммуникативной ролью, т. е масштабом использования в рамках данного языкового коллектива в качестве средства межэтнической, межгрупповой, внутriegосударственной и международной коммуникации. Степень употребления английского языка в различных сферах человеческой деятельности и фактической реализации его официального статуса, социально-демографические характеристики и количество говорящих среди его носителей, определяют национальную норму новозеландского национального варианта английского языка.

Таким образом, история развития маорийского и английского языков представляет собой, с одной стороны, сужение коммуникативной сферы языка маори, а с другой стороны, – расширение сферы функциональной системы английского языка внутри маорийской общности.

Осознание сущности специфики новозеландского национального варианта языка является средством национальной идентификации языкового коллектива Новой Зеландии.

Данный вопрос требует дальнейших специальных исследований.

Колупаева Н.В.

(Россия, Москва)

**Национально - культурное своеобразие функционирования
языковых единиц в парагвайском национальном варианте
испанского языка**

В последнее десятилетие национально-культурная специфика языка привлекает все большее внимание лингвистов, социолингвистов, специалистов в области теории речевых актов и межкультурной коммуникации и др. Это в значительной степени обусловлено практическими потребностями современного общества в расширении международных контактов, в достижении взаимопонимания между народами в диалоге культур.

На теоретическом уровне актуальность изучения национально-культурной специфики языка определяется осмыслением того, что знание языковой системы само по себе не обеспечивает успешной коммуникации, национально-культурная специфика проявляется на всех уровнях языковой системы, и ее недостаточное знание зачастую ведет к неверной интерпретации иноязычного текста (устного и письменного) и даже может стать причиной «провала» коммуникации.

Испанский язык в настоящее время является одним из самых распространенных языков мира (более 430 млн. говорящих, или около 6 % от всего населения планеты). Испанский – официальный язык Организации Объединенных Наций, Европейского Союза, Организации Американских Государств. Таким образом,

испанский язык предоставляет большие возможности для изучения языкового варьирования, национально-культурной специфики речевого поведения.

Одной из характеристик испанского языка является его обширная территориальная распространенность. В большинстве стран Латинской Америки испанский язык является официальным и общепризнанным. Что же касается ситуации в Парагвае, то она привлекает особое внимание, т. к., наряду с испанским языком, официальным статусом обладает также и индейский язык гуаранí.

Парагвайский национальный вариант испанского языка сформировался в результате многовековой трансформации пиренейского национального варианта испанского языка под влиянием различных исторических, политических, социально-экономических и культурных преобразований, которые имели место на территории, занимаемой современным Парагваем.

Что касается причин, по которой язык гуаранí до сих пор существует, некоторые ученые полагают, что, несмотря на попытки завоевателей и миссионеров привить единый испанский язык, гуаранí оставался языком, на котором продолжали общаться в семье, где этот язык являлся инструментом выражения чувств и мыслей жителей [Krivoshein de Canesse, 21].

Официальными языками Парагвая являются испанский и гуаранí, согласно статье 140 новой Конституции Парагвая, принятой в 1992 году: «El Paraguay es un país pluricultural y bilingüe. Son idiomas oficiales el castellano y el guaraní» 'Парагвай – многокультурная и билингвальная страна. Официальными

языками являются испанский и гуаранí'. Языковая норма парагвайского национального варианта испанского языка соответствует нормам пиренейского национального варианта испанского языка и используется в официальных и формальных ситуациях, таких сферах, как правительство, образование, средства массовой информации, а также при общении с незнакомыми людьми, людьми старшего возраста или с людьми, имеющими более высокий социальный статус, и, кроме того, в выступлениях перед большой аудиторией. Очень немногие жители Парагвая используют национальный вариант испанского языка в разговорно-обиходной речи [Krivoshein de Canese, 12]. Вторым официальным языком Парагвая является гуаранí. Как указывалось выше, язык гуаранí относится к южноамериканским индейским языкам, распространенным в Парагвае, Бразилии, Аргентине и Боливии. Согласно статистической переписи 1992 г., примерно половина жителей старше пяти лет являются билингвами (48,8%), 39,2% говорят только на гуаранí, в то время как 6,4% используют в повседневной жизни испанский язык (на других языках говорят 5,3% населения) [Krivoshein de Canese, 13 – 14]. Согласно более поздним данным, на языке гуаранí говорит 27%, на испанском языке говорит 8%; 60% - билингвы, 8% - другие языки. Также существует большая разобщенность между сельским и городским населением: 14,5% городского населения говорит только на гуаранí, а 70,8% - билингвы; среди сельского же населения 60,2% используют при повседневном общении язык гуаранí, и только 31,2%, наряду с гуаранí – испанский [Melia, 134]. Таким образом,

можно сделать вывод, что почти 90% населения Парагвая владеют языком гуаранí.

В высших учебных заведениях обучение ведется на двух языках: парагвайском национальном варианте испанского языка и гуаранí. Но в большей степени официальные программы по образованию разработаны на испанском «классическом» языке, который не используется в формальных ситуациях. Интересен тот факт, что ребенок дошкольного возраста, если и понимает испанский язык, то плохо, зачастую же наиболее употребительным в данном возрасте является язык гуаранí.

Следует уделить внимание такому языковому феномену, существующему на территории Парагвая, как *joragá*. Слово *joragá* в переводе с гуарани обозначает «смешение, смесь», с оттенками: «пестрый», «наполовину», «смутный, запутанный». Этот язык можно классифицировать как смешанный язык.

Помимо вышеупомянутых языков, на территории современного Парагвая насчитывается 18 диалектов, принадлежащих к различным языковым семьям.

Для более глубокого изучения процесса интерференции испанского языка и языка гуаранí в Парагвае необходимо рассмотреть особенности функционирования языковых единиц на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях.

Что касается особенностей фонетической структуры парагвайского национального варианта испанского языка, то здесь следует выделить следующие особенности:

1. Сохраняется противопоставление фонем /λ/ и /y/.

2. Буква /y/ в середине и начале слова выражена палатальным, смычно-щелевым, звонким звуком [dʒ] : уо [dʒо] ‘я’, сиуа [kudʒа] ‘чья, которая’.
3. Фонемы /j/ и /g/ перед /e/, /i/, в результате влияния гуарани, выражены фрикативным задненебным глухим звуком [h].
4. Отсутствует противопоставление фонем /s/ и /θ/ (явление seseo).
5. Также прослеживается замена [β] и [v] графемой [mb], которая единственная в языке гуарани дает губно-губной смычный звук: mbromisto – bromista ‘шутник’.
6. Довольно часто фонема [tʃ] заменяется на [j]: [muʃáʎo] – muchacho ‘парень’, [kanʎa] – cancha ‘площадка’.
7. Следующая фонетическая особенность характерна в большей степени для сельского населения: употребление [h] вместо [f]: [hunsión] – función ‘функция’, [hué] – fue ‘он ушел’, [huérte] – fuerte ‘сильный’. Эту особенность можно отнести и к древнему испанскому языку, но, учитывая отсутствие в языке гуарани фонемы [f], следует отметить, что данный феномен существует благодаря влиянию гуарани.
8. Наблюдается замена согласной [s], стоящей в начале слова, после которой следуют шумные [β], [k], [p], [t],

на [h]. Например, espinazo – [ehpináso] ‘позвоночник’, cuesta – [kuéhta] ‘склон’, castigo – [kahtígo] ‘наказание’.

9. Существуют изменения в артикуляции групп согласных, если первая – шумная. Например, замена [tl] на [kl] или [il]: atlántico – [aklántiko]/[ailántiko] ‘атлантический’, atleta – [akléta]/[ailéta] ‘атлет’; [βl] на [ul]: hablar – [aulá] ‘говорить’, pueblo – [pwéulo] ‘поселок, народ’; [ks] на [is] или [s]: exámen – [eisámen]/[esámen] ‘экзамен’, máximo – [máisimo]/[másimo] ‘максимальный’; [kt] на [it] или [ut]: doctor – [doitó]/[doutó] ‘доктор’.

10. В некоторых случаях наблюдается замена /s/ в середине слова на /h/: [nosotros] – [nohótro] ‘мы’.

В реализации грамматических единиц в парагвайском национальном варианте наблюдаются некоторые особенности.

1. Расширение семантики предлогов: Sólo mira por mí (Sólo me mira a mí) – ‘Только взгляните на меня’;
2. употребление неопределенных местоимений-существительных вместо неопределенных местоимений-прилагательных;
3. употребление артикля la с существительными, стоящими в единственном числе, а артикля lo – во множественном: Lo madres de lo niños de la escuela ‘матери детей из школы’;

4. реализация двойного отрицания *Nadie no entró allí* ‘никто не зашел туда’;
5. различие в значении предлогов и союзов;
6. упрощение системы времен испанского языка (глагольная конструкция *ir + a + infinitivo* в рассматриваемом регионе означает, в первую очередь, будущее вообще, а не близкое будущее, предписываемое данной перифразе пиренейским «стандартом»: *Te voy a llamar para tomar mate* – ‘Я тебя позову попить мате’).

В лексике парагвайского национального варианта испанского языка существуют некоторые особенности:

1. Присутствие заимствований, возникших в результате контакта с языком гуаранí, например, обозначающих реалии растительного мира: *abatí* – ‘чай мате’, *kaá* – ‘трава’;
2. наличие заимствования из других языков: *fifi* (французский) – *elegante* ‘элегантный’, *caputi* (немецкий) – *terminó* ‘закончил’;
3. наличие архаизмов: *locote* – *pimiento* – ‘перец’, *excusado* – *letrina* – ‘уборная’;
4. реализация слов, возникших путем деривации частей слова языка гуаранí и испанского языка: *carapetón* – *karape* (низкий) + *ton* (суффикс со значением увеличения);

5. употребление оборотов, состоящих из слов из гуаранí и испанского языка: *yaguá mercado* – *jaguar* (собака) – *perro sin raza definida* (дворняжка).

Известно, что язык – это выражение культуры. В Парагвае говорят на двух языках, испанском и гуаранí, которые являются выражением двух различных культур, влияющих одна на другую. Разновидности языков, появившиеся вследствие обоюдной интерференции, смешались не только на лингвистическом уровне, но и на культурном. Кроме того, углубленное изучение результата контакта языков на лингвистическом уровне возможно только при учете всех экстралингвистических факторов. Среди таких факторов, помимо исторического, при изучении языковой ситуации в Парагвае, можно выделить следующие: уровень владения тем или иным языком; уровень образования и воспитанности; социальная принадлежность; проживание в городе или сельской местности и т.д.

В результате контакта языков могут происходить следующие изменения: исчезновение менее престижного языка; смешение языков. Касательно Парагвая, наиболее престижным языком является испанский, но при этом жители гордятся знанием языка гуаранí. Поэтому лингвисты, изучающие возможность исчезновения языка гуаранí, считают, что нет оснований для беспокойства.

СЕКЦИЯ 2

Языки и культуры в эпоху глобализации

Горностаева А.А.

(Россия, Москва)

Культурная и ценностная картины мира и их отражение в языке

В современном мире в эпоху глобализации особенно остро стоит вопрос овладения не только иностранными языками, но и иностранной культурой. Действительно, без знания культурных реалий, традиций, обычаев и культурных ценностей невозможно полноценное и плодотворное межкультурное общение. Особенности и своеобразие культуры какого-либо народа составляют культурную картину мира. Это - совокупность рациональных знаний и представлений о ценностях, нормах, нравах, менталитете собственной культуры и культур других народов [Садохин, 27]. Сравнительные исследования показывают, что в разных культурах ценятся разные качества личности. Например, социологи выделили два противоположных стиля воспитания детей - японский и английский. В Японии избегают прямого порицания, предоставляют детям свободу проявлять любые эмоции, с европейской точки зрения, невероятно балуют. Только к 6-7 годам вводятся первые ограничения в поведении,

которых со временем становится все больше. Согласно же английской педагогической традиции, баловать детей - означает портить их. Английские родители весьма сдержанны в проявлении любви к своему чаду, молодые англичане рано приучаются к самостоятельности и ответственности за свои поступки. До сих пор в школах не отменены телесные наказания (хотя на практике этого почти не встречается), проявление эмоций осуждается. Что касается русских приемов воспитания, то надо отметить, что наряду с сильными родственными связями и стремлением родителей опекать детей, прослеживается много общего с английскими традициями, например, в отношении к наказанию:

Spare the rod and spoil the child. He that coddles his child provides for his enemy. Не наказанный сын - бесчестье отцу. Кулаком в спину - то и приголубье сыну. Пословица «Чем бы дитя не тешилось...» применяется в основном с иронией, осуждением попустительства родителей в отношении детей.

У каждого народа есть представление о нормальном и ненормальном поведении, о том, что можно и чего нельзя. Эти правила существенно различаются в разных культурах. Например, в японском жилище нельзя ни на что наступать, ни через что перешагивать, надо садиться там, где укажут. У арабов непристойным считается показывать подошву ноги и смотреть собеседнику в глаза, в то время как у американцев избегание зрительного контакта при личном разговоре может вызвать подозрение. Освоение культуры происходит как на бессознательном, так и на сознательном уровне. Евреи, читая

Тору, откидываются назад, имитируя позу наездника верблюда. Смысл этой манеры давно утерян, но она передается из поколения в поколение как элемент культуры. Еще один важный фактор, определяющий коммуникативное поведение людей - ситуация, которую Э.Холл определил как «коммуникативные очки» [Hall 1983]. Суть в том, что каждый индивид определяет свою культуру как эталон и мерило для оценки других культур. И, наконец, поведение людей в процессе коммуникации определяется обстановкой и обстоятельствами, количеством отведенного на общение времени и даже частью суток. Значительные культурные различия наблюдаются у разных народов в процессе приема пищи. Русские по традиции сразу ведут приглашенного гостя к столу, усиленно пытаются его накормить, что удивляет американцев, у которых принято передавать блюда по кругу, чтобы каждый гость мог положить себе нужное количество еды.

Культурные ценности - это, во-первых, совокупность выдающихся произведений интеллектуального, художественного и религиозного творчества; во-вторых, нравы, обычаи, стереотипы сознания и поведения [Садохин, 44]. Взаимодействие культурных идентичностей (принадлежность индивида к какой-либо культурной группе, формирующей целостное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом) облегчает согласование отношений в коммуникации. Например, галантность, преобладающая в течение долгого времени в отношениях мужчин и женщин, уступает место равноправию (в США не принято подавать женщинам пальто, пропускать вперед и подносить

тяжелые сумки). Похожие процессы можно наблюдать в отношениях между молодыми и пожилыми (в европейских странах и США не принято уступать место пожилым в транспорте, в то время как в России молодые люди, сидящие перед стариками, сурово порицаются). В случаях несовпадения каких-либо явлений в разных культурах возникает понятие «чужой», которое понимается, как нечто незнакомое и необычное. Можно выделить шесть типов реакции на чужую культуру и поведение ее представителей: 1) отрицание различий культур, основанное на уверенности в том, что все люди разделяют одни и те же убеждения и ценности; 2) защита собственного превосходства - представление о том, что ценности и обычаи чужой культуры представляют собой угрозу привычному порядку вещей; 3) минимизация культурных различий - признание возможности существования инокультурных ценностей и поиск общих объединяющих их черт; 4) принятие существования культурных различий, благожелательное отношение к чужой культуре, но не предполагающее активного его усвоения; 5) адаптация к чужой культуре; 6) интеграция в чужую культуру [Иконникова 1995].

Очевидна взаимосвязь культуры и языка. Язык является специфическим средством хранения и передачи информации, а также управления человеческим поведением. Было бы неверным считать, что язык непосредственно связан с культурой, так как: прямое влияние культуры на язык отражено только в словарном фонде; изменения в сфере культуры происходят быстрее, чем в языке и не параллельны языковым изменениям; и у языка, и у

культуры есть собственные законы развития [Карасик, 10-11]. Американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф утверждают, что люди видят мир по-разному, а язык сам формирует наши мысли [Уорф 1960, 174]. Чем сложнее и разнообразнее совокупность понятий для обозначения какого-либо явления, тем более оно значимо и весомо в данной культуре. Напротив, чем явление менее значимо, тем проще языковая дифференциация. Например, раньше в классическом арабском языке было более 600 слов, которые так или иначе характеризовали верблюда (окраска, форма тела, пол, возраст и т. д.) В настоящее время многие из этих слов исчезли из языка, поскольку значение верблюда для арабов в повседневной жизни сильно уменьшилось. Гипотеза Сепира - Уорфа имеет как сторонников, так и противников. Очевидно одно: язык, мышление и культура настолько тесно взаимосвязаны, что практически составляют одно целое и не могут существовать друг без друга. Именно поэтому, изучая иностранный язык, заучивать и употреблять слова следует не по их значениям в отрыве от контекста, а в устойчивых сочетаниях, присущих данному языку. Например, такие сочетания, как "brown eyes", "brown bread", "brown hair" по-русски звучат: карие глаза, черный хлеб, темные волосы. Английское "green eyes", синоним чувств зависти и ревности, переведенное дословно на русский язык, звучит нейтрально. В.И. Карасик говорит о ценностной картине мира, включающей в себя социально-обусловленные (внешние) и персонально-обусловленные (внутренние) ценности [Карасик 2002]. Различие этих ценностей у разных народов находит

отражение в языке. Приведем несколько примеров. Английское «Fate» ассоциируется с правом свободной воли, вызовом, который человек может бросить сложившимся обстоятельствам, в то время, как русское слово «судьба» означает прежде всего божественное провидение, участь, противиться которой невозможно. По словам А.Вежбицкой, судьба - одна из ключевых идей русской языковой картины мира, наравне с понятиями «душа» и «тоска» [Вежбицкая 2001]. Вот еще одно труднопереводимое слово. «Тоска» - означает томление, грусть, печаль, сожаление об утраченном, стремление к чему-либо и т.д. Совсем иные ощущения испытывает француз, страдающий от *angoisse*: прежде всего, это неприятные физические ощущения (он может потеть, дрожать или чувствовать озноб). Немецкое слово «*angst*», происходящее от того же корня (лат. *angere*), означает «страх». Любопытно, что значение глагола «*angere*» связано с идеей удушья: сжимать, сдавливать, душить, стеснять, беспокоить. Еще один концепт - «успех» - важен для людей любой культуры. Сходство мышления прослеживается прежде всего в пословицах: *There is always a room at the top; The end justifies the means; Дорогу осилит идущий; Глаза боятся, а руки делают*. Однако, в русской ментальности успех во многом зависит от везения, тогда как в английском основной акцент делается на усилиях индивида. Неудача у русских связана с обреченностью, в то время как у англичан есть понятие "good loser" - a person who behaves well and does not show their disappointment ; "bad loser" - a person who complains when they are defeated.

Налицо также очевидное различие в отношении к понятию «труд». Так исторически сложилось, что в России степень внешнего принуждения к труду была очень высока, поэтому труд ассоциируется со страданием, а работа - с рабством. Отсюда пословицы, эквивалента которым не найти в других языках: От работы кони дохнут; Работа дураков любит; Работа не волк, в лес не убежит. Как объяснить русскую пословицу: «От грязи еще никто не умер», например, немцам, называющим уборщицу putzfrau (женщина, полирующая комнату)?

Важное понятие в межкультурной коммуникации - отношение культур к контексту (информации, окружающей и сопровождающей то или иное культурное событие.) Чем больше контекстуальной информации необходимо для понимания социальной ситуации, тем выше сложность культуры. Э. Холл разграничил культуры на высококонтекстуальные (постоянное общение, тесные связи между людьми, не требуется подробной информации о происходящем, так как представители культур постоянно в курсе того, что происходит вокруг) и низкоконтекстуальные (отсутствие неформальных информационных сетей приводит к слабой информированности; здесь предпочтителен прямой и открытый стиль общения, когда вещи называют своими именами) [Hall 1983]. К первой группе принадлежат Франция, Испания, Италия, страны Ближнего Востока, Япония и Россия. Для представителей этих культур много информации передается неязыковым контекстом - иерархией, статусом, внешним видом, манерой поведения. Ко второй группе

относятся Германия, Швейцария, США, скандинавские страны. Здесь большое значение придается обсуждению деталей, составлению письменных контрактов и документов. Каждый тип культур обладает специфическими особенностями. Так, высококонтекстуальные культуры отличаются многозначительными паузами, важной ролью невербального общения, отсутствием открытого выражения недовольства при любых условиях и результатах общения. Низкоконтекстуальная культура имеет следующие признаки: прямая и выразительная манера речи, четкая и ясная оценка всех тем и вопросов, открытое выражение недовольства. Очевидна принадлежность Великобритании к странам с высококонтекстуальной культурой, что особенно проявляется в знаменитой английской вежливости, стремлении избегать категоричных высказываний. Переводчики шутят, что грубая русская фраза: «Пошел вон!» по-английски звучит: "What else can I do for you?" , и это не так далеко от истины. Интересно, что отсутствие категоричности находит свое отражение даже в запрещающих знаках и объявлениях, например: "Thank you for not smoking"; "Quiet working area" в библиотеке, вместо «Не курить», «Не сорить», и даже «Не свинячить!» (объявление в электричке). А. Вежбицкая, сравнивая выражения запрета в разных языках, указывает, что немецкое "X verboten!" , характерное для повседневной речи, можно перевести на английский как "No X-ing!" только в тех случаях, когда нарушение запрета представляет собой угрозу жизни людей. Данные культурные установки прослеживаются также в стиле работы

английских и немецких менеджеров - там, где в Германии присутствует четкая иерархия, беспрекословное повиновение и строгое ограничение времени на какой-либо вид деятельности, в Великобритании приветствуется двусмысленность, размытость границ между начальниками и подчиненными, а как средство снятия напряжения широко используется юмор и шутки. Таким образом, мы убеждаемся в том, что для успешной коммуникации необходимо глубокое и всестороннее изучение культурной и языковой картины мира. Напротив, незнание нравов, традиций, исторических и религиозных ценностей может привести к культурному шоку даже при хорошем знании иностранного языка.

Аскарова Е.

(Россия, Москва)

**Метод семиотического анализа китайских иероглифов,
способствующий более глубокому пониманию языка и
китайского менталитета**

Как известно, китайский язык входит в число самых сложных языков мира. Рассмотрим китайскую иероглифику – огромный неотъемлемый пласт языка – с точки зрения семиотики. Языковая единица.

Начнём с выявления единицы данной системы. На первый взгляд может показаться, что первичной значимой единицей является иероглиф. Однако это не так. Каждый иероглиф, в свою очередь,

состоит из графемы, или ключа, который несёт определенную смысловую нагрузку и входит в состав иероглифа. Следует отметить, что существуют простые (односложные или односоставные) иероглифы, включающие в себя лишь один элемент, т.е. одну графему, и составные иероглифы.

Семантический аспект.

Китайская иероглифика представляет собой очень интересный объект для изучения. В языке насчитывается более 50 тысяч знаков (практически же используется лишь 5-8 тысяч знаков).

За время существования китайской иероглифики (около четырех тысяч лет) в письменности сложился базовый список изобразительных знаков-первооснов, а также сформировалась основная в количественном отношении категория фоноидеографических знаков (ключ + фонетика), составляющая сейчас более 90% всех существующих китайских иероглифов.

Рис.1 *

Первоначально, как мы видим, языковые единицы представляли собой иконические знаки. Однако со временем, в особенности начиная с XX века (начало внедрения программы реформы китайской письменности с целью её упрощения), знаки стали терять свою визуальную схожесть с обозначаемым предметом, что естественным образом осложняет запоминание иероглифов, но в то же время облегчает их написание.

Таким образом, делаем вывод, что семантические отношения языковых знаков в китайском языке первоначально представляли собой достаточно простую произвольную связь между языком и отображаемыми им предметами. Однако таковая связь с течением времени была в значительной степени утрачена.

Позволяет ли это сегодня назвать *непроизвольной* связью языковых единиц с внешним миром, а сами знаки – знаками-символами?

Думаем, что стоит ограничиться следующей формулировкой: языковые знаки китайского языка на сегодняшний день находятся в стадии прогрессирующей эволюции иконических знаков. Оставшаяся схожесть многих знаков, хоть и весьма отдаленная, всё же существует и была первичной в процессе зарождения китайской письменности.

Синтагматический аспект.

Синтагматические отношения языковых знаков (графем) внутри иероглифа не обусловлены никакими жёсткими правилами. Сочетания могут быть любыми. И, разумеется, иероглифы, содержащие один и тот же элемент, но в сочетании с другими знаками, будут различаться по смыслу.

Прагматический аспект.

С другой стороны, сочетаемость графем в известной степени обусловлена менталитетом ханьцев. Отсутствие жестких правил сочетания графем не позволяет индивиду комбинировать элементы по собственному желанию, создавать новые иероглифы и включать их в употребление. Написание (и, соответственно, сочетание ключей в иероглифах) складывалось веками. Существует определенное количество иероглифов, определенный набор комбинаций, и этот набор вовсе не случайный. А по какому принципу «складывались» иероглифы, это уже определялось менталитетом народа. «Восток – дело тонкое» – в каждый

иероглиф была вложена своя философия. Каждый иероглиф выражал определенное видение данного предмета или понятия. Поэтому синтагматика в китайской иероглифике тесно граничит с прагматикой. Изначально само по себе создание иероглифа являлось отображением отношения человека к предмету, и сегодня, глядя на составные части иероглифа, можно сказать, какой смысл вкладывался в данное понятие. Таким образом, прагматические отношения в китайской иероглифике заключаются в использовании человеком языковых знаков в качестве инструментов для определения какого-либо понятия как целого семантического комплекса, наполняя это понятие не только определенным смыслом, но и подразумевая общую ситуацию, характерную для данного понятия. Сочетание графем в иероглифе – это совокупность понятий, передающих целую картину какого-либо явления в реальности. Выбор ключей был обусловлен философским или практическим пониманием данного понятия.

Получается, что знаки – не только способ обозначить предмет, но также выразить свое отношение к нему; привычную ситуацию, в которой существует данный предмет; обозначить сопутствующие явления, действия или признаки, характерные для него.

Анализируя китайские иероглифы, изучающие данный язык получают возможность увидеть его смысловые корни, произрастающие из глубины веков, проследить видоизменения письменности, произошедшие в связи с ходом человеческой истории и отображающие реалии, соответствующие тому или

иному промежутку времени. Тем самым сокращается дистанция между менталитетами: за счёт более глубокого осознания философии языка и её носителей, проникновения в культуру языка благодаря скрупулезному научному анализу языковых единиц. Всё это, безусловно, способствует укреплению межкультурных связей.

Естехина К.В.

(Россия, Москва)

Миф, архетип и глобализация

Глобализация — это процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Процессы глобализации общественных отношений все более «выходят за рамки национального самосознания: такие атрибуты нации, как общность территории, языка, экономики и культуры, обуславливающие национальное самосознание, интенсивно размываются» [Черниенко, 68 – 71]. Таким образом, очевидным становится то, что глобализация есть приведение социума к единому наднациональному стандарту. Приведение миру к единому стандарту возможно с помощью единого языка. Именно язык формирует способ, модус, модель мышления (а, следовательно, и поведения) у каждого из своих носителей. Это значит то, что язык приводит всех своих носителей (всех, пребывающих в нем) к единому стандарту мышления и поведения.

Носители одного и того же языка мыслят стандартными схемами. Разные языки задают разные способы мировосприятия, различные модусы мировоззрения и, следовательно, различные картины мира [Мюллер, Уорф, Сепир, 159] , формируют различные формы, типы и структуры мышления. Но, одновременно с этим, в сознании разных народов, носителей разной культуры, разного языка, есть общие понятия, первичные схемы образов, которые швейцарский психоаналитик и исследователь мифов К.Г. Юнг назвал архетипами. Архетипы – это схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность. Воспроизводимые бессознательно и априорно формирующие активность воображения, архетипы выявляются в мифах и верованиях, в произведениях литературы и искусства. Тожественные по своему характеру архетипические образы и мотивы (напр., повсеместно распространённый миф о потопе) обнаруживаются в несоприкасающихся друг с другом мифологиях и сферах искусства, что исключает объяснение их возникновения заимствованием. Но и сама мифология становится кладезем образов для последующих эпох, т.к. содержит «свернутые» образы-символы, чтобы потом они могли быть развернуты в новом жизненном ракурсе. Среди мифологических сюжетов наиболее продуктивными оказались сюжеты и образы библейской и древнегреческой мифологий, которые отличаются гармоничной завершенностью и пластичностью, прозрачным и глубоким смыслом. Сквозь столетия прошли и воплотились в бесчисленных литературных, живописных, скульптурных памятниках и музыкальных сочинениях фигуры греческих мифов,

такие как Геракл и Орфей, Пигмалион, Дедал и Икар, Антей и Тантал. Обращение к таким образам очень важно для реализации замысла писателя, композитора, деятеля искусства, т.к. через подобные образы-символы расширяется круг чтения произведения, автор получает больше возможностей выразить идею. К.Г. Юнг писал: «Тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов..., он подымает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечного; притом и свою личную судьбу он возвышает до всечеловеческой судьбы...» [Аверинцев, 49].

Мифологемы восстанавливают забытые факты человеческой культуры и целые этапы развития цивилизации. Но, как пишет Бердяев, «религиозная правда всех преданий и мифов заключается вовсе не в том, что они дают какие бы то ни было естественнонаучные или исторические познания, которые могут конкурировать с современной историей, геологией, биологией и т.д., а в том, что они символически раскрывают какие-то глубочайшие процессы, совершающиеся за гранями, отделяющие время нашего эона от другой вечной действительности» [Бердяев, Мысль, 990, гл.3]. Они выводят нас к истории собственной души, к личной судьбе так же, как к эволюции человечества — по научной аксиоме «филогенез есть краткое повторение онтогенеза» (личное развитие повторяет этапы общественного).

Концепция **архетипа** ориентирует исследование мифов на отыскание в этническом и типологическом многообразии мифологических сюжетов и мотивов инвариантного

архетипического ядра, метафорически выраженного этими сюжетами и мотивами (мифологемами), но никогда не могущего быть исчерпанным ни поэтическим описанием, ни научным объяснением. В качестве примера приведем древнегреческий миф об Орфее и Эвридике, который складывается в греческой архаике в период становления полисной системы греческой цивилизации, период складывания орфических культов (VI в до н. э.). В произведениях таких авторов, как Софокл, Еврипид, Аристофан, Апполлоний Родосский, Вергилий, можно обнаружить единство орфической философии и мотивов мифа об Орфее. Начиная с римской литературы I в. до н.э. миф об Орфее как вариант мифа о культурном герое начинает проявлять свой нарративный характер: герой мифа оказывается, если не центральным, то, во всяком случае, полноправным персонажем (протагонистом) драматических и поэтических произведений. А сам миф становится объектом художественной интерпретации, выявляя не только характерные черты литературного развития той или иной историко-литературной эпохи, но и определяя степень «посвященности» поэта, художника, который обращался к этому мифу. Орфей – это образ-символ, который дает искусству тему любви, тему поэта и поэзии, тему природы. Само имя главного героя Орфей (произведения «Сказание об Орфее» А. Полициано, «Орфей» Монтеверди и «Орфей и Эвридика» Глюка, «Кровь поэта» и «Завещание Орфея, или Не спрашивайте меня почему» Ж. Кокто, «Эвридика» Ж. Ануй, драма «Орфей спускается в ад» Т. Уильямса, в русской литературе - «Смерть Орфея» Карамзин Н.М.,

произведения поэтов серебряного века) уже несёт соответствующее значение: трагическая любовь, обреченность, тяжелая участь поэта в мире.

XX век отмечен возрождением общекультурного интереса к мифу. Уже в культуре конца XIX века возникают, особенно под влиянием Р.Вагнера и Ф.Ницше, «неомифологические» устремления. Весьма разнообразные по своим проявлениям, социальной и философской природе, они во многом сохраняют значение и для всей культуры XX в. Общим свойством многих явлений «неомифологического» искусства является стремление к художественному синтезу разнообразных и разнонаправленных традиций, что еще раз подтверждает, что процессы глобализации постепенно отчетливо проявляются не только в политической жизни (Вторая мировая война, создание ООН, Европейского союза и т.д.), но и в искусстве – в стремлении к синтезу искусств разного вида, в синтезе традиций. Уже Вагнер сочетал в структуре своих новаторских опер мифологические, лирические, драматургические и музыкальные принципы построения целостного текста. При этом естественным оказывалось взаимовлияние мифа и различных искусств, например, отождествление повторяемости обряда с повторами в поэзии и создание на их скрещении лейтмотивной техники в музыке (опера Вагнера), а затем - в романе, драме и т. д. Возникали «синкретические» жанры: «роман-миф» XX века, «Симфонии» А. Белого на мифологические или подражающие мифу сюжеты, где используются принципы симфонической композиции, и т.д. (более позднее утверждение К. Леви-Строса о

музыкально-симфонической природе мифа). Наконец, все эти устремления к «синтезу искусств» своеобразно воплотились в начале XX в. в кинематографе.

Ж. Кокто обращается к мифологеме Орфея в пьесе «Орфей», фильмах «Кровь поэта» и «Завещание Орфея, или Не спрашивайте меня почему». В творчестве Ж. Кокто происходит разрушение традиции в интерпретации мифа об Орфее. Благодаря ироничности и пародированию происходит своеобразная перестановка акцентов в семантике мифологического сюжета. Орфей Кокто ошибается, путается, находит себе ложных кумиров. И только столкновение со смертью (мотив утраты Эвридики и прохождение через подземное царство) возвращает его к истинным ценностям, к тому, что Ж. Кокто называет «ирреальным реализмом».

К началу 40-50-х гг. в использовании мифа об Орфее происходят существенные изменения. Драматурги обращаются лишь к отдельным мотивам мифа, акцентируя внимание на проблеме общественно значимой, на проблеме, актуальной для эпохи. И в пьесе Ж. Ануй «Эвридика» (1941), и в драме Т. Уильямса «Орфей спускается в ад» (1957) главной является тема любви. И Ж. Ануй, и Т. Уильямс удивительно точно передают, каждый на свой лад, трагедию любви, ее неосуществимость, горечь одиночества человека в мире. Обращаясь к мотиву любви Орфея и Эвридики, драматурги разрабатывают этот мифологический мотив в соответствии с собственной концепцией любви. И если Ж. Ануй рассматривает любовь сквозь призму

экзистенциализма, то Т. Уильямс, исследуя взаимоотношения мужчины и женщины, обращается к психоанализу.

Создаются многочисленные стилизации и вариации на темы, задаваемые мифом, обрядом или архаическим искусством (творчество Д. Г. Россетти, Э. Берн-Джонса и других художников-прерафаэлитов, такие драмы русских символистов, как «Прометей» Вяч. Иванова, «Фамира-Кифарэд» И. Анненского, «Протесилай умерший» В. Я. Брюсова и т. д.).

В современных драматических переложениях миф об Орфее был частично демифологизирован, сюжет – деконструирован и переконструирован, а персонажи – переосмыслены, лишены героико-легендарного ореола и доведены до уровня современного человека. Тем не менее, использование мифа дает много новых возможностей автору и читателю: это и отсылка к оригиналу, и переосмысление мифа с позиций современности, и новая интерпретация мифа, его переложение на современные события, расширение круга интерпретаций, использование техники «малых зеркал» и т.д. Миф выступает как символ-образ, который разворачивается на наших глазах, обретая новые значения и смыслы. Немотивированные мифом «оглядки» Орфея провоцируют один из самых интересных философско-психологических вопросов. Именно в силу отсутствия объяснения в сюжете, писатели получают свободу в поисках ответа на вопрос о том, почему же Орфей, оглянувшись, теряет Эвридику. Миф дает унифицированные представления, типичные понятия, которые в

искусстве получают интерпретацию согласно времени и задачам автора.

Таким образом, глобализация происходит не только с помощью процессов экономических и политических, но через язык, через искусство, а значит через обращение разных культур к одним архетипам, через визуализацию одних и тех же образов, сюжетов. Произведения искусства становятся понятны самым разным культурам. Только эти процессы не ведут к унификации произведений искусства, т.к. круг смыслов, интерпретаций бесконечен.

Ковалевская Е.В.

(Россия, Москва)

Интернет – СМИ как фактор языковой глобализации

Глобализация – это понятие, без которого нельзя обойтись, описывая состояние современного общества. Но, несмотря на то, что сам термин широко распространен, единого определения не существует, и до сих пор ведутся споры, что же следует включать в это понятие. Чаще всего оно связывается в первую очередь с мировыми экономическими процессами, затем политическими и демографическими, и только в последнюю очередь рассматривается его влияние на культуру, а тем более на язык. Впрочем, в последнее время Глобализация все чаще понимается как процесс, затрагивающий все сферы жизни общества без исключения.

М.Я. Блох формулирует следующее определение: «Глобализация есть фактическое включение всех народов земли в формирование бурно расширяющегося общечеловеческого слоя материальных и духовных ценностей, обусловленное интенсивно развивающейся технической и информационной революцией» [Блох, 12].

М.Я. Блох отмечает также, что «глобализация без единого языкового посредника невозможна» [Блох, 11]. Другими словами, если рассматривать это явление именно с лингвистической точки зрения, то оно связано с экспансией английского языка – как в виде очевидно многочисленных лексических заимствований, так и в более широком лингвокультурном плане, напрямую связанным с тем, что часто называют «американизацией культуры».

Многими учеными неоднократно отмечено, что основным фактором глобализации являются информационные технологии. Например, Межуев В.М. отмечает, что «глобализация, как известно, является, прежде всего, следствием прорыва в мир информационных технологий и систем, по своей природе являющихся глобальными» [Межуев 2009]. Под информационными технологиями же, в свою очередь, понимаются компьютерные технологии, в том числе Интернет.

Обмен всевозможной информацией между представителями разных народов и культур, носителями различных языков, в том объеме, в котором он имеет место сейчас, был бы не возможен без существования всемирной компьютерной сети. При этом следует отметить, что имеется в виду Интернет в

целом: сюда включаются как частные интернет-страницы, блоги, чаты, форумы, конференции и т.д., так и Интернет – СМИ (интернет-сайты, выполняющие функцию средств массовой информации в Интернете).

По подсчетам аналитиков IDC (International Data Corporation), проведенным в 2008 г., около 1,4 миллиарда людей посещают Интернет регулярно, что составляет около четверти земного населения. Что же касается собственно Интернет-СМИ, то по результатам различных опросов, они приобретают все большую и большую популярность. Так, например, согласно результатам опроса, проведенного американской организацией The Pew Research Center for the People & the Press, в 2008 году Интернет в США стал более важным источником информации, чем ежедневные газеты. Около 40 % опрошенных сообщили, что для ознакомления с новостями используют интернет-источники, такие, как электронные версии обычных газет или специализированные новостные сайты. А газеты читают лишь 35 процентов опрошенных [The New Research Center 2008].

Практически все печатные издания – как крупные и даже международные, так и более мелкие региональные, имеют свои постоянно обновляемые страницы в Интернете. Помимо этого, существует множество авторитетных новостных, информационно-развлекательных и т.д. сайтов, как универсальных (охватывающих широчайший круг тем), так и более узких тематически (экономические, научные, художественные, музыкальные и т.д.), не имеющих за собой печатного издания.

Можно выделить 4 основных вида СМИ, представленных в Интернете:

- Интернет-версии печатных изданий (газет, журналов и т.д.) – например, *Newsweek* (www.newsweek.com), *Независимая газета* (www.ng.ru) и т.д.
- Интернет-версии телеканалов (или радиостанций) - *BBC News* (news.bbc.co.uk), *НТВ* (www.ntv.ru), *Эхо Москвы* (echo.msk.ru) и т.д.
- Сайты информационных агентств - *Associated Press* (www.ap.org), *Интерфакс* (www.interfax.ru) и т.д.
- Интернет-издания, не имеющие печатного или эфирного аналога - *msnbc.com*, *lenta.ru* и т.д.

Следует отметить, что большая часть информации на сайтах Интернет-СМИ (включая сайты телекомпаний) представлена в виде текстового материала и во многом построена по образцу печатной прессы.

Необходимо отметить, что большинство крупных изданий существуют на нескольких языках и выпускаются в разных странах мира (напр. *Newsweek* – на 8 языках, *GEO* – на 15 языках, *Cosmopolitan* – на 34 языках). Каждый языковой вариант издания также представлен собственным сайтом в Интернете. Большое число изданий, имеющих свою страницу в Интернете, предоставляют информацию, по крайней мере, на двух языках – на языке страны издания и на английском языке. Последнее, впрочем,

характерно уже не только для Интернет-СМИ, но и для других интернет-проектов.

Таким образом, Интернет-СМИ, существующие на двух и более (в том числе английском) языках можно рассматривать как глобальные. Они формируют глобальное информационно – новостное, а также культурное пространство.

Естественно, что если речь не идет только об обмене информацией в пределах сети пользователей Интернета – носителей одного языка (например, в пределах т.н. «рунета»), то можно без преувеличения сказать, что общим, глобальным языком интернета является английский язык. И это не только следствие того, что большая часть компьютерной и интернет-терминологии англоязычного происхождения, как это принято считать, но прежде всего следствие того, что английский язык в глобальной сети – это универсальное средство обмена и получения информации на любую тему любым человеком из любой точки земного шара, вне зависимости от того, какой язык является родным для коммуникатора, а какой – для реципиента.

Исходя из вышесказанного, становится ясно, что такое широкое распространение английского языка среди пользователей сети Интернет не может не отражаться на их языковой картине мира, а значит и культуре в целом.

Многими исследователями отмечено, что англоязычная (прежде всего американская и британская) пресса и СМИ в целом влияли и продолжают влиять на СМИ других стран – их цитируют, а то и принимают за образец и копируют. Это одинаково

справедливо как для России, так и, например, для Франции. Французским правительством даже предпринимаются определенные шаги для того, чтобы ограничить это влияние, так как существует явная негативная сторона этого явления.

Эта негативная сторона – прежде всего, немотивированно большое число англицизмов, проникающих в язык, в том числе калек и слов, заменяющих уже существующие слова, а не называющих понятия, ранее не обозначенные каким-либо словом. В частности, в последнее время в российских изданиях нередко можно встретить такие слова как «ньюсмейкер» (newsmaker) вместо слова «источник», «мейк-ап» (make up) вместо слова «макияж», хоррор (horror) вместо «фильма ужасов». Или – неправильный, дословный перевод слов, как в пресловутой рекламе про «деликатную» стирку.

Таким образом, широкое влияние англоязычной прессы имеет свою отрицательную сторону, но как говорили еще древние римляне: «Злоупотребление не отменяет употребления», и это всего лишь одна из многих сторон глобального процесса, стремительно убабляющегося с начала 90-х гг. и продолжающегося по сей день.

С распространением Интернета, а в, частности, Интернет СМИ, как уже говорилось, влияние англоязычной прессы сильно возросло, так как она, освещающая любые вопросы и темы, стала значительно более доступной. Этот процесс можно рассматривать как один из основных факторов культурной и, прежде всего языковой глобализации. К этому явлению можно по-разному

относиться (существуют, например, ярые его противники), однако это естественный процесс в современном обществе и одна из причин и в то же время последствий глобализации, а также актуальное и перспективное направление исследований в лингвистике.

СЕКЦИЯ 3

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Козырева М.М.

(Россия, Москва)

К проблеме вариативности английского языка

Английский язык - национальный язык Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Австралии, Новой Зеландии и большей части населения Канады. На сегодняшний день народ, населяющий эти страны, имеет свой вариант произношения и написания, который считается их национальным вариантом языка. Почти любой язык имеет различные, официально закрепленные варианты, поэтому существование американского, австралийского и канадского английского ни у кого не вызывает удивления. Однако не следует путать языковой вариант с диалектом (разновидность языка, употребляемая более или менее ограниченной группой людей,

связанных территориальной, профессиональной или социальной общностью). Довольно сложно провести границу между понятиями «языковой вариант» и «диалектная речь».

Языковая вариативность, вызванная контактом английского языка со множеством языков мира, заслуживает пристального внимания ученых, главным образом, потому, что социальный эффект этого явления весьма важен. В США, например, английский язык, используемый иммигрантами в обществе, маркирован значительным воздействием их родного языка. Акцент в английской речи иммигрантов имеет сильный отрицательный социально-коммуникативный резонанс. Повышенные требования к владению нормативной английской речью при приеме на работу породили создание множества институтов в США, занятых исправлением нежелательного акцента в речи людей, выходцев из других стран, вынужденных овладевать "официальным английским" (Official English) для обеспечения успешной карьеры в американском обществе. Многие зарубежные ученые заняты изучением "синдрома иноязычного акцента" в связи с потребностью разработки современных технологий по уменьшению степени "чужого качества" в речи. Иноязычный акцент представляет собой одно из распространенных явлений языковой вариативности, наблюдаемых в речи некоренного населения многих стран.

Языковая вариативность рассматривается лингвистами как объективное имманентное свойство языковой системы, затрагивающее все выделяемые в языке подсистемы и единицы в

плане формы и содержания, в синхронии и диахронии, а также внутрисистемные отношения и отношения "язык - внешний мир". Однако понятие вариативности не является собственно лингвистическим. Оно применимо при рассмотрении структуры и функционирования различных сфер действительности

Непременной основой вариативности является некоторый инвариант, сохраняющий тождество самому себе в серии видоизменений объекта (предмета, явления или отношения) и объединяющий эту серию в тождество более высокого ранга. Явления языковых изменений пронизывают всю систему языка и ее реализацию в речи. В любом языке постоянно происходят видоизменения частных при сохранении главного (общего, инвариантного). Согласно теории "языкового дрейфа", предложенной Сепиром, язык движется во времени и пространстве по своему собственному течению; индивидуальные вариации речи движутся в определенном направлении, предопределяемом "дрейфом" языка: "У языкового дрейфа есть свое направление ...в нем закрепляются только те индивидуальные вариации, которые движутся в определенном направлении, подобно тому, как только некоторые движения волн в бухте соответствуют приливу и отливу. Дрейф языка осуществляется через неконтролируемый говорящими отбор тех индивидуальных отклонений, которые соответствуют какому-то предопределенному направлению".

Основные понятия теории вариативности отражены в терминах "вариативность", "вариантность", "варьирование", "вариант", "инвариант", "константность", "норма". Первые два

термина обычно употребляют синонимично. Выделяют их широкое и узкое толкование. Вариативность в широком смысле обозначает всякую изменчивость, модификацию. При таком понимании нет необходимости в противопоставлении варианта инварианту. В узком смысле вариативность определяется как "характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии". Здесь рассматривается дихотомия "вариант-инвариант", где инвариант выступает в качестве абстракции, носителя признаков класса, отвлечения от конкретно реализуемого набора вариантов.

Д.А.Шахбагова употребляет термины «вариативность» и «вариантность» дифференцированно. При этом рассматриваются два вида варьирования: варьирование языковой системы и варьирование единиц языка - зафиксированные в выделении двух пар противопоставлений: "вариативность-целостность", "вариантность-константность". Подобный подход обеспечивает концентрацию внимания исследователя на неизменных свойствах языка, на его тождестве самому себе во времени и пространстве.

Возможно также рассматривать вариативность, в отличие от вариантности, как динамику, процесс развития и изменения языка, а вариантность - как результат вариативности (динамических изменений в языке), находящий отражение в самой системе языка и проявляющийся в наличии определенных вариантов данного языка. Вариативность всегда указывает на наличие способности к видоизменению, в речи это наиболее ярко проявляется в языковой экспрессии. Вариантность уже

зафиксирована в языке, вариативность же обладает потенциальной движущей силой, которая постоянно живет и вызывает те или иные языковые изменения.

Современные языки являются результатом целого ряда внутриязыковых и внеязыковых изменений. Во многих отечественных и зарубежных работах лингвистов по истории языка говорится о вариативности и динамизме языковых изменений. Динамическая сущность языка проявляется в определенных законах фонетической, лексической и грамматической вариативности в каждом конкретном языке. Реальные механизмы языковых изменений определяются как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Все живые языки постоянно находятся в процессе изменения. Вариативность свойственна единицам различных уровней: лексического, морфологического, фонологического и т.д.

Среди факторов лингвистической вариативности чаще всего называют следующие: 1) социолингвистическая вариативность (влияние социальных изменений и социальной мобильности на развитие языка, включая уровень социальных отношений и уровень официальности и т. д.); 2) текстуальная вариативность (взаимодействие жанра и темы текста, его лингвистической экспрессии, включающей ситуацию дискурса и способ передачи информации); 3) региональная вариативность (различия и сходства региональных разновидностей языка, включая явления языкового контакта); 4) индивидуальная вариативность.

Так, «американский английский» (англ. American English) — самый распространённый языковой вариант английского языка, принятый национальный стандарт этого языка на территории США.

Английский язык в США, равно как и в других регионах своего распространения, был привнесён в Северную Америку британскими (преимущественно, английскими) колонистами. После этого, под влиянием разнообразных внешних и внутренних факторов, в нём развился целый ряд своеобразных черт на всех языковых уровнях. В самих США «американский английский» является родным для 80 % населения страны и имеет стандартный, закреплённый в образовательной системе и СМИ ряд свойств в области орфографии, грамматики, лексики. Тем не менее, он, равно как и английский вообще, не закреплён в федеральной конституции как официальный язык США, хотя фактически им является. В последнее время, с ростом испаноязычного населения, усилилось движение за придание ему государственного статуса, что уже достигнуто на уровне многих штатов.

Поскольку около 70 % носителей английского языка проживают на территории США, именно этот языковой вариант постепенно становится доминирующим при изучении английского как иностранного языка, хотя ранее учебные пособия и культура речи в основном опирались на британский вариант (так. наз. усвоенное произношение). С 50-х — 60-х гг. XX века отмечается усиленное проникновение американизмов в английскую речь

британцев, австралийцев, новозеландцев, канадцев и ирландцев, а с 70-х гг., и особенно с 90-х — в речь иноязычных народов. Особенно интенсивно американизмы проникают в лексический состав языков с относительно небольшим количеством носителей, которые также используют латинский алфавит (французский, итальянский, польский и др.), а также в другие германские языки (нидерландский, немецкий, шведский, датский и др). Менее подвержены этому процессу испанский язык (где предпочтение по традиции отдаётся неолатинизмам), а также языки с нелатинским алфавитом (русский) и китайский язык (где распространено словосложение исконных элементов).

Гуманитарная интеллигенция, представляющая целый ряд стран, в последнее время выражает обеспокоенность бесконтрольным наплывом немотивированных американизмов при наличии равноценных эквивалентов в этих языках. В ряде языков для контроля над притоком американизмов используются пуризм и калькирование (ср. «courriel» для замены «e-mail» во фр. яз.).

Таким образом, в работе речь идёт о вариативности английского языка в аспекте межкультурной коммуникации и частично освещается проблема проникновения американского варианта английского языка в речь англоязычного населения разных стран.

Ленько Г.Н.

(Россия, Москва)

К вопросу об истории и функционировании Международной организации франкофонии

Международная организация франкофонии является первым в мире объединением государств на лингвистической основе, на основе общего французского языка.

Точное количество франкофонов довольно трудно определить из-за сложности установления четких границ между теми, кто постоянно говорит по-французски, кто использует его как второй язык, язык культуры или просто изучает его. В своем докладе "Франкофония в мире 2002-2003" Высший совет Франкофонии (ВСФ) дает определения понятиям "франкофон" (человек, способный свободно вести повседневное общение на французском языке) и "частичный франкофон" (человек, обладающий ограниченными знаниями французского языка, позволяющими ему говорить на французском в отдельных ситуациях), и оценивает их количество в мире - 175 млн.

Главным критерием для вступления в организацию считают не степень владения французским языком населением того или иного государства, а скорее культурные связи с Францией, сложившиеся на протяжении многих десятилетий и даже веков. Девизом организации служит французское изречение

«Равенство, дополнение, солидарность» (фр. «égalité, complémentarité, solidarité»).

Само слово "франкофония" было впервые употреблено в 1880 г. французским географом и исследователем Онезимом Реклю в работе «Франция, Алжир и колонии». В своих исследованиях Франции и Северной Африки он предпринял попытку классифицировать жителей планеты в зависимости от языка, на котором они говорили. О.Реклю описал и попытался подсчитать франкофонное население, что и привело его к созданию термина "франкофония", обозначающего совокупность населения, говорящего на французском языке.

Термин «франкофония» ушел из употребления вместе со смертью О.Реклю и появился вновь только в ноябре 1962 г. в специальном тематическом номере журнала "Эспри", озаглавленном "Французский язык в мире", на страницах которого публиковались известные писатели, журналисты и политические деятели различных национальностей, к мнению которых прислушивались в обществе (Л.С.Сенгор, Ж.-М.Леже, К.Бурникель, П.А.Симон, Н.Сианук, Ж.Пелерин). В этом номере были также опубликованы статьи о франкофонии камбоджийца Н.Сианука и квебекца Ж.-М.Леже, но особенное звучание этому термину придал президент Сенегала Леопольд Седар Сенгор в своей статье «Французский язык, язык культуры», которая является гимном французскому языку. Будучи специалистом по грамматике французского языка и посвятив много своих работ

французскому языку, он первый заговорил о создании организации франкоязычных стран и обосновал понятие "франкофония".

На начальном этапе в сотрудничестве франкофонных стран преобладал культурный фактор. Так, в 1960 г. была создана Конференция министров национального образования франкофонных государств (CONFEMEN), первый из официальных институтов Франкофонии. Он является «форумом по информации, разработке решений и сотрудничеству» и сейчас функционирует в тесной взаимосвязи с Международной организацией франкофонии. В 1961 г. была создана Ассоциация университетов, использующих полностью или частично французский язык (AUPELF), сейчас имеющая статус Агентства университетов Франкофонии. В 1967 г. начала функционировать Международная ассоциация депутатов французского языка (AIPLF), сейчас являющаяся Парламентской ассамблеей Франкофонии (APF). На протяжении дальнейшей истории Франкофонии создавались и другие культурные организации. Например, с 1984 г. функционирует TV5, спутниковый канал, работающий 24 часа в сутки и имеющий мировое вещание; сегодня имеет статус оператора Франкофонии.

Политизация МОФ в большой степени выражается в ее активном участии (попытках участия) в важнейших делах мировой политики. Особенно знаменательны в этом отношении Саммиты в Бейруте (2002 г.) и Уагадугу (2004 г.). Причины политической активизации МОФ со времени Бейрутского Саммита являются как объективными, так и субъективными. Очевидно, что к первым

относятся теракты 11 сентября 2001 г. в США, резкое возрастание террористической угрозы. Ко вторым можно отнести общий курс МОФ на усиление влияния в мире, наиболее явно обнаружившийся еще с Саммита в Ханое (1997 г.). В столице Ливана была принята Бейрутская декларация, затронувшая важнейшие вопросы мировой политики. В декларации важнейший принцип МОФ — диалог культур — провозглашается в качестве главного фактора установления мира и борьбы с терроризмом и превращается, таким образом, в реальный политический инструмент.

МОФ - это не только явление истории, она нацелена в будущее и сильна своей культурной составляющей. Ее основные лозунги - сохранение национального достояния народов, развитие культурного и лингвистического разнообразия, диалог культур, противостояние униформизации, более гуманная глобализация - обладают общечеловеческим звучанием и весьма актуальны в наше время.

Минасян А. А.

(Россия, Москва)

К вопросу о языковой вариативности

Одним из важнейших вопросов социолингвистики является вопрос о языковой ситуации и обществе, поскольку язык является

непосредственным отражением социальных изменений в обществе. Так, говоря о вариативности языка, помимо существования литературного (стандарта национального, общенародного) языка, социолингвисты часто обращаются к вопросу статуса диалектов (говоров, региональных диалектов) и национальных вариантов языка. Формирование литературных языков происходит на основе одного или нескольких доминирующих на той или иной территории диалектов, что может занимать десятки лет и столетий: английский язык сформировался в средние века из лондонского диалекта, языка образованного слоя населения, языка, который сочетал в себе черты южных и восточно-центральных диалектов. Современный немецкий язык возник в результате признания одного из верхнесаксонских диалектов официальным языком общения между немецкоязычными землями. Основопологающим признаком литературного языка является наличие обработанной общепринятой нормы, так же как и любого национального варианта, в то время как диалекты на протяжении долгого времени противопоставлялись литературному языку, считались «отклонениями» от литературной нормы языка.

М.А. Бородина определяет диалект как одну из ступеней языковой общности: «диалект - переходная зона - литературный язык». До возникновения письменности существовали в основном лишь диалекты, которые возникают при наличии географических или социальных барьеров в системе общения: чем выше барьер, тем резче проявляются диалектные различия, таким образом,

«границы современных диалектов могут отражать существовавшие в прошлом границы между разными территориальными объединениями» [Михеева 2009, 29-31]. К примеру, северные диалекты Великобритании включают в себя диалектные формы, распространенные в Шотландии, уэссекский (или Западно-Саксонский) диалект нашел свое отражение в юго-западном, или южном диалекте, юго-восточный диалект отражает «язык» графства Кент, и, наконец, на территории бывшего Мерсиа нашли свое начало два диалекта – Северный и Западный Вестмидлендский диалекты.

Проблема дифференциации диалекта принимает новые решения в работах Л. Э. Калнынь, А.И. Домашнева, которые определяют «диалект» как «разновидность языка». Основными принципами дифференциации диалектов от общенародного языка являются территориальный и социально-этнический критерии, иными словами, при определении понятия «диалект» необходимо учитывать «территориальную ограниченность» и «специфику коллектива говорящих». Так, согласно данным критериям, диалекты подразделяются на территориальные и социальные диалекты.

В случае территориальной дифференциации «диалекты ограничиваются областями, очерченными тем или иным пучком изоглосс», т.е. в большинстве случаев речь идет о территориальной изолированности, физико-географических условиях, социально-культурных изменениях в данной области, а также влиянии других иноязычных субстратов. Так, к примеру, из-

за территориального разобщения, которое часто возникало под влиянием иноязычных народов, отдельные группы мордвы на долгое время лишались возможности общаться друг с другом. В результате, несмотря на общность происхождения, приблизительно 90% слов, фонетический облик многих лексических единиц, восходящих к одному и тому же этимологическому источнику, за это время успел значительно измениться». Однако не стоит также забывать и о культурной, духовной и исторической специфике того или иного территориального деления. Р. И. Аванесов отмечал, что «этническое и национальное самосознание, историко-культурная ориентация, для которых наряду с другими признаками имеет значение и признак общности или различий в языке, обслуживание данной территории единым литературным языком или разными литературными языками - вот что в целом определяет выделение родственных языков и внутри них - больших территориально-языковых массивов (диалектов).

Н.М. Фирсова в своей классификации форм существования испанского языка дифференцирует понятия «диалект» и «территориальный диалект», отличительным признаком которых является распространение «диалекта» внутри государства, и использование «территориального диалекта» за пределами страны.

Интересными являются наблюдения М.А. Бородиной и Б.А. Серебренникова о снижении роли диалектов в настоящее время, их «исчезновении», или «трансформации былых диалектов в местную региональную речь» [Бородина, 29-38]. М. А. Бородина

в своей статье «Диалекты или региональные языки?» определяет понятия «диалект», «региональный язык», «региолект», основываясь на процессе трансформации диалектов и образовании региональных языков, что, на наш взгляд, является неправомерным и нелогичным выводом, так как, несмотря на свою «консервативность», диалекты, так же как и языки и региолекты подвержены постоянным метаморфозам в зависимости от политико-экономической значимости региона. Региолекты, или региональные говоры, рассматриваются автором данной статьи как противопоставления литературному языку. Иными словами, региолект начинает занимать место диалекта, который некогда также считался «неправильной», «вульгарной» речью. Б.А. Серебренников полагает, что вследствие появления национальных языков, а также «в процессе становления нации территориальные диалекты превращаются в диалекты территориально-социальные».

Мы придерживаемся деления диалектов на территориальные и социальные. Под понятием «территориальный диалект» традиционно понимаются говоры, используемые на разных территориально-изолированных или частично-изолированных областях, каждая из которых несет отпечаток местных социально-экономических, политических, культурно-исторических событий.

Следует отметить, что термин «социальные диалекты» очень глубок в своем значении, поскольку это некий субвариант речи, который искусственно образован благодаря действию определенных общественно-политических, экономических,

религиозных и этно-культурологических групп индивидов определенного возраста и уровня образования.

Сибатров В.Е.

(Россия, Москва)

Лексические характеристики испанских рекламных текстов

Слово - основной строительный материал аудиоспота. С его помощью описывается товар или услуга. Другая функция слова в радиорекламе - привлечь внимание, создавать и поддерживать интерес, стимулируя желательный отклик. Теплоты человеческого голоса часто вполне достаточно, чтобы эффективно донести до слушателя суть рекламного послания.

Одна из важнейших характеристик рекламного текста - лексика. Для рекламы важны два обширных пласта лексики: позитивно-оценочный и нейтральный. Слова из обеих групп соединяются в устойчивые сочетания - рекламные клише, а также в обороты с модальной окраской просьбы, предложения.

Оценочные слова выражают понятия, связанные с позитивными интересами людей из различных сфер общественной жизни - морали и этики, материального достатка, бытового комфорта - и представляющих на данном этапе общественного сознания повышенную ценность. Среди них можно назвать такие:

известность, престижность, популярность, доброта, авторитет, надежность, практичность, гармония.

Позитивно-оценочные слова отражают положительные стереотипы. Несомненно, главным словом, привлекающим внимание вне зависимости от вида товара, услуги или предложения, было, есть и будет слово «БЕСПЛАТНО» / «FREE» / «GRATIS». На лексическом уровне в рекламных роликах используются следующие стилистические приемы: словотворчество, игра слов (омономия, полисемия, антонимия), обыгрывание фразеологизмов. Остановимся на этих характеристиках подробнее и приведем некоторые примеры.

La más pequeña de las grandes Universidades españolas-реклама Universidad Antonio de Nebrija. В данном тексте наблюдается употребление антонимов “pequeña” и “grande”.

Nuevas películas, nuevos actors («Новые фильмы, новые актеры») - реклама журнала Tiempo. Здесь использован такой прием, как повтор.

Un poco MAGNO con hielo. Es mucho. - употребление антонимов “poco” и “mucho”.

Для составления рекламных объявлений очень важен подбор лексики. Часто путем селекции нужных слов, содержащих коннотативные компоненты эмоциональности, образности и однозначности, рекламодатель стремится выделить данное коммерческое предложение. Это:

прилагательные, обозначающие высокое качество товара (exclusivo, unico, autentico, natural, mejor, puro);

прилагательные, подчеркивающие новизну товара (nuevo, moderno, ultimo, original, revolucionario);

слова, обладающие социальным престижем (personalidad, calidad, confianza, prestigio, nobleza, poder);

слова, обозначающие дворянские и королевские титулы (rey, reina, princesa, duque, condesa);

слова, связанные с чувственной сферой человека (sensación de vivir, el placer de vivir, el sabor de la vida, el sabor de la emoción, el sabor de la aventura).

Лексические средства в этом случае, в первую очередь, направлены на то, чтобы убедить покупателя в уникальности или особенности данного коммерческого предложения. Это относится как к самому товару или услуге (для этой цели используются такие слова как: especial, único, raro, mejor), так и к исключительности коммерческого предложения (por primera vez, sólo con nosotros, nunca más, etc):

Usted nunca vio cinema así – реклама кинотеатра.

Tarifas especiales para jóvenes - реклама авиакомпании.

Nuevo RX 300. Lo cambia todo. LEXUS

В данном случае возникает необходимость использования собственно рекламных словосочетаний и словоупотреблений, которые закрепляются за тем или иным аудиоспотом для придания ему большей экспрессивности. Показательными выглядят списки наиболее употребительных слов жанра рекламы, составленные на материале русского и английского языков. Они выглядят довольно схожими: новый, лучший, свежий, особенный, хороший,

свободный, восхитительный, полный, уверенный, чистый, чудесный, натуральный и т.д.

Среди семантических процессов, характерных для функционирования РТ, заметное место принадлежит улучшению значения слов, созданию плюс-фактора, что выражается в соединении наименования товара или товарных знаков со словами, обладающими социальным престижем в обществе: rey, princesa, duque, personalidad, confianza, prestigio, clase. В словосочетаниях этому способствуют прилагательные также с положительной коннотацией: всеобщий, двойной, благородный, тонкий, оригинальный и т.д.

¡El Rey de Los DVD's! ("El Rey Leon") – «Король ДВД!»
(Мультфильм «Король Лев»);

Calidad Auténtica (Winston) («Истинное качество») ;

Un maquillaje perfecto, de principio a fin. Estee Lauder
(«Идеальный макияж от начала и до конца»).

Также имеет место употребление абстрактных существительных вместо конкретных:

CLARINS, al servicio de la belleza.

Otro tipo de seguridad. HONDA.

Для выражения высоких качеств товара и услуги в РТ широко применяется превосходная степень прилагательных и наречий, что обусловлено гиперболизацией достоинств товара, с максимальным усилением оценочности в высказывании:

El álbum más esperado del año - альбом Beyoncé.

Tu mejor moda está en CLOCKHOUSE – реклама сети магазинов молодежной одежды.

Mejores respuestas - слоган фирмы Compaq, производящей персональные компьютеры.

Зачастую используются такие приемы как интенсификация и градация:

Estarás orgulloso de tu móvil. Orgulloso. Muy orgulloso. Tremendamente orgulloso. TELEFONICA.

Деривация (намеренное употребление однокоренных слов) – также частый прием в рекламном творчестве.

Digas lo que digas, dilo con teletarjetas telefónicas. (TELEFÓNICA).

Часто лексические средства используются для того, чтобы подчеркнуть аспект новизны:

Nuevo CITROEN. 0% material grasa - реклама автомобиля.

Por primera vez tu dinero crece tanto y tan rápido - реклама банка Caja Madrid.

Лексические средства, призванные подчеркнуть выгодность коммерческого предложения, его уникальность: sólo, gratis, nunca:

Sólo 50 euros

Telefonee gratis - реклама банка BCI.

Но бывают и случаи, когда вместо всей позитивно-оценочной лексики достаточно лишь озвучить то или иное название фирмы. Зачастую эти бренды говорят сами за себя. Весьма успешны в этом плане рекламные ролики магазинов

одежды, особенно когда наступает сезон распродаж. Для женщин сладкой музыкой звучат имена дизайнеров, часто произносимые на иностранный манер (Морис Лакруа, Жан Поль Готье, Джанни Барбатто, Марио Черутти и т.д.).

Лексемы призваны наиболее выигрышно передать физические характеристики товара, его надежность, известность, репутацию производителя, наличие гарантии. Для выполнения этой задачи употребляются такие слова, как *seguridad, garantía, calidad, confiar, seguro, cierto, etc.*

Dinero seguro. Dinero garantizado. - реклама сберегательных сертификатов.

El color de la calidad - реклама лако-красочных изделий.

La marca que el mundo confía – реклама машинных масел Техасо.

Гиперболы наблюдаются в рекламных текстах, непосредственно характеризующих товар или услугу с определенными рекламными задачами: преувеличение возможностей или демонстрация достоинств фирмы.

¡Un solo cabello es importante! – реклама клиники по пересадке волос.

Prepare los bolsillos XXL ¡Llega la oferta! UNO-E.

Один из основных недостатков РТ заключается в том, что слова, «не продающие» товар, стоят дороже, чем слова, «продающие» товар. Тем не менее, даже при выборе соответствующих лексем для создания тех или иных ассоциаций радиоролик может содержать в себе следующие отрицательные

характеристики: расплывчатость содержания, склонность к абстракции, избыток клише и штампов, чрезмерное использование эвфемизмов, слишком частое употребление длинных и непонятных предложений.

К наиболее употребительным средствам создания лексической экспрессивности относится эпитет. Экспрессивность эпитета-прилагательного особенно возрастает, когда он не только определяет оцениваемый предмет и подчеркивает какую-либо его сторону, но также переносит на него новое дополнительное качество, то есть эпитет приобретает метафизическое свойство.

В структурно-синтаксическом плане эпитеты наиболее часто представлены прилагательными, которые образуют парные эпитеты, но могут насчитывать и более двух слов (*calcetines cómodos, actuales y divertidos*). Экспрессивность эпитета-прилагательного особенно возрастает, когда он не только определяет, оценивает предмет и подчеркивает какую-либо его сторону, но также переносит на него новое дополнительное качество, т.е. эпитет приобретает метафорическое свойство:

Un Escoces muy original. COGNAC.

Абстрактное существительное или субстантивированное прилагательное в качестве именной части сказуемого также высокочастотно в РТ: *Ariel es blancura; Vinalar es el bueno*.

Зачастую при создании РТ используется сравнительная степень с преувеличением. В таком случае превосходная степень достигает особой выразительности: *"Philips, mejores po hay"*.

Сравнительная степень прилагательных употребляется редко, так как у рекламистов существует неписаное правило: не сопоставлять товарные знаки, не упоминать конкурента.

Наряду с исконной испанской лексикой в РТ часто используются слова иностранного происхождения, преимущественно англицизмы:

Siempre en el top de ciclismo en España - реклама велосипедов.

Особенно это относится к рекламе, целевой аудиторией которой является молодежь:

Lo que te faltaba para llegar a top model –реклама дезодоранта.

“FORtuna, FOR you. FORTuna, FOR friends” – реклама сигарет.

Иногда известные фирмы-производители вообще отказываются от перевода своих слоганов:

GAS. Keep it simple!

NOKIA. Connecting people.

Использование фразеологизмов широко применяется в создании РТ. Это вполне объяснимо: фразеологизмы яркие, красочны, образны и, наряду с этим, понятны носителям языка.

Преимущество фразеологизма - в его привычности, узнаваемости. Одно из слов автоматически тянет за собой другое: их сочетаемость предсказуема. Это значительно повышает способность потребителя воспринимать, запоминать и воспроизводить слоган.

Удачно использованный в РТ фразеологизм становится бесплатным рекламоносителем. Употребляя его в повседневной речи, люди автоматически вспоминают о рекламной интерпретации выражения.

Кроме того, фразеологизмы, как правило, конкретны. Они выражают сложно представимые абстрактные понятия (чаще всего из области психологии человеческого поведения или взаимоотношений) с помощью зримых предметных картин.

Обычно фразеологизмы используются в рекламном словесном творчестве в двух вариантах:

парафраз: рекламные фразы перефразируют фразеологизм, заменяя одно из составляющих его слов на созвучное. Например:

¡Los animales unidos jamás serán vencidos! – реклама мультфильма перефразирует рефрен известной песни Виктора Хары “El pueblo unido jamás será vencido”.

2) чистый фразеологизм. РТ просто использует готовое фразеологическое сочетание, в которое входит слово, имеющее непосредственное отношение к объекту рекламы, практически не подвергая его формальному изменению.

A cara descubierta di adiós a la piel grasa. NIVEA.

Омонимы - слова с одинаковым (полная омонимия) или сходным (частичная омонимия) звучанием, но различным значением. Чаще всего омонимы возникают при заимствовании иноязычных слов, которые при произношении звучат как уже существующие в языке лексемы.

La vida es móvil. Móvil es VODAFONE.

В отличие от омонимов, которые являются разными словами, многозначность — это наличие нескольких значений у одного и того же слова. При этом между различными значениями слова прослеживается логическая связь на уровне смысла: можно легко догадаться, какое значение было первичным и каким образом образовались от него переносные смыслы (например: горячая каша, горячая поддержка, горячий скакун).

СЕКЦИЯ 4

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Пономаренко Е.Б.

(Россия, Москва)

От толерантности к политкорректности в СМИ

Понятие толерантности формировалось на протяжении многих веков, и этот процесс продолжается до сих пор. Накапливая разносторонние значения, термин "толерантность" стремится соответствовать действительности. Так, согласно «Декларации принципов толерантности», утвержденной резолюцией Генеральной конференции ЮНЭСКО 16 ноября 1995 г., «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности».

Это определение наиболее масштабно подразумевает терпимое отношение к иным национальностям, расам, цвету кожи, полу, сексуальной ориентации, возрасту, инвалидности, языку, религии, политическим или иным мнениям, национальному или социальному происхождению, собственности и пр. В данном определении следует подчеркнуть один важнейший акцент толерантности, а именно упор на понимание других культур и

других точек зрения. Даже в случае личного неприятия чьих-либо взглядов толерантность подразумевает понимание или хотя бы попытку понимания, а не полное отрицание всего непонятного и необычного.

На русский язык с английского Декларация была переведена как "Декларация принципов терпимости". Но понятие "терпимость" не только не отражает полноты "толерантности", но и может быть прямо противоположно ему. В русском языке глагол "терпеть" имеет негативную окраску. Терпение всегда пассивно и означает лишь внешнее сдерживание своего отношения. Напротив, "толерантность" толкуется в Декларации как "активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека".

Толковые словари русского языка предлагают пять словарных статей, связанных с понятием терпимости: веротерпимость, терпеть (во втором значении), терпимость, терпимый и толерантность. В английских словарях это понятие представлено большим рядом слов: tolerance, tolerant, tolerate, tolerancy (с пометкой "rare", т.е. редко), tolerantal, tolerantism, toleration, tolerantonism, tolerator. Словарь английского языка 2003 г. дает следующее определение слова "tolerance": «willingness to allow people to do, say or believe what they want without criticizing or punishing them». Следует отметить значительное сходство значений и эквивалентность многих лексем, относящихся к понятию "терпимость"/"tolerance" в русском и английском языках. Общими значениями для данного понятия являются следующие:

1. Способность терпимо, снисходительно относиться к чужим мнениям и взглядам.

2. Терпимое отношение к людям других национальностей и рас (эти значения слово «терпимость» приобрело после 1990 года, с распадом СССР).

3. Терпимость к чужой религии, признание ее права на существование.

В истории человечества нетерпимость присутствовала всегда, порождая войны, религиозные преследования и идеологические противостояния. В повседневной жизни она выражалась и выражается в фанатизме, стереотипах, оскорблениях, а в государственном масштабе - в расовой дискриминации, преследовании по национальному, религиозному признаку, в нарушении важнейших демократических свобод.

Известный американский ученый Сильберштейн в своей книге “ War of Words”, анализируя роль языка в создании национальной идентичности и общественного единодушия нации и толерантности, пишет: “In America we find strains of deep tolerance and multiculturalisms; we also find racism and xenophobia. Public rhetoric can access these various strains, using them as raw material to (re)create a national perspective around notions that – because of their cultural resonance – are widely experienced as “common sense”. In the case of the War on Terrorism, xenophobia could be used to create an intolerant “other” who supported attacks on our secular democracy. Once an “enemy” is positioned as “evil”, fewer citizens are moved to inquiry about “collateral damage”, the precise

situation for civilians on the ground. To this day, amidst the enormous amount of discourse around the success in Afghanistan, there is very little discussion about the human toll of the war” [Silberstein 2004, 14-15].

Далее она приводит примеры, как государственный орган занимающийся продвижением национальной идеи в массы (The Ad Council of America), объясняет разницу между терроризмом и толерантностью населению:

“Terrorism is caused by a lack of tolerance. Inoculate your children against terrorist; teach tolerance. As a native speaker of “Americanese,” I rather think that this is at least close to an intended, first-order-message. But other possibilities abound.

Terrorism is caused by a lack of tolerance. If we don’t teach tolerance we would become vulnerable to recruitment by terrorist. This meaning is slightly different from the first, but plausible. It works particularly if one enters the loop seeing tolerance first, then terrorism”.

“Tolerance is liberal term that doesn’t address the underlying roots of terrorism. Explain to your children why people turn to terrorism when despair overtakes hope.

Tolerance is liberal term that doesn’t address the underlying roots of terrorism. It asks victim to embrace tolerance while being savaged. Talk to your children about the necessity of terrorism now that despair has overtaken hope” [Silberstein 2004, 109-110].

Для того, чтобы мы все чувствовали себя комфортно и спокойно, в обществе должна быть создана атмосфера доброжелательности, терпимости и политкорректности.

Политкорректность является обратной стороной толерантности и предполагает регламентацию принципов толерантности на практике. Она предписывает строгое следование стандартам лингвистического поведения, включающим в себя, в том числе, и нетолерантное отношение к тем, кто не одобряет практику политкорректности и толерантности.

Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, политкорректность зародилась в 70-х гг. в Соединенных Штатах Америки. Первоначальным толчком стала борьба «африканских пользователей английским языком, возмущившихся негативными коннотациями метафоры слова «black» (черный)». Прилагательное «черный» имеет негативные коннотации в большинстве языков мира. Под влиянием феминистского движения и для снятия трудностей перевода, вместо традиционных cameraman, fireman, policeman, в английский языке вошли camera operator, firefighter, police officer. С целью выравнивания соотношения между мужским и женским полом в титулах компонент man заменяется на person: chairman-chairperson; congressman – congressperson; spokesman- spokesperson.

Некоторые исследователи указывают на то, что сам термин «политкорректность» был введен в научный и общественный лексикон в 1975 г. американской феминисткой Карэн де Кроу. Первоначально данная концепция получила распространение в среде университетских кампусов, а затем в 90-е гг. стала общей практикой. Исследование, проведенное В.В. Паниным, показало, что современные американские газеты практически не используют

политически некорректные слова и выражения, в то время как в середине прошлого столетия они употреблялись постоянно.

Борьба за чистку языка продолжается и в наши дни. Так, в Соединенных Штатах не так давно вышла книга Д. Равич “Полиция языка”, которая сделала ревизию школьным учебникам. Из американских учебников будет изъято более 500 слов, в том числе такие, как “Бог”, “черт”, “малыш”, “слепой”, “посудомойка”, на том основании, что они могут задеть, или оскорбить чьи-то чувства. Так, согласно кодексу, разработанному Д. Равич, не вполне благозвучно название романа Э. Хемингуэя “Старик и море”, которое следовало бы заменить на словосочетание “Представитель старшей возрастной группы и вода”. Вызывает нарекание слово “старик”, поскольку задевает чувства людей, преодолевших большую часть жизненного пути. Слово “море” может натолкнуть на горестные раздумья тех, кто его никогда не видел.

Газета «Взгляд» 16 марта 2009 г. опубликовала статью под заголовком “Евродепутаты лишились пола”. Правила политкорректности требуют отказаться от традиционных в Старом свете обращений к женщинам – этой теме посвящена брошюра «Нейтральный в отношении полов язык» («Gender-Neutral Language»), выпущенная Европарламентом. Брошюра предписывает обращаться к женщинам – членам Европарламента не иначе, как по имени и фамилии. Принятые же в европейских языках обращения: “миссис” и “мисс”, “мадам” и “мадмуазель”, “сеньор” и “сеньорита” названы руководством Евросоюза

недопустимыми – они подчеркивают семейный статус женщин и, по мнению парламентариев, являются дискриминационными. Телерадиовещательная корпорация BBC запретила своим журналистам использование слова “террорист”. Как говорится в пресс-релизе компании, «это слово имеет осуждающую и эмоциональную окраску... и мешает оценить ситуацию». Слово “terrorist” заменяется в репортажах и в статьях на “bombers”. Например: Pakistan suffered its fourth major militant attack in eight days today when a suspected suicide bomber struck a Pakistani military convoy. The bomber targeted a military vehicle was passing through a bazaar Alpuri in Shangla district.

Политическая корректность направлена на то, чтобы оберегать права и достоинства индивидуума. Однако нельзя допустить, чтобы стараниями фанатиков политической корректности было поставлено под угрозу существование произведений всемирного и художественного наследия, которые в той или иной степени задевают достоинства различных социальных групп. Такого рода обвинения в адрес политической корректности уже появились в общественной и научной прессе. Умберто Эко считает политическую корректность главным врагом толерантности сегодня.

Луканина Е.В.

(Россия, Москва)

**Мультимедиакомпетенция как компонент в обучении
немецкому языку как иностранному**

Одним из основных вопросов развития образовательного процесса в вузе является внедрение новых информационных технологий (ИТ). Важную роль в этом процессе играет формирование мультимедиакомпетенции, необходимой для использования Интернет-технологий, что во многом гарантирует подготовку высококвалифицированных конкурентноспособных кадров. При этом формы введения Интернет-технологий часто противостоят существующим учебным планам и образовательным структурам.. Если данные технологии будут внедряться на занятиях, раскрывая весь свой потенциал для учебного процесса, то это несоответствие должно постепенно сокращаться. Для этого необходимо проанализировать, какой будет форма использования ИТ в изучении иностранных языков, какими компетенциями должны обладать преподаватели, чтобы быть готовыми использовать весь потенциал Интернета и как нужно строить и развивать эти компетенции для дальнейшего изменения системы образования.

Введение ИТ, и, прежде всего, информационных и коммуникационных средств, особенно благоприятно для всей системы образования. ИТ в обучении становятся также катализатором передовой педагогической теории, научные основы

которой ориентированы на развитие личности обучаемого и были ранее заложены в работах В.П. Беспалько, Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, Б.С. Гершунского, Г.Р. Громова, И.А. Зимней, А.А. Леонтьева, Е.С. Полат, Г.В. Роговой и др.

Некоторые исследователи предлагают рассматривать ИТ как совокупность методов и технических средств сбора, организации, хранения, обработки, передачи и представления информации, расширяющей знания людей и развивающей их возможности по управлению техническими и социальными процессами.

Следует отметить, что экранная культура способствует небывалой диверсификации и мультипликации источников образования (особенно в условиях демократических процессов в обществе), поэтому на роль авторитетного источника знаний о мире, наряду с преподавателем, претендуют новые ИТ. Образование в информационном обществе должно быть не только средством усвоения готовых общепризнанных знаний, но и способом информационного обмена личности с окружающими людьми, обмена, который совершается в каждом акте ее жизнедеятельности и на протяжении всей жизни, который предполагает не только усвоение, но и передачу, отдачу, генерирование информации в обмен на полученную. Сегодня основными психологическими теориями, на которых базируется обучение иностранным языкам с использованием ИТ, являются когнитивная психология и теория конструктивизма.

Первый подход заключается в моделировании когнитивных процессов человека с помощью компьютера и использование этой модели для решения задачи оптимального управления процессом обучения.

Второй подход, впервые предложенный Э. фон Глазерфелдом, О. Фортстером, связывает весь процесс обучения непосредственно с теорией конструктивизма. В отечественной научной литературе предлагается в качестве основного подхода к использованию ИТ в обучении взять теорию П.Я. Гальперина «О поэтапном формировании умственных действий». Данная теория основывается на создании благоприятных условий для формирования умственных действий и отвечает на вопрос, какие условия необходимо создать для формирования нужного действия. Применительно к компьютерному обучению, теория П.Я. Гальперина нашла свое отражение в работах Н.Ф. Талызиной, посвященных проблемам управления процессом усвоения знаний. В каждом возрасте работают разные модели объяснения мира, поэтому и обучение, например, иностранному языку, должно проходить по-разному.

Целью обучения становятся передача и распространение знаний, помощь в собирании и хранении информации, в ведении поиска информации. В результате этого традиционная модель обучения, как модель передачи знаний, должна перейти в модель обработки информации и конструирования знаний.

Общие гипотезы конструктивизма Д.Вольф определяет следующим образом:

«Обучение через внесение информации» дает возможность обучаемому составлять самому при помощи новых технологий определенную информацию, чтобы уметь отвечать на структурные и содержательные вопросы.

Обучение с конструктивистских позиций характеризуется как активный процесс, в котором обучаемый конструирует новые знания, а его осознание новых знаний базируется на открытом потоке информации, прошлом опыте, знаниях.

Обучение ИЯ рассматривается как интерактивный, динамический процесс, в котором новые знания плодотворно приобретаются, если обучаемые участвуют в ситуациях, в которых они могут исследовать источники и ресурсы информации, а не получать простые формальные инструкции.

Даже в коротких аутентичных видеодокументах образы превращаются в смыслы, дают структуру, которая переводит язык людей на язык предметов и наоборот – люди, создавшие эти материалы, не появляются на экране, они не выражают своего мнения, и поэтому зрителям надо решить, что хотел доказать автор. В свою очередь, преподаватель тоже должен уметь замечать и расшифровывать увиденное, понимать аутентичный материал, понимать зашифрованный зрительный и вербальный код.

В научной литературе специфика Интернета представляется тремя следующими аспектами: мультимедийностью, интерактивностью, гипертекстуальностью.

Разберем первый аспект.

Мультимедийность – это «ключевая технология» информационного пространства, открытого информационного мира, представленного в виде: порталов, поисковых систем, каталогов, сайтов, электронных словарей, энциклопедий, виртуальных университетов. Материалы Интернета строятся как конструкции, где происходит «свободный прием мультимедийной информации через сеть» [Kerres 1998].

Самая важная черта мультимедийности состоит в том, что они охватывают в своей сфере большинство видов культур во всем их разнообразии. Все проявления культуры соединяются в этой цифровой вселенной, которая связывает в гигантском историческом супертексте прошлые, настоящие и будущие проявления коммуникативной мысли.

Вторая ценность Интернета, его второй аспект – это интерактивность.

Службы электронной почты, чата, видеоконференций открывают возможности прямой аутентичной коммуникации между говорящими на одном языке и на изучаемом языке, т.е. с «носителем языка». Эти возможности по своему многообразию, скорости передачи, особой независимости, содержанию несравнимы с традиционными формами работы. Роль Интернета для интеркультурного общения и понимания в этом случае демонстрируется на примерах двуязычных e-mail-танDEMов. Интерактивность означает способность взаимодействовать или находиться в режиме беседы, диалога с кем-либо (например, с компьютером или собеседником). Следовательно, интерактивное

обучение – это, прежде всего, диалоговое обучение, в ходе которого осуществляется взаимодействие. Одна из целей – создание комфортных условий обучения, т. е. условий, при которых обучаемый чувствует свою успешность, свою интеллектуальную состоятельность, что делает продуктивным сам процесс обучения.

Третий аспект Интернета – это его гипертекстуальность, где гипертекст и есть структура Интернета. Гипертекст – ассоциативное соединение информационных частей через серверы или ссылки, которые дают возможность доступа к пункту соединения с текстами. Результат собственного труда при использовании мультимедиа вызывает определенные положительные эмоции, порождающие дополнительную мотивацию учебы. Самостоятельный информационный поиск, активизирующий мыслительную деятельность субъекта, является составной частью творческого процесса. Поиск в момент возникновения идеи приводит к дальнейшему развитию мысли, не дает ей угаснуть. ИТ дают человеку по-новому решать творческие задачи, изменять сложившийся стиль мыслительной деятельности. Находясь в сети Интернета, студент ощущает себя членом «учительской» семьи, где говорят на разных языках, что побуждает его к овладению не одним, а 2-3 языками, т.к. немецкоговорящие научные и методические сайты прививают стремление пользоваться несколькими языками в ограниченных рядовых ситуациях (выражения приветствия, благодарности, вопросы и т. п.)

Петрова А.М.

(Россия, Москва)

**К вопросу о межкультурных аспектах перевода рекламных
текстов (на материале испано -, англо - и русскоязычной
рекламы автомобилей BMW)**

Существует множество научных трудов, посвященных теории перевода, где отмечается, что «при переводе передается не само языковое сообщение, а экстралингвистическая действительность, в нем заключенная, то есть происходит интерпретация сообщения, подлежащего переводу» [Топер 2000, 141].

Кроме того, изложение оригинала рекламного текста в интерпретации переводчика ориентировано на некий обобщенный образ покупателя. В связи с этим перевод рекламных текстов вызывает особый интерес, ведь переводчику необходимо не только сделать сообщение доступным пониманию читателя, но и сохранить суггестивное воздействие рекламного сообщения.

Рассмотрим подробнее приемы, использованные при переводе слоганов для моделей автомобилей широко-известной марки BMW:

- BMW. ¿Te gusta conducir?
- BMW. Sheer Driving Pleasure
- BMW. С удовольствием за рулем.

В то время, как в испанском рекламном тексте использован вопрос к воображаемому собеседнику, в английском и русском эквивалентах отдается предпочтение утвердительным конструкциям.

- Hay muchas formas de disfrutar del verano. Pero sólo una dura todo el año. Nuevo BMW Serie 1 Cabrio.

- The BMW 1 Series Convertible. Bring summer to the streets.

- Лето на Вашей улице. BMW 1 серии кабриолетт.

Испано-, англо- и русскоязычные рекламные тексты объединяет концепт «лето», обыгранный при помощи различных языковых средств: в испанской версии использована безличная конструкция, усиленная наречием «sólo», которая придает уникальность товару в глазах покупателя. В русском варианте использована аллюзия на поговорку: «будет и на нашей улице праздник». Здесь лето отождествляется с праздником.

- BMW Serie 1 Coupé. Intensidad concentrada. ¿Estás preparado?

- Condensed Intensity. The BMW 1 Series Coupé.

- Пульс 180. Концентрированная энергия. BMW 1 серии купе. Вы готовы? Адрнлн. Птрсение. Всьхщнне. Впчтлння. Сблзн.

Поскольку в русском алфавите нет буквы, которую можно было бы заменить на цифру 1, сохраняя при этом слысл слова, был найден удачный вариант сравнения концентрированной энергии с ушаченным сердцебиением. В русском рекламном тексте присутствуют нарочитые орфографические ошибки: опущение гласных звуков.

Рассмотрев некоторые частные примеры испано-, англо- и русскоязычных слоганов, призывающих покупателя приобрести конкретную модель автомобиля, можно сказать, что, помимо общих черт, присущих рекламным текстам на всех трех языках (употребление парцелированных конструкций, вопросно-ответных конструкций, заимствованных из разговорного синтаксиса, и т.д.), каждый рекламный текст несет национально-культурную специфику. Так, в абсолютном большинстве испаноязычных рекламных текстов данной марки используется обращение на «tú», что может объясниться более тесными межличностными (горизонтальными) отношениями между индивидами.

Следует помнить, что перевод представляет собой сложный психолингвистический процесс, в ходе которого в сознании переводчика значения отдельных элементов рекламного текста и значение слогана в целом через постижение его общего смысла преобразуются в новые значения, и, таким образом, текст оригинала (внешняя структура речевого высказывания на одном языке) воплощается в тексте перевода (внешней структуре, актуализирующей новый смысл сообщения в новых значениях) [Оболенская, 132].

Однако, в связи с тем, что основная задача рекламного текста – создавать у адресата социально-психологическую установку (аттитюд) на покупку конкретного товара, частотны случаи, когда рекламный слоган не переводится вовсе, а создается заново, принимая во внимание особенности аудитории.

Провоторова Е.А

(Россия, Москва)

**Формирование информационной культуры и использование
информационных технологий в преподавании латинского
языка**

Развитие информационных технологий, их активное проникновение во все сферы человеческой жизнедеятельности является одной из основных характеристик постиндустриального периода человеческого общества. Уровень развития современного общества во многом определяется накопленной информацией, её качеством, количеством, доступностью. Начинают говорить о формировании информационной культуры как компонента общей культуры человека. Существует много определений того, что же следует понимать под "информационной культурой", но в наиболее общем значении - это информационная составляющая человеческой культуры, которая характеризует информационные отношения и информационные процессы, осуществляемые в обществе.

В истории формирования информационной культуры можно выделить несколько основных вех, так называемых информационных революций, во многом связанных с появлением новых способов передачи информации, новых средств коммуникации. Первый этап – изобретение письма, являющегося, по определению лингвистических словарей, "знаковой системой фиксации речи, позволяющей с помощью графических элементов

передавать речевую информацию на расстоянии и закреплять её во времени" [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, 375]. Таким образом, появилась возможность передавать информацию не только на расстояние, но и во времени, причём объем передаваемой информации значительно увеличивается, т. к. больше не ограничивается размером человеческой памяти. Кроме того, улучшается качество передаваемой информации. Происходят изменения в самом языке – расширяется лексический запас, усложняется синтаксис, формируется литературный язык. Следует отметить, что с появлением и развитием письменности связаны не только плюсы в передаче информации, но и минусы, как то: невозможность использования паралингвистических средств (мимики, интонации), отсутствие прямого контакта с собеседником.

Следующим важным этапом в развитии средств коммуникации и передачи информации является появление книгопечатания. Благодаря книгопечатанию, стало возможным распространение литературного языка, унификация текста, что было неосуществимым при копировании его вручную. Появление периодических изданий приводит к частичной смене тематики – вместо религиозного содержания приоритет приобретает информация о повседневной жизни.

Очередной этап развития средств коммуникации, передачи информации датируется 19-21 вв. Происходит активное развитие полиграфии, появляются новые средства коммуникации – телеграф, телефон, радио, кинематограф. Становится возможным

осуществить мгновенную передачу информации, в том числе, визуальной, на большие расстояния. Создаются новые аппаратные устройства хранения информации. Возникает массовая коммуникация, целью которой является информационное воздействие на человека. Развиваются новые отрасли промышленности, занимающиеся распространением информации. В основе экономики теперь лежит именно производство и распределение информации. Все большую роль в жизни общества играет Интернет. Происходит трансформация системы ценностей, увеличивается доля умственного труда, наблюдается проникновение информационных технологий в большинство сфер человеческой деятельности. Уменьшается зависимость человека от его этнической культуры, языковой принадлежности.

Информационная культура человека, помимо компьютерной грамотности, характеризуется следующими критериями: умением сформулировать потребность в информации, осуществить ее поиск, произвести отбор и оценку найденной информации, систематизировать, переработать ее, создать новую. Важную роль в формировании информационной культуры играет образование, которое должно сформировать навыки дифференциации информации, критерии ее оценки, научить использованию информации в профессиональной деятельности и повседневной жизни.

Реформирование системы образования на основе информационных технологий ставит своей целью построение открытой системы образования, позволяющей эффективно

организовать познавательную деятельность, индивидуализировать учебный процесс, использовать новые познавательные средства и т.д. Применение информационных средств даст возможность осуществить достижение таких приоритетов системы образования, как целостность, фундаментальность, etc.

В настоящее время особое внимание уделяется личностно – ориентированному подходу в обучении. При этом подходе в центре внимания находится личность учащегося, его индивидуальная познавательная деятельность, формирование креативного мышления, умение работать с информацией. Использование информационных технологий позволяет индивидуализировать процесс обучения, способствует самостоятельной деятельности студентов по поиску и обработке информации, что является актуальным для современного информационного общества, требующего умений самостоятельно приобретать знания, получать и использовать информацию. Навыки самостоятельной работы с информацией являются в настоящее время одним из главных требований, которые предъявляются к высококвалифицированным специалистам. Высказывались мнения, что образование должно строиться на умении ориентироваться в потоке информации и способности её применять.

Ускоренное внедрение информационных технологий в повседневную жизнь современного общества вносит свои коррективы в традиционную методику преподавания латинского языка в высших учебных заведениях.

Информационные технологии способствуют модернизации процесса обучения, повышению его эффективности. Использование инновационных способов передачи информации позволяет осуществить переход к новому этапу педагогической практики, основанному на широком использовании ИТ. Внедрение данных технологий подразумевает не только расширение технических возможностей, но и новые методологические подходы к процессу преподавания латинского языка в высшей школе. Создаваемые в ВУЗах информационные Интернет-порталы предоставляют широкий спектр возможностей для размещения собственных страниц, проведения тестирования не только в учебных аудиториях, но и из любого места, предоставляющего доступ в Интернет, для добавления учебных материалов, размещения текстов лекций, материалов семинаров, экзаменационных заданий и т.д. Одним из недостатков информационных порталов крупного университета можно считать ограниченность объемов материала, доступных для размещения. В этом случае одним из вариантов решения является создание персональных сайтов преподавателей. Благодаря специальным службам, сайты могут создаваться даже пользователями Интернета, не имеющими специального образования и не обладающими профессиональными познаниями в области компьютерных сетевых технологий.

Используя возможности конструктора сайта, был создан и в настоящее время активно развивается Интернет-сайт преподавателя латинского языка кафедры иностранных языков

филологического факультета РУДН <http://www.provelar.narod.ru>. Данный сайт был разработан с целью исследования возможности организации и поддержки процесса изучения латинского языка студентами подготовительного факультета и начальных курсов медицинского и филологического факультетов Российского университета дружбы народов, обучающихся по традиционной и новой кредитно-рейтинговой (болонской) системам. Сайт можно рассматривать как сетевой инструмент для размещения, передачи и сбора учебной информации, снабжения студентов учебными материалами и т.д. в дистанционном режиме в условиях перехода на новую систему организации образования, которая основана на современных информационных и педагогических технологиях.

В состав сайта включены программы курсов, в том числе, программа курса "Древние языки и культуры. Латинский язык" для студентов филологического факультета, обучающихся по традиционной и кредитно – рейтинговой системе, программа курса "Латинский язык" для студентов медицинского факультета; презентации по курсу "Древние языки и культуры" для студентов направления "Лингвистика" 2 курса, отчетные материалы о результатах тестов, экзаменов, аттестаций, зачетов, лексические минимумы, грамматические материалы, регулярно обновляющиеся списки крылатых латинских выражений, учебные упражнения, ссылки на Интернет – сайты, предоставляющие дополнительные материалы, которые могут быть использованы в процессе обучения, например, <http://linguaeterna.com/> адреса специализированных электронных библиотек, гостевая книга.

Для наполнения контента сайта были созданы электронно-методические пособия, которые, размещенные на страницах сайта, могут быть использованы как при проведении групповых занятий, так и при индивидуальном обучении. Например, в пособии «Латинская письменность. Алфавит» содержатся сведения о латинском алфавите, приводятся краткие данные из истории латинской письменности и слайды, содержащие буквы латинского алфавита. Пособие выполнено в виде презентации в формате PowerPoint. В ней содержатся схемы, диаграммы, таблицы, которые иллюстрируют применение языковых инструментов. В каждом слайде приводится латинская буква, указывается её произношение, даётся иллюстрация, а также известные латинские крылатые выражения. На сайте помещен грамматический справочник по латинской глагольной системе. Пособие оформлено в виде документа редактора MS-Word и состоит из нескольких разделов, в которых разделе разбираются спряжения латинских глаголов, глагольные времена, способы их образования и употреблению, приводятся данные о наклонениях латинских глаголов, содержится информация об основных формах глаголов и о залогах, отглагольных именах. Весьма удобным является наличие большого числа гиперссылок, позволяющих легко переходить из одного раздела справочника в другой без продолжительного поиска необходимого материала. Были созданы и зарегистрированы в ОФАП ФГНУ «Государственный координационный центр информационных технологий» электронные разработки по темам ""Латинские местоимения",

"Синтаксис латинских падежей", "Способы образования латинских прилагательных", "Латинские предлоги", "Латинский язык. Числительные", "Латинские глаголы – способы образования", причем в создании некоторых работ приняли участие студенты РУДН.

Одним из несомненных плюсов рассматриваемой педагогической технологии можно также отнести интерактивность подобных сайтов, поскольку наличие гостевой книги и электронной почты дает возможность студентам и другим посетителям сайта не только получать информацию, но и высказывать свои предложения, которые могут быть учтены преподавателем при коррекции существующего или при разработке нового учебного плана, других элементов контента, а также оформления всего сайта в целом.

Таким образом, на основании выше изложенного, можно сделать выводы, что с помощью внедрения в процесс обучения информационных технологий можно повысить качество подготовки будущих специалистов, оптимизировать и совершенствовать учебный процесс для повышения эффективности хода обучения, способствовать развитию творческого потенциала студентов, формированию информационной культуры, появляется возможность научить их получать информацию и использовать ее в личных и профессиональных целях, помочь занять достойное место в современном информационном обществе.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Михеева Н.Ф. Перспективы развития контактной лингвистики в Российской Федерации	4
Фирсова Н.М. О разработке новых научных направлений в отечественной испанистике в аспекте межвариантной национально-культурной специфики	13
Ларина Т. В. Английский язык как язык межкультурного общения	21
Эбзеева Ю.Н. Языковая политика франкоязычных стран на современном этапе	34
Дмитриева Е. Г. Межкультурная коммуникация сквозь призму швейцарского национального варианта французского языка	42
Пушкина А.В. Глобальный язык в современном мире: плюсы и минусы	49

СЕКЦИЯ 1

КОНТАКТНЫЕ ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

Антонюк Е.В. Языковая ситуация в штате Флорида (на примере самой многочисленной диаспоры)	52
Уварова М.А. Культ Кабиров и его роль в развитии межкультурной коммуникации в Средиземноморье в Античную эпоху	61

- Котеняткина И.Б.** Некоторые аспекты национально-культурной специфики в области номинации лиц по профессии в гватемальском и пиренейском национальных вариантах испанского языка в проблематике межкультурной коммуникации 67
- Гишкаева Л.Н.** Формирование новой языковой картины мира разных территориальных сообществ испанского языка 72
- Магомедова М.О.** Система терминов родства в русском и аварском языках 81

СЕКЦИЯ 2

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

- Шорина Т.М.** Глобализационные процессы в языке и культуре современной России 89
- Романова А.А.** Лингвистическое богатство Испании - культурное наследие, объект уважения и специальной защиты 99
- Абанина И.Л.** Интертекстуальные включения сквозь призму процесса глобализации языков и культур 105
- Грибанов И.С.** Стереотипизация национальных характеров и ее отражение в языке 112

СЕКЦИЯ 3

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

- Исаева Е.Ф.** Номинация с использованием прозвищ в художественном тексте (на примере текстов испанских авторов) 121
- Анахаева А.А.** Диалекты в австралийском национальном варианте английского языка 127

Штепа А. Грамматическая синонимия современного английского языка	130
Борисова А.С. Приемы языкового манипулирования во французских рекламных текстах	132
Кутьева М.В. Гендерная полемика в испанской периодике	135
Усманова З.А. Роль языка-посредника в эпоху глобализации	144

СЕКЦИЯ 4

ВОСПИТАНИЕ

ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Николаева Ю.А. Отрицание в английских, американских и русских информативно - регуляторских текстах	147
Солдатова О.С. Национальный стиль коммуникативного поведения англичан и русских на примере ситуации «похвала»	153
Шипилова О.В. Сопоставительный анализ мифологизмов английского, французского и русского языков	161

Вечернее заседание

СЕКЦИЯ 1

КОНТАКТНЫЕ ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

Борисова Е.С. Соотношение языка и диалекта в несобственно-прямой речи на примере итальянской художественной прозы	165
Бекеева А.Р. Языковая ситуация и развитие языковых отношений в Новой Зеландии	173

Колупаева Н.В. Национально-культурное своеобразие функционирования языковых единиц в парагвайском варианте испанского языка	179
--	-----

СЕКЦИЯ 2

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Горностаева А.А. Культурная и ценностная картина мира и ее отражение в языке	187
Аскарова Е. Метод семиотического анализа китайских иероглифов, способствующий более глубокому пониманию языка и китайского менталитета	195
Естехина К.В. Миф, архетип и глобализация	200
Ковалевская Е. В. Интернет – СМИ как фактор языковой глобализации	207

СЕКЦИЯ 3

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Козырева М.М. К проблеме вариативности английского языка	213
Ленько Г.Н. К вопросу об истории и функционировании Международной организации франкофонии	220
Минасян А. А. К вопросу о языковой вариативности	223
Сибатров В.Е. Лексические характеристики испанских рекламных текстов	228

СЕКЦИЯ 4
ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В
СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Пономаренко Е.Б. От толерантности к политкорректности в СМИ 238

Луканина Е.В. Мультимедиакомпетенция как компонент в обучении немецкому языку как иностранному 245

Петрова А.М. К вопросу о межкультурных аспектах перевода рекламных текстов (на материале испано-, англо- и русскоязычной рекламы автомобилей BMW) 251

Провоторова Е.А. Формирование информационной культуры и использование информационных технологий в преподавании латинского языка 254

КОНТАКТНЫЕ ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Материалы докладов и сообщений

16–19 ноября 2009 г.

Издание подготовлено в авторской редакции

Подписано в печать 06.10.2009 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 15,58. Тираж 300 экз. Заказ 1060

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок
